АМФОРА

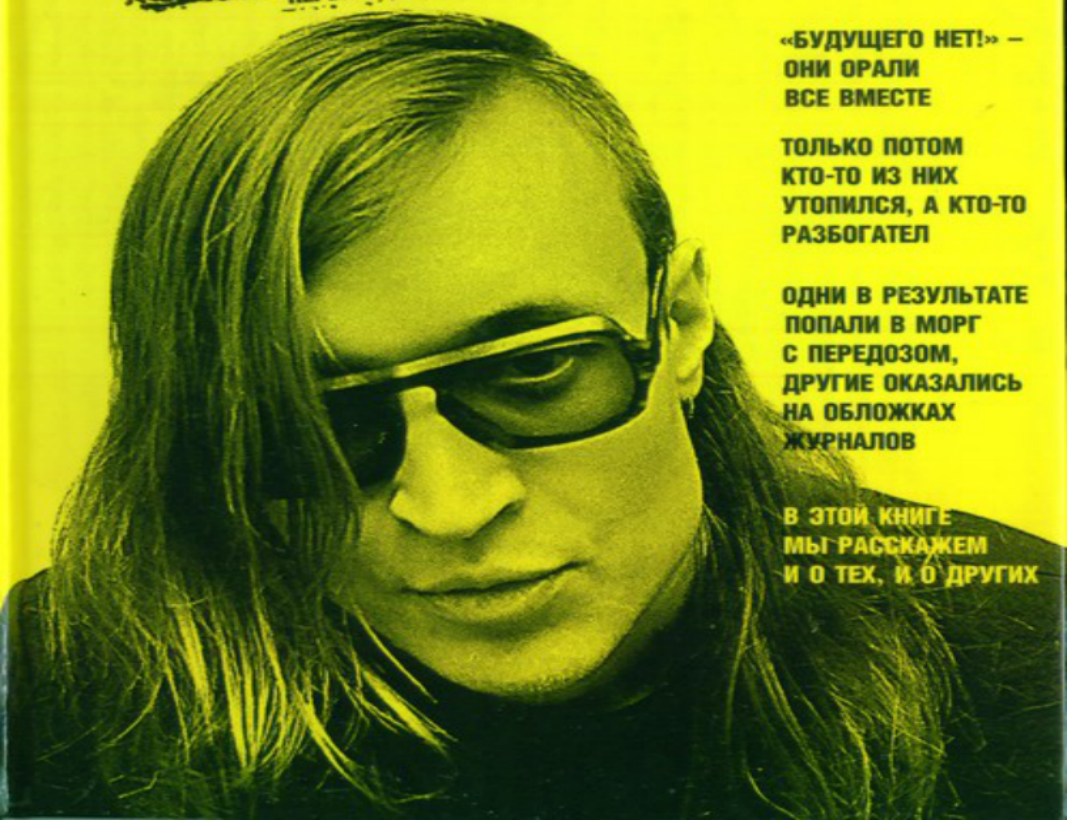
СТОГОFF PROJECT

первая в России книжная серия, рассказывающая о том, что происходит прямо сейчас

АЛЕКСЕЙ РЫБИН, ВЛАДИМИР ТИХОМИРОВ И ДР.

АНАРХИЯ В РФ

ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ПАНКА



«БУДУЩЕГО НЕТ!» — ОНИ ОРАЛИ ВСЕ ВМЕСТЕ

ТОЛЬКО ПОТОМ КТО-ТО ИЗ НИХ УТОПИЛСЯ, А КТО-ТО РАЗБОГАТЕЛ

ОДНИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОПАЛИ В МОРГ С ПЕРЕДОЗОМ, ДРУГИЕ ОКАЗАЛИСЬ НА ОБЛОЖКАХ ЖУРНАЛОВ

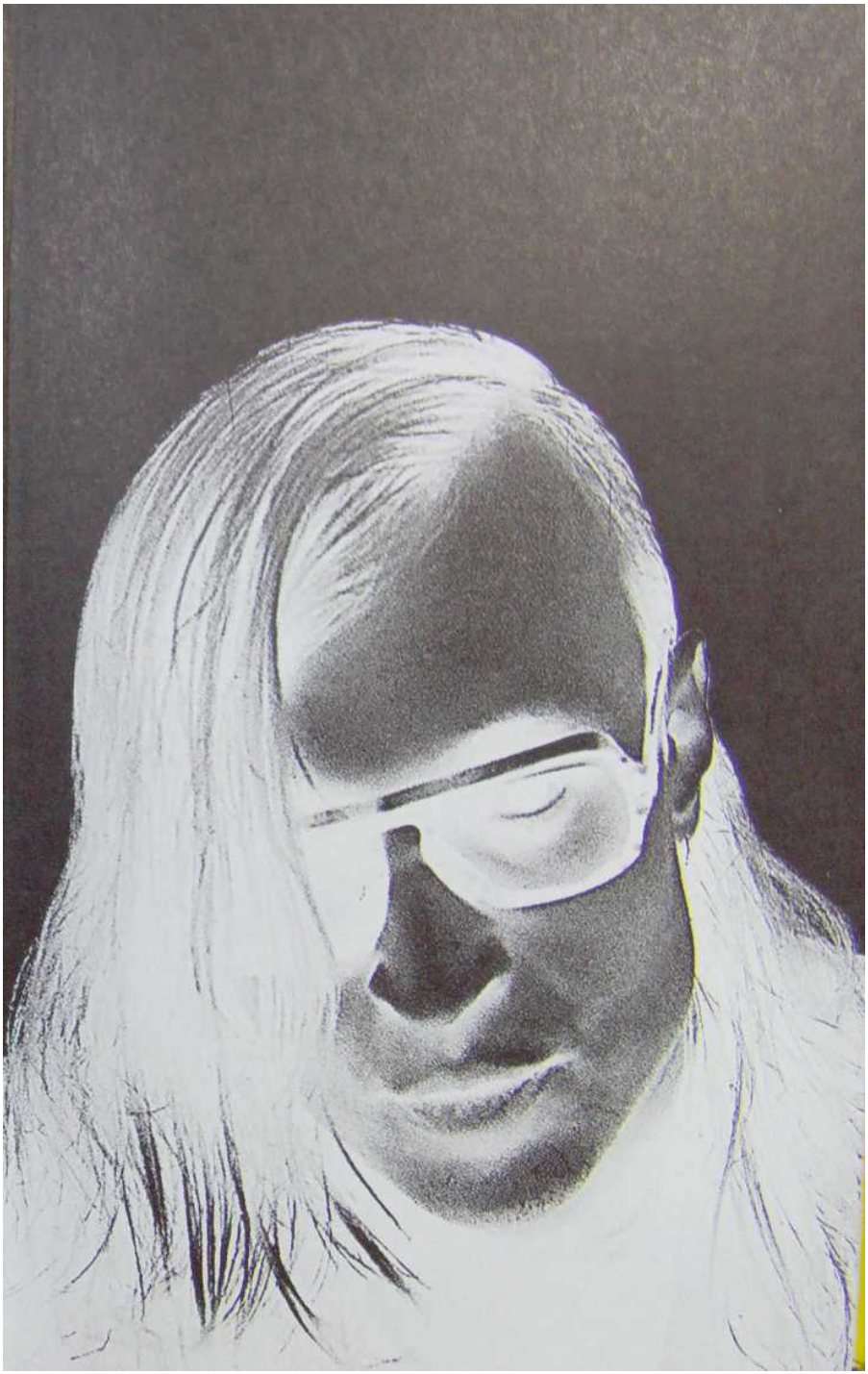
В ЭТОЙ КНИГЕ МЫ РАССКАЖЕМ И О ТЕХ, И О ДРУГИХ

Annotation

Антология освещает творческий путь музыкантов, чьими руками в России 1970-2000-х годов появился панк-рок. Из книги читатель узнает о творческом пути групп «АУ», «Гражданская Оборона», «Сектор Газа».

Примечание: Содержит ненормативную лексику.

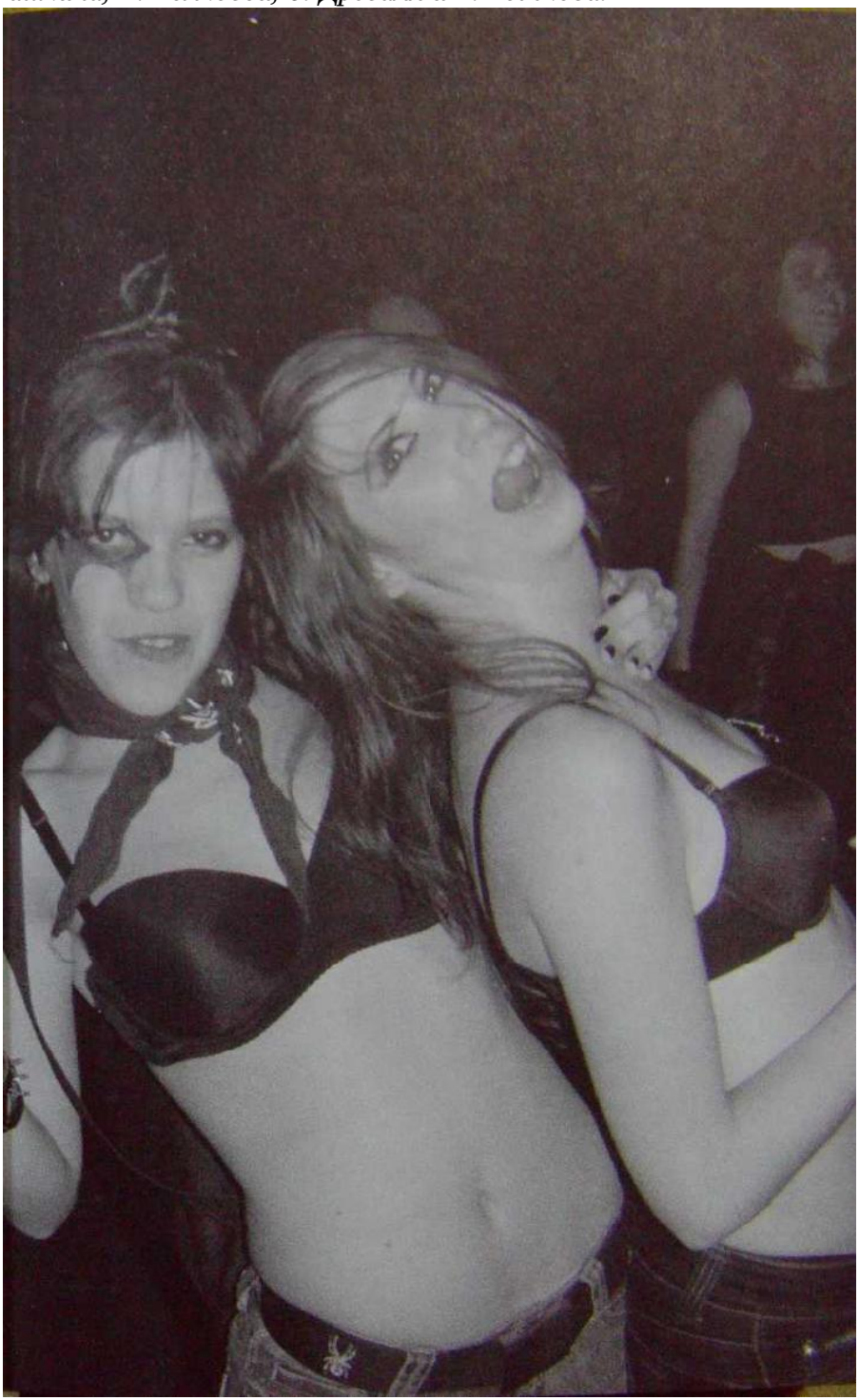
-
- Часть 1
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Часть 2
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
- Часть 3
  - 9
  - 10
  - 11
- Часть 4
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9



При подготовке данного издания составителями антологии были использованы материалы самиздатовской прессы, книг «Панк-вирус в России» и «Янка», а также материалы, предоставленные А. Бурячко. Текст части 2 основан на серии интервью, взятых И.

Стоговым в Петербурге и Новосибирске в ноябре 2006 года.

Использованы фото из личных архивов Ю. Епонешниковой, Ю. Чашкина, А. Волковой, 0. Древаля и В. Рожкова.



Часть 1
СВИН (1977–1986)

1
«Нейтральная полоса» (Альбом группы «Автоматические Удовлетворители». 1996 год)

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Я не то заканчивал школу, не то уже учился в институте. Точно не помню. Но рок-н-ролл уже слушал и вовсю собирал диски — виниловые, разумеется, и, разумеется, фирменные.

Достать такие пластинки можно было только на «толчке», который находился возле магазина «Юный техник» на улице Червонного Казачества. Это было единственное место в СССР, где даже в мутные брежневские времена купить можно было реально всё.

Хорошая пластинка в хорошем состоянии стоила в районе пятидесяти рублей. Зарплата инженера составляла сто-сто двадцать. Сегодня о Советском Союзе вспоминают с ностальгией и умилением. Но лично мне никогда не нравилась страна, где на месячную зарплату можно купить себе только два с половиной часа хорошей музыки.

На «толчок» я начал ездить, ещё учась в средней школе. Постепенно именно туда и сместились все мои интересы. Вместо того чтобы думать о будущем и, подражая родителям, строить карьеру, я думал только о том, что скоро суббота… и я снова смогу бродить между продавцами пластинок… пальцами трогать дикие яркие пластиночные обложки…

Платить пятьдесят рублей за пластинку первое время я не мог. Вместе с одноклассниками я начал с «демократов»: польских, югославских, ГДРовских, венгерских и чешских музыкантов. Эти диски стоили рублей по 15–20, и, экономя на всем, чем только могли, мы создавали свои первые коллекции. Но что такое была польская группа «Скальды», если на том же рынке можно было купить «Led Zeppelin» и «The Doors»?

Именно с «толчка» были теперь все мои приятели. Компания получилась пестрая. В основном это были не меломаны, а чистой

воды фарцовщики: люди, которые еще в СССР собственными руками построили себе крошечный капитализм. Очень быстро я тоже начал что-то продавать, что-то покупать для перепродажи.

Дисков хотелось иметь как можно больше, а денег вечно не хватало. Помимо пластинок, я торговал джинсами, парфюмом, жевательной резинкой и сигаретами. Сейчас все это выглядит безобидно, но двадцать лет назад за любую подобную операцию можно было схватить реальный тюремный срок. Парни постарше и покруче вовсю торговали аппаратурой: магнитофонами и проигрывателями. Единственное, чего в нашей тусовке никогда не было, так это валюты. За валюту можно было получить не срок, а сразу расстрел. В газетах об этом не писали, но всем было прекрасно известно, что именно за спекуляцию валютой расстреляли директора Елисеевского магазина.

А с Андрюшей Пановым, которого тогда все называли Лэйк, меня познакомил мой одноклассник и партнер по бизнесу Вольдемар.

…

— О! Это такой крутой мажор! — говорил Вольдемар, и джинсы, которые сшил ему знакомый ресторанный певец, развевались на ветру. Вольдемар любил очень широкий клеш. Сантиметров пятьдесят в лодыжке, я так думаю. В Америке в то время штаны такого фасона не производились. Уникальная была вещь, это точно. Как и многое из того, чем мы в то время располагали.

Например, именно наша компания первой в стране овладела технологией переклеивания «яблок» на пластинках. Операция несложная и прибыльная. В общем, конечно, мелкое жульничество, но забавно.

Состав клея и растворителя был изобретен тем же Вольдемаром. Пластинки, предназначенные для жульнической продажи, покупались в государственных магазинах. Стоили они два рубля пятнадцать копеек. А если смыть с них «яблоки» с надписями «Самоцветы» или «Цветы» и наклеить отделенный от оригинала лейбл «Pink Floyd», то продать пластинку-мутант можно было рублей за сорок. Проигрывателей-то на «толчке» все равно не было. Прослушать запись перед покупкой никто не мог. Вот такой бизнес.

Самое трудное заключалось в том, чтобы найти советскую пластинку с таким же количеством треков, как на западном оригинале. Ленинградские меломаны в те годы могли по памяти воспроизвести название всех песен на любом альбоме последних лет двадцати. И если количество дорожек на пластинке не

соответствовало, то получить в бубен можно было прямо на месте. Поэтому мы предпочитали не рисковать, а менять «яблоки» на пластинках, где перерывов между песнями не было вообще. Скажем, на альбоме «Wish You Were Неге» — ярлык в этом случае клеился на пластинку с записями речей Брежнева. Она стоила не два пятнадцать, а около рубля, и на Брежневе мы экономили лишний рубль: выдавая его за «Pink Floyd», зарабатывали не тридцать семь целковых, а целых тридцать восемь.

— Это такой мажор! — говорил Вольдемар. — Вообще крутой! Столько дисков дома!.. Коллекция!

Слово «коллекция» означало, что дома у незнакомого мне Лэйка находится пластинок двадцать, а то и больше. Познакомиться с таким человеком было большой честью. Время шло, но Вольдемар даже не собирался знакомить меня с крутым коллекционером. Зато понта ради ежедневно хвастался: мол, был тут у Лэйка. Заскакивал, дескать, по делам… И показывал новые пластинки, которые выменял у таинственного мажора. Пластинки были фантастические.

…

С собой взять меня Вольдемар согласился только через несколько месяцев. Лэйк жил в девятиэтажном доме, выходящем торцом на проспект Космонавтов. Мы поднялись пешком на шестой этаж. Вольдемар позвонил в дверь. Нам открыла бабушка крутого мажора. Она была маленького роста, седенькая и миленькая.

— Вы к Андрюше? Сейчас позову…

Бабушка сделала шаг назад и прикрыла входную дверь. Мы остались на лестнице. Я посмотрел на Вольдемара. Тот пожал плечами: здесь так принято. Внутрь вообще мало кого пускают.

Андрюша Панов, он же Лэйк, вышел через минуту. Он был высоким, длинноволосым, в меру толстым парнем. Пузо придавало Лэйку вид человека спокойного и знающего себе цену. Взгляд его был хитроват и в то же время многозначителен. Лицом он и вправду очень походил на Грэга Лэйка — одного из моих любимых гитаристов, — да и стиль одежды был практически тот же. Узкие джинсы, приталенная джинсовая рубашка.

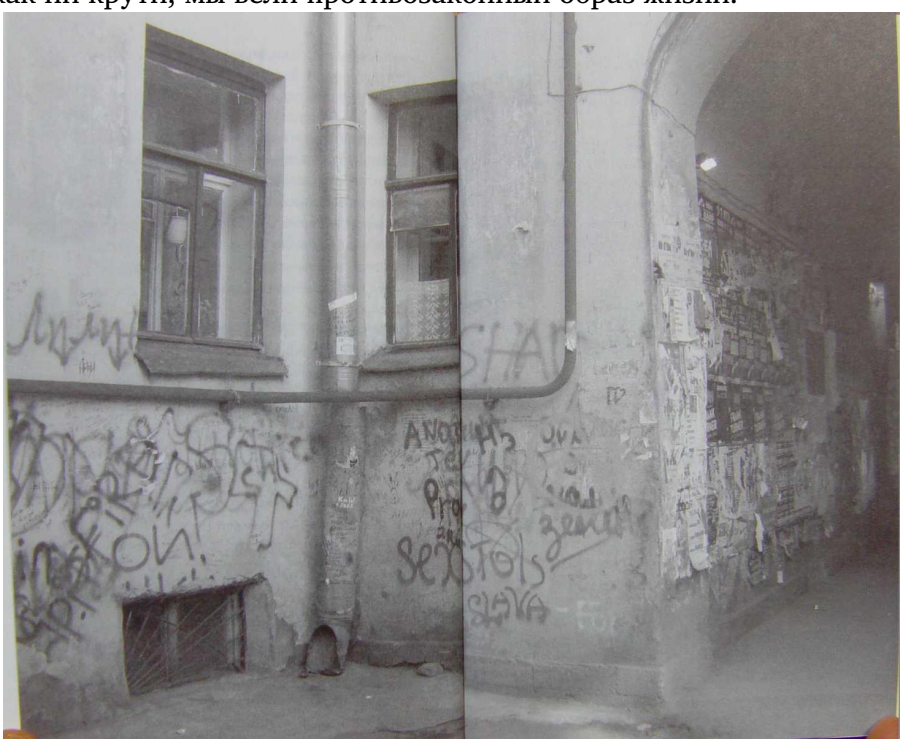
Джинсы были потертыми фирменными и очень замысловато скроенными. То, что это не самопал, как у Вольдемара, я понял сразу. На джинсы глаз у меня был наметан.

В тот день побывать в квартире Лэйка мне не удалось. Разговор состоялся на лестнице. Речь шла о вещах таинственных, для меня еще малопонятных. Звучали слова «табаш», «насос» и «пайта». Куда больше финансовых планов меня интересовало

посмотреть на пластинки, но к коллекции нас так и не допустили. Вольдемар представил меня как «тоже любителя музыки». Андрюша хитро улыбнулся и пожал мне руку. На том и расстались.

Потом, через некоторое время (о, точно! я уже учился в институте! вспомнил наконец), Вольдемар как-то рассказал, что Лэйк — человек очень аккуратный. Обложки пластинок, чтобы не мялись и не пачкались, он обтягивает полиэтиленом. А полиэтилен у него как раз кончился и взять его негде. При советской власти полиэтилен в магазинах не продавался.

Главное, что можно сказать о советских временах, — они были тоскливы. В школе было уныло, в институте мерзко, на работе противно. Если кому-то становилось настолько противно, что он переставал ходить на работу, то его тут же хватали и сажали в тюрьму за тунеядство. Поэтому большинство граждан старались хоть как-то, но работать. А мы не очень старались. В общем-то, почти все, чем мы занимались, считалось криминалом. Ну, не до такой степени, как убийство или грабеж, но все равно, как ни крути, мы вели противозаконный образ жизни.



Той осенью я учился в институте, который назывался втуз — высшее техническое учебное заведение. Правда, мы расшифровывали эту аббревиатуру как «Все Тупые Уже Здесь». Система обучения во втузе была следующей: один семестр просто учишься, а следующий — днем работаешь на заводе, а учишься по

вечерней форме. То есть после работы катишь в институт и там сидишь две, а то и три пары. Единственным плюсом было то, что на заводе делать ничего особенного было не нужно — студент, он и на заводе студент. А зарплату, хоть и не слишком большую, но платили. Это было в любом случае лучше, чем стипендия.

Вынести с предприятия можно было все что угодно. Я, например, зашел на склад, кивнул учетчице, которая сидела за разбитым и загаженным столом, отмотал из рулона полиэтилена метров десять и спокойно вернулся в цех. В цеху мой наставник, слесарь со стажем, помог обмотать эти десять метров вокруг туловища, натянул на меня куртку, застегнул и проводил до проходной, которую я миновал без малейших трудностей. Андрей Панов безумно обрадовался стыренному мною полиэтилену. Мы тут же стали друзьями.

Егор Летов — лидер группы «Гражданская Оборона»

Однажды я напился и заночевал у приятеля. А с утра мы проснулись со страшного, разумеется, похмелья и пошли за пивом. Подходим — у ларька очередь. Стоят люди, все молчат, все ждут своего пива.

Мы тоже встали, и тут подлетает какая-то баба. Что называется — синявка. Пальто у нее надето на голое тело, а за руку держит ребенка. Она начинает бегать вдоль очереди и орать:

— Ой-ой-ой! У меня тут очередь прошла! Пустите купить — у меня очередь прошла!

На что какой-то мужик ей ответил:

— У меня вся жизнь здесь прошла. А я все равно стою!

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Да, забыл предупредить: времена, о которых я говорю, — это времена советской власти. Очень скоро она загнется и все будет по-другому, но тогда всем еще казалось, что Система непобедима, страна находится на пике могущества, и ничто не способно изменить нынешнюю жизнь. Все мы так и умрем, ни разу в жизни не послушав на полную громкость своих «Эмерсона, Лэйка и Палмера».

Советские законы были полным идиотизмом, но еще хуже было то, что стоит НАД законом. Общественное мнение. Правила игры, которым все молча следовали. Впитавшиеся в кровь представления о том, что можно и что нельзя.

О самой советской власти никто из нас не думал. Власть была далеко и нас не касалась. Иногда эту власть показывали по черно-белому советскому телевидению, да только кто из нас тогда

смотрел телевизор? Куда омерзительнее далекой власти было то, что ты видел, просто выходя по утрам на улицу. Там бормотали, бессмысленно бродили, стояли, сидели, курили и искоса друг на друга посматривали люди, которые и были советской властью. Сидеть дома нам не давала молодая горячая кровь, а стоило выйти из дому, и ты видел тысячи глаз, изнутри освещенных одним и тем же общественным мнением. На улицах, на работе, в метро, автобусах, кинотеатрах, столовых, у пивных ларьков — там была реальная советская власть. Тупая и бессмысленная. Скрыться от нелепых правил ее игры было невозможно.

Двадцать лет назад моя страна напоминала гигантский театр абсурда. Но что-либо менять никто, похоже, не собирался. Люди просто следовали заранее известным правилам. Вставать ни свет ни заря. Повиснуть на поручнях прыгающего автобуса. Постепенно протискиваться в сердцевину теплой, влажной, источающей запах «после вчерашнего» толпы. Через час оказаться на работе и до тех пор, пока не стемнеет, заниматься заведомо бессмысленным и никому не нужным делом. Ни о чем никогда не думать. Ничего не пытаться поменять.

Мы были молоды, и привычки к бессмысленному труду у нас еще не было. Мы слушали свой рок-н-ролл и плевать на все хотели. У Андрюши есть песня, которая так и называется — «Плевать»:

Тара. Пара-та-та-та тара. Пара-та-та-та-тара.
Пара-та-та-та-ту-ту-ту-па-па-па-па.
Тара. Пара-та-та-та тара. Пара-та-та-та-тара.
Пара-та-та-та-ту-ту-ту-па-па-па-па
Плевать!
Плевать!
Плевать!
Плевать!

Нам повезло. Мы услышали рок-н-ролл немного раньше других и полюбили его больше, чем другие. Отчего это произошло и почему на всех повлияло поразному — я не знаю. Может быть, это какой-то вид патологии, только непонятно, у нас или у всех остальных. Я вот думаю, что у остальных.

Огромное количество наших приятелей, одноклассников, коллег по работе, соседей, просто знакомых — тоже слушали и вроде бы любили эту музыку. И сейчас, кажется, любят. Однако ведь исхитрились стать полноценными членами общества, влиться в трудовые коллективы, накупить себе всякого говна и радоваться жизни.

Говорят, что это тоже интересно — зарабатывать деньги. Типа что-то близкое к спорту. Не знаю. Я как-то зарабатывал — ничего интересного и адреналинового в этом не нашел. Хотя вот, скажем, с Андрюшей я познакомился как раз в тот период когда он зарабатывал очень прилично. В его тогдашней ситуации не заработать было просто невозможно.

…

Если кому-то кажется, что я слишком много внимания уделяю заводам, советской власти и мужикам-работягам, то напрасно. Из этого на самом деле и состояла почти вся наша жизнь, как сейчас для ребят того же возраста она состоит из бутылочного пива, ночных клубов и CD-плееров.

Все было уныло, все было черно-белым и тоскливым. Даже красные транспаранты и флаги не делали улицы ярче. Осенью были желтые листья, а зимой и летом — синие небеса. Но стоит начать вспоминать то время — все кажется черно-белым. Правда, начало девяностых выглядит вообще черным, но об этом в другой раз.

На этом фоне квартира Лэйка выглядела дико и разноцветно. После кражи полиэтилена Андрюша наконец позволил мне пройти внутрь и рассмотреть коллекцию. Из мебели в его комнате стояли только гигантские колонки 35-АС — самые крупные на тот момент акустические системы. Кроме них имелись усилитель «Одиссей» (лучший из советских усилителей) и магнитофон «Маяк» (вещь в те годы дико престижная). А также десятки коробок с магнитофонной лентой и грядка пластинок, стоящая прямо на полу, — от одной стены до другой. Пластинки были все как на подбор западные.

«Chicago», «Blood», «Sweat&Tears», «Kansas», «Bachman-Turner Overdrive», Игги Поп, «Sex Pistols», «Rush», «Genesis», «Cridence Clearwater Revival», «Black Sabbath», Чик Кориа, «Stranglers», Билли Кобэм и еще черт знает что. На первый взгляд — совершенно случайный набор пластинок. Трудно сказать, какую именно музыку любит слушать их хозяин. Хотя на самом деле ответ прост: он любит слушать хорошую музыку. Хорошую и разную. Сейчас такая же картина уже на моих полках. Столько разных дисков — черт ногу сломит, пока определит, что же за стиль я предпочитаю. Панк-рок? Блюз? Психоделию шестидесятых? Современный хард-кор? Арт-рок? Джаз?

В тот момент, когда мы с Андрюшей начали приятельствовать, он работал продавцом в магазине радиоаппаратуры. Оттуда были его колонки, и усилитель, и все остальное.

Это была чудесная эпоха. Для продавцов, конечно. Продавцами числились очень многие наши знакомые. Панкер, который сейчас преуспевающий менеджер и вывел в люди сразу несколько легенд русского рока, начинал тоже за прилавком. Иногда мы приезжали к нему в обеденный перерыв. Пили пиво, слушали музыку и играли в настольный хоккей, который он специально для нас брал в соседнем отделе, где торговали игрушками.

Производство советской аудиотехники в 1970-1980-х переживало небывалый подъем. Благосостояние продавцов радиомагазинов росло невиданными темпами. Один мой знакомый как-то даже забыл зарплату получить.

— Слушай, а ты чего деньги не получаешь? — спросил у него заведующий.

— Какие деньги?

— Ты не наглей! Сходи получи зарплату!

— Неужели за эту прекрасную работу здесь еще и платят зарплату?! — искренне поразился приятель, у которого своя собственная маленькая зарплата происходила раз в десять минут.

Тогда в продаже появились те самые колонки 35-АС, тут же ставшие дефицитом, и первые отечественные кассетные стереомагнитофоны. Качество воспроизведения было по нынешним меркам устрашающим. Зато стереофонические записи теперь можно было делать не на бобину, а на крохотную кассетку. Магнитофоны мели с прилавков со страшной силой. Да и не было их, в общем-то, на прилавках. Все продавалось из-под прилавка, и продавцы с каждой сделки имели свой навар. Особенно приятно было иметь дело с грузинами. Те могли покупать технику сразу грузовиками и никогда не жадничали. Грузины ведь — очень музыкальная нация.

Андрюша тоже неплохо зарабатывал в своем радиомагазине. Общался он, с одной стороны, с откровенными мажорами, расфуфыренными спекулянтами, а с другой — с чудовищно выглядевшими меломанами. Его лучшие друзья — будущие первые панки СССР: Хуа Го-фэн, Шмель, Юфа и Юфинсын. Чуть позже к компании присоединились я, Алкон, Витька Цой, Пиночет и Панкер. Но никаких ссор или споров никогда не было. Андрюша совершенно спокойно уживался со всеми.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

— Твое отношение к анархии?

— Анархия — такое же фуфло, как и любое другое движение, основанное на террористических актах и вообще на насилии. Анархия — это оборотная сторона государства. С одной стороны,

любое государство должно быть сильным и там должен быть порядок. А с другой стороны — лично я в рот ебал любое государство.

Хотя, вообще, — это смотря с какой стороны рассматривать… Кроме анархии, государству противопоставить-то и нечего. Потому что, как говорил Ленин, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. А анархия — это жизнь вне общества за счет общества, Чем я, собственно, и занимаюсь.

— Как ты считаешь, что в панк-роке более важно: музыка? текст? энергетика? драйв?

— Я никогда не делал ставку на текст. Кому-то втирать мозги — не солидно. Орать «Мы вместе!» — моральное уродство. Таких исполнителей надо вешать. Чтобы чему-то научиться, люди ходят в школу, чтобы послушать речь президента — включают телевизор. А на концерт люди приходят, чтобы повеселиться. Кто-то дерется, кто-то блюет… И орать: «На танки!», «Вперед!» — полнейший дебилизм. Все русские рок-н-роллщики непременно хотят кого-нибудь научить или предостеречь. Но я лично считаю, что это дорога в никуда.

— Зачем ты занимаешься музыкой, панк-роком?

— Когда я начинал, то ни на что не рассчитывал: либо посадят, либо одно из двух… Единственная мечта была: чтобы у группы была своя аудитория. Например, где-нибудь в пивнухе. Сейчас группы начинают с мечтами о деньгах, о девочках (или о мальчиках)… А нас просто пёрло.

2
«Рейган — провокатор» (Альбом группы «Автоматические Удовлетворители». 1987 год)

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

У меня был сосед выше этажом. Сейчас уже переехал. С детства в одном доме жили. Однажды он сказал, что у него одноклассник или друг учится в художественном училище имени Серова. И у них группа хорошая, три человека — «Палата № 6». Тоже как бы въехали в панк-рок, и все такое… Все очень здорово — типа дурака валяют. Я, говорит, к тебе их приведу.

А я как раз в это время свалил из Театрального института, ни черта не делал. Сидел дома, играл на гитаре, группу подыскивал. Сам до этого полгода как за гитару взялся. Забросил меломанство, купил аппаратуру.

Вернее, все началось с Монозуба, он же Панкер. Позже он стал крутым продюсером, и его все называли Панкер, хотя в наших кругах он всегда был Монозуб[1]. Он мне первым рассказал, что такое советский рок. Позвонил как-то и сказал, что у нас тоже есть подпольный рок: советские группы, которые поют на русском. А с Монозубом я познакомился, когда Юфа[2] привел его устраиваться на работу. Я тогда был работником торговли по радио- и телеаппаратуре, поскольку меломан. Монозуб тоже хотел попасть. Ну, как-то завелось знакомство, и один раз ночью по телефону он говорит, что есть такие группы, хорошие штуки пишут…

— Ты ведь стихи пишешь?

Я тогда писал что-то. Думал, что это стихи.

— А играть умеешь?

— Нет.

— Как же так? Ты учись!

— Думаешь, получится? Они ведь, наверное, все крутые!

— Ерунда! Это очень просто — группу сделать. Соберем ребят и начнем!

Лия Петровна Панова — мама Свина

Мы переехали сюда, на проспект Космонавтов, в 1965 году. В школу Андрей пошел уже здесь. До этого мы жили на улице Рубинштейна. Там была наша с мамой квартира. Жили всей семьей в одной комнате: я, мама и Валерий — мой муж и

Андрюшин отец. Потом уже, когда Валерий перешел работать в Кировский театр[3], нам дали эту трехкомнатную квартиру. Андрюше было пять лет.

Это сейчас всего навалом, а тогда мы старались и игрушечку красивую достать, и костюмчик хороший. Все это было каждый раз маленьким праздником. Ему отец столько одежды присылал из-за границы — и джинсы, и все, что было самым модным тогда, в семидесятые. А он все друзьям раздаривал. Одежда его совершенно не интересовала. Он все постоянно раздавал. Придет домой и говорит:

— Мама! У этого мальчика такие рваные ботиночки! Давай отдадим ему наши, ведь у меня есть еще…

Денег он у меня никогда не просил. Даже став взрослым. В детстве он говорил так: «Мама, не могла бы ты купить мне мороженое? У нас есть на это деньги?» И таким он остался до конца. Никогда не говорил: «Купи мне это или то!..» Всегда только: «Как ты считаешь, можно ли?..»

Я хотела отправить Андрея в английскую школу, но маме было тяжело его водить. К старости у нее развился туберкулез в закрытой форме, и она сильно болела. А английская школа находится от нас довольно далеко — там, где учился Юфа…

Андрей пошел в самую обычную школу. Сначала в ту, что через дорогу — в десятилетку. Там он проучился год или два, а потом мы перевели его в 448-ю, которую тогда только что построили. Вот эта школа была неважная. В каком смысле? В том, что дети там были такие… более жлобские, наверное… а он был пухленький, хорошенький такой… приглаженный. И он очень не любил эту школу.

Как раз к этому времени Валерий уехал за границу. Это было, наверное, году в 1973-м. Заявление-то Валерий подал раньше, но его целый год не выпускали. И классная руководительница Андрея поступила очень некрасиво. При всем классе она вызвала его к доске и прямо на уроке начала говорить, что у Андрея отец — предатель. Дико неприятный эпизод.

Я пошла к директору и говорила: «Как же так можно?» А он отвечает: «Я, мол, все понимаю, Лия Петровна. Но не могу же я ее за это уволить. У нас и так учителей нет… Да и муж ваш, если откровенно, не куда-нибудь, а все-таки в Израиль уехал… Сами понимаете…»

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Во время записи «Пейте с нами!» оператор как-то попросил Свинью поговорить в микрофон.

— В воскресный день с сестрой моей мы вышли со двора.
«Сейчас поедешь в Израиль», — сказала мне сестра.
Вот через площадь мы идем — и входим наконец
В большой, красивый самолет. Я понял: все, пиздец!

Я очень жалел, что магнитофон не был включен.

Лия Петровна Панова — мама Свина

Андрей после этого старался прогулять школу всеми возможными способами. Он убегал от меня и прятался в подвале. Я его провожу в школу, а он прямо от дверей сбежит и спрячется. Прогуливал. Ему там было очень несладко.

Я уже потом это поняла. Издевались над ним. Если бы он был физически сильным, хотя бы на уровне этих жлобов, он бы, может быть, и смог с ними справиться. Но он не мог. Он ненавидел школу.

Хотя вообще лет до четырнадцати это был золотой ребенок. На него все нарадоваться не могли. Никогда не нахамит, никогда не скажет против. Он ни с кем не вступал в конфликты, со всеми соглашался. Как-то ему делали уколы, еще совсем маленькому. А это ведь, в общем, больно. Он зажмурился, перетерпел, потом открыл глаза и тихо говорит врачу:

— Спасибо.

Потом, когда он вырос, я поняла, что все это было внешнее, а внутри ему очень многое не нравилось. Но он не хотел этого показывать, копил в себе.

В детстве он очень много читал. Очень любил сказки и постоянно просил, чтобы я ему рассказывала. Мы включали музыку, и я начинала рассказывать. Он прибегал ко мне вечером и просил продолжения вчерашнего рассказа. А я просто делала такое ассорти из всех сказок, какие знала. Ну и сама придумывала много чего.

Мне часто приходилось брать его с собой в театр — на работу. Не с кем было оставить дома. Во время спектаклей он сидел за кулисами, и мне казалось, что ему там нравится. А уже потом, в одном из интервью его как-то спросили — мол, ты вырос в театральной семье, какие у тебя впечатления о театре?

— Самые отвратительные! — ответил Андрей. — Без конца замученные голые потные женщины…

Я отвела его в актерский детский сад. Он так плакал, так плакал… но меня все-таки заставили уйти — мол, обойдется, привыкнет. На следующие сутки он начал плакать уже с ночи:

— Мама! Не води меня туда…

Я все равно его отвела. А когда пришла за ним, воспитательница говорит:

— Знаете, наверное, не надо ему ходить в сад… Он не ест и постоянно ждет вас. Первый раз такое вижу.

Это было уже поздней осенью. Воспитательница рассказывала, что, когда все гуляли, он специально сел на скамейку и снял ботиночки. Чтобы простудиться. И простудился-таки.

У меня болела мама, а мне нужно было ходить на работу. И я отправила его летом в лагерь. Там вожатая сказала мне то же самое. Андрей целыми днями ходил вдоль забора и смотрел — не иду ли я за ним? Он не любил ни детские сады, ни лагеря… Но все равно приходилось летом отправлять его. У меня была работа, мама болела…

Он был очень домашним. Из Ялты, из шикарного лагеря Всероссийского театрального общества, он писал мне письма: «Мама, мне очень плохо, забери меня…» Поэтому, наверное, он из

дома до конца так и не ушел. Пытался жить у своих женщин, но всегда возвращался.

Внешне он выглядел очень жизнерадостным. Но внутри у него, я знаю, все время была какая-то боль. Ему было необходимо как-то выплеснуть ее, но при этом никого не обидеть.

…

В школе он с трудом доучился до восьмого класса и пошел в техникум медицинского оборудования. Но, когда там сказали, что из всех выпускников в городе остается только десять процентов (а остальных отсылают неведомо куда), я его забрала.

Он перешел просто в медицинский техникум, и, мне кажется, именно там он начал пить. В школе он вообще не пил. Даже вина. А вот когда перешел в этот техникум — смотрю, один раз приходит домой не в себе… второй…

Потом он заболел, много пропустил, и снова я его забрала — уже из второго техникума. Родственники меня уговорили — давай его на завод. Там его, мол, исправят. От чего исправят?.. С этого завода мне его один раз вообще принесли невменяемого. Он работал фрезеровщиком. Это тоже ему явно не подходило.

После завода Андрей устроился на курсы продавцов радиотоваров. Вот тогда и началось его увлечение музыкой. А в детстве он увлекался марками. От ларьков, от магазинных витрин его было не оторвать… Я ему в этом очень потакала, покупала все, что он хотел.

А после курсов радиопродавцов пошло увлечение пластинками. Я помню, как Андрей с компанией ездил на рынок. Все эти диски, плакаты, облавы, погони дружинников… И он стал заниматься гитарой. Играть его учили какие-то взрослые ребята — сейчас я их в нашем районе уже не вижу. Он день и ночь просиживал дома, играл. Ну, тоже хорошо.

А дальше должна быть армия. Я его спросила — ты хочешь в институт? В какой? Он ответил, что пошел бы в театральный.

Он прошел первый тур у Кацмана — в одном потоке с Максимом Леонидовым, который позже собрал группу «Секрет». Все вроде стало складываться. Его вроде бы собирались принять. Но представитель партийной организации спрашивает — а как твое отчество? Валерьевич? А кем тебе приходится Валерий Панов? Андрей говорит — отец. И на следующем туре его зарубили.

Тогда у меня была очень хорошая знакомая — актриса из Пушкинского театра. Я очень переживала, а она мне говорит — не переживай, я тебя сведу с нашим режиссером Игорем Горбачевым. Поговоришь, может, он поможет.

Я пришла к нему с Андреем. На экзамене Андрей читал Франсуа Вийона. Комиссия удивилась — отчего такой мрачный выбор? Но когда Андрей после Вийона спел им «Ой мороз, мороз», они поняли, что с парнем все нормально. Горбачев прослушал и говорит:

— Вы даете мне слово, что он не подаст документы на выезд из СССР?

Я ответила, что это исключено. Он вообще за границу никогда не стремился. И Игорь Горбачев его принял.

Пока он учился, от отца ему шла официальная материальная помощь. Когда приходили сертификаты от отца, я старалась его приодеть. Но носить модную одежду он категорически отказывался:

— Мать, не покупай ты мне этого всего. Не на что больше деньги, что ли, потратить?

Все эти импортные вещи так у нас и висели в шкафу. Что-то я потом продала, что-то Андрюшка раздарил друзьям. Кожаный пиджак у него был, дубленка — во всем этом его никто ни разу не видел. Он любил только джинсы. Больше ничего не носил.

Хотя он был очень, как это теперь называется, стильным человеком. Потом уже, когда пошли концерты, он часами перемерял перед зеркалом свой гардероб. Андрей старался найти общий образ: чтобы каждая вещь соответствовала другой, чтобы в костюме была цельность. И это притом, что в сознательном возрасте он ни разу не надел на себя ни единой новой вещи. Но со своими старыми вещами и поношенными кедами он был очень стилен, очень вдумчиво подходил к своему гардеробу.

Он стал учиться в институте — вместе с Колей Фоменко из того же «Секрета». Уже к зиме они организовали свою группу. Фоменко часто приходил к нам в гости. А потом Андрей мне сказал, что играть все роли подряд он не хочет, а чтобы играть те роли, которые ему по-настоящему близки, — он не настолько талантлив. И бросил институт.

Как я только его не уговаривала!.. Я говорила: «Ну поучись еще! Получишь деньги, купишь себе аппаратуру, все, что хочешь!..» Вот сейчас посмотреть: Фоменко закончил институт и не играет в театре. Леонидов закончил — тоже не играет. А Андрей — ни в какую. Взял и ушел. По слухам, он был первым, кто ушел из Театрального по собственному желанию. Всех прочих отчисляли.

Деньгами его было никогда не соблазнить. Он ушел с первого курса, с первого семестра, прямо перед сессией.

Учиться в Театральном институте, в престижном заведении. Да еще деньги из-за границы за это получать. Любой другой зубами бы вцепился, держался бы до последнего. У Андрея проблем с учебой и не было. Ему и держаться не нужно было — учись на здоровье. Нет. Не стал. Не захотел.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

Я поступил в институт, и тут на мои плечи падают полторы тысячи советских рублей — от папы. Мой папа свалил из страны в 1973-м. И по их правилам, если ребенок учится, — уехавший из страны родитель обязан оплатить ему обучение.

Конечно, я сразу купил всякого — барабаны там, три-четыре гитары… Все деньги, короче, на это ухнул. Взялся учиться играть и настолько заразился, что каждый день сидел с гитарой с утра до вечера. Сейчас фиг так сделаю.

Первое время мы играли с группой «Палата № 6». В Серовском художественном училище было две группы — одна «Голубые Монстры», а вторая — как раз «Палата № 6». В группе их было всего трое: Максим Пашков, Цой и еще барабанщик — не помню, как звали. Хороший барабанщик, кстати. Жаль, что не пошел по этой стезе.

Сколько-то времени мы прожили одной семьей, потому что все были бездельниками. Из художественного училища их почти сразу выгнали. Они там стали ходить в булавках, анашой воняло на всех этажах. Ну, учителя и педагоги смотрят: что это такое?., кто-то подстригся, кто-то булавку нацепил… и решили всех разогнать.

Я ушел из института, а Цой ушел из училища. Как-то так получилось, что мы с ним стали главные бездельники. И жили рядом, у Парка Победы. Там сейчас его родители живут. Встречались каждый день. Тем более что у меня дома стояла аппаратура. Я тогда еще занимался пластинками, постоянно были деньги. Ну и выпивка была дешевая.

Цою родители всегда давали рубль в день. Сначала, когда скидывались, мы спрашивали — у кого сколько. А потом перестали спрашивать. «Давай твой рубль», — говорили. Все знали, что у него рубль. Собирались у меня. Пили, гуляли, дурака валяли. У меня тогда стояло, наверное, полкиловатта. Барабанные установки разные. Соседи, конечно, ругались. А что толку ругаться?

Пели песни Максима Пашкова. Цой в некоторых вещах был аранжировщиком. Он вообще-то был басист и сам тогда ничего не писал. Остальные парни из группы относились к нему несколько иронически. Цой был всегда очень зажатый, даже так скажу —

комплексанутый. Потом Максим поступил в институт, и с Цоем мы остались бездельничать вдвоем.

3
«Праздник непослушания» (Альбом группы «Автоматические Удовлетворится и». 1996 год)

Виктор Мазин — культуролог

Двадцать лет назад была идеологическая несвобода. Сейчас — коммерческая несвобода. Но между этими двумя несвободами успел появиться зазор, когда можно было бодро, весело и радостно делать то, что хочется. Евгений Юфит и его приятели, первые панки в СССР, не требовали для творчества вообще ничего. Хочешь петь? Иди и пой! Нет денег на холсты? Да и не надо! Иди и раскрашивай стены! Хочешь быть режиссером, но у тебя нет денег на дорогую 35-миллиметровую камеру? Снимай 16-миллиметровой — она стоит копейки!

Евгений Юфит (Юфа) — кинорежиссер

По-моему, тогда мы еще учились в школе. И как-то решили сходить в кино — в кинотеатр «Планета». Там точно был я, был Андрей Панов и, по-моему, было еще несколько приятелей. Была зима, а денег на билеты у нас не было. И администратор говорит: «Знаете что, ребята, если хотите пойти в кино, то уберите снег». И выдал лопаты.

Мы начали разгребать снег, а сеанс приближается. Нужно было все сделать как можно скорее. Сперва мы скинули пальто. Потом стянули свитера. Потом кто-то первым снял и рубашку. Ну и в конце концов Панов разделся полностью. То есть совсем догола. И мы вслед за ним тоже.

Там были такие огромные витрины, и, помню, люди со всего кинотеатра сбежались посмотреть на голых ребят, лопатами убирающих снег. У них были вытянутые лица, они показывали на нас пальцами. Потом послышались крики:

— Милицию! Надо вызвать милицию!

На этой стадии нам стало уже не до кино. Мы кинули лопаты, похватали одежду и разбежались в разные стороны.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

На самом деле весь русский панк был придуман Юфой. Юфа был и остался главным панк-идеологом, а знают о нем так мало только потому, что он очень законспирированный — как Ленин. Всегда появится в последний момент… Говорит отрывисто…

Тогда мы все находились под его влиянием. Никакие британские панки, никакой Джонни Роттен и Малькольм Макларен, здесь вообще ни при чем. Все, что сегодня называют русским панком, — это были чисто Юфины телеги.

Вообще, он очень заразительный человек. Своим психозом Юфа способен заразить кого угодно. Сперва он заразил нашу компанию, а потом отправился заражать киношников. Сейчас этот человек не вылезает из-за границы, ему дали студию на «Ленфильме», ссуду в банке и все дела… Теперь он снимает большие полнометражные фильмы. А начинал с того, что вместе с нами ходил по улице в белом чепце и очечках.

Один раз Юфа позвонил вечером и говорит:

— Ты знаешь? На Западе появилась группа каких-то кретинов типа нас. Называется «Sex Pistols». Сейчас по «Голосу Америки» передали одну вещь.

— Ну и как музыка?

— На «Slade» немного похоже.

— Ладно. Чего внимание-то на них обращать? — и повесил трубку.

Когда мы начали идиотничать, о панках никто еще и не слышал. На улицах нас сначала не трогали. Ну, идиоты и идиоты. А потом о панках вдруг заговорили со всех сторон. Стали появляться плакаты, «Sex Pistols» даже показали по советскому телевизору, и мы сразу стали типа главной компанией в городе. То в трусах зимой по улице ходим, то обвешаемся разными паяльниками-хуяльниками, или надеваем одежду не по размеру… разные глупости.

Как-то в газете написали, что панки обязательно должны носить булавки. Что тут началось! Все обвешались булавками, они, по-моему, даже в магазинах пропадать стали. Я помню, кто-то из дружков для полного идиотства стал носить военные галифе. Это в советские-то времена! А у меня тогда были здоровые клеши — финские вельветовые. Я взял их и ушил внизу. Получилось очень красиво. Сперва я ходил по улицам, и все только смеялись. А через три года смотрю — все в таких ходят: стало модно.

Слухи по городу ползут быстро. О нашей компании многие слышали. Бывало, что очень приличные люди хотели посмотреть на живых панков. Нас часто приглашали. Спрашивают:

— Ты панк?

— А? Да! Панк!

— Приходи в гости.

— А я с другом.

— Ну, приходи с другом.

— И выпить есть?
— Все есть!

Звоним в дверь, а сами обвешиваемся, булавки вставляем и тут же в темпе красимся. Помада-фига-да, все такое.

Нам открывают.

— Это я с другом пришел!

— Ну, проходите.

И один за другим проходят человек восемь. Ну и начинается — раздевание, купание голыми… Весело!

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

«Sex Pistols» мы услышали на удивление рано. «Never Mind The Bollocks» (первый диск группы) вышел в 1977 году и в том же году почти сразу появился в доме Андрея. Это было чудо, но случайностью это точно не было.

Свежие пластинки в те времена на «толчке», конечно, появлялись. Но приходили они все-таки со значительным опозданием. Те, кто привозил пластинки из-за границы на продажу (например, моряки или дети дипломатов), предпочитали брать раскрученные имена. А о «Sex Pistols» в России никто и слыхом не слыхивал года до 1982-го. Тем не менее самая первая пластинка британских панков, пересекшая границы СССР, оказалась не где-нибудь, а именно у Андрея.

Помню, через какое-то время Хуа Гофэн (а может быть Юфа — точно не помню) принес вырезку из газеты с заметкой о панках. Именно тогда Андрей и сказал знаменитую фразу:

— У них появились такие же идиоты, как мы!

Какого-то резкого разворота Андрея к панку не было. Все происходило очень неторопливо. Просто из фарцовщика Лэйка Андрюша как-то незаметно стал панком Свиньей, и удивляться

этому никто не стал.

Перед этим полтора года я считал себя хиппи и дружил с Геной Зайцевым — главным гуру всей ленинградской «Системы». Ходил с длинными волосами, в разваливающихся джинсах и дикой куртке. При этом все вечера я проводил в квартире Свиньи.

Он долго на меня смотрел, молчал и никак не комментировал мой внешний вид. Но потом не выдержал:

— Спорим, что ты через полгода бросишь эту фигню?

— Да что ты? — возмутился я. — Никогда!

— Ага. Ну, спорим?

— На что?

— На ящик шампанского, — сказал Свин.

Ящик шампанского я Андрюше так и не проставил. Через месяц я уже ходил в булавках, коротко стриженный и притоптывал в такт ногой, когда Андрюша пел дома только что сочиненную песню «Гена Зайцев — идиот».

Гена Зайцев, ты мудак,
Право, ведь нельзя же так…

Кстати, творчество БГ Андрей тоже не любил. Он называл Борис Борисыча «Гробощенковым» и морщился, когда мы с Цоем подбирали на гитаре песни с только что вышедшего «Синего Альбома». Но он никогда никому и ничего не запрещал. Если уж ты попадал внутрь его квартиры, то дальше мог любить любую музыку и любых исполнителей.

Евгений Юфит (Юфа) — кинорежиссер

Андрей Панов собрал первый состав «Автоматических Удовлетворителей» в том же году, когда я открыл собственную киностудию «Мжалала-фильм».

Съемки нашего первого фильма проходили в большом многолюдном дворе в центре Ленинграда. Была инсценирована драка на помойке. А в главной роли снимался манекен по кличке Зураб. Через двадцать минут после начала съемок всех участников отконвоировали в ближайшее отделение милиции.

С этим Зурабом потом постоянно были проблемы. Уяснив, что нормально снимать в городе нам не дадут, мы стали ездить на съемки за город. Манекена разбирали и складывали в большую сумку. Но по пути, в электричке, кто-нибудь обязательно эту сумку расстегивал, и пассажиры видели, что там сложены части тела: руки, куски груди… А актеры еще и начинали специально разговаривать между собой типа: «зачем же ты его расчленил-то?» или «когда снова на дело пойдем?».

Кончилось тем, что мы стали снимать сцену, во время которой скидывали этого Зураба с моста. И всех нас арестовали. Милиционерам было не видно: живой там человек или манекен. Они отвезли нас в отделение, изъяли пленку, а когда посмотрели, что там отснято, то было принято решение отправить нас всех в сумасшедший дом.

Константин Митенев — кинематографист

Съемки обычно проходили так. Мы просто садились в поезд, ехали куда-нибудь за город и начинали что-то снимать. И параллельно — пить. А когда возвращались, то на выходе из электрички нас обыкновенно уже снимала милиция, упаковывала и увозила в вытрезвитель. Потому что все были абсолютно пьяны, ничего не соображали и вытворяли такое, что волосы дыбом.

Евгений Юфит (Юфа) — кинорежиссер

Разумеется, показывать наши фильмы было негде. Да мы на это и не рассчитывали. А когда показывать наконец стали, то каждый раз это заканчивалось скандалом. Все было: драки в ресторанах, битье посуды. Каждый раз это напоминало что-то такое… футбольный стадион.

Администрация залов очень быстро выучила, к чему приводит демонстрация моих фильмов. Каждый раз она заранее заказывала пикет милиции. Стилистика у меня давно сменилась,

никаких скандалов давно нет. Но оцепление милиции стояло вокруг Дома кино и во время моей последней премьеры.

Александр Аникеенко — актер

Помню, был просмотр в Доме композитора. Ну и в общем, дело закончилось скандалом. Там показывали то ли «Мочеубийц-трупоголовов», то ли «Санитаров-оборотней». И дело дошло чуть ли не до драки. В зале в основном сидели какие-то молодые композиторы… такие подрастающие… и они долго возмущались: что за хулиганство?! что вы нам тут показываете?! Нагло так говорили и лезли на конфликт. Всё прыгали, наскакивали… Но потом пришел наш приятель Игорь Безруков. А он — довольно большой мужчина. И в общем, конфликт погасили. Когда композиторы его увидели, то просто сели и замолчали.

Константин Митенев — кинематографист

Году в 1986-м из Ленинграда в Вятку отправился «культурный десант». Были приглашены Юфит со своими некрореалистами и две группы: «Дурное влияние» и «Автоматические Удовлетворители». Поехали на поезде, но уехали недалеко, потому что в Тихвине всех нас ссадили. И где-то там спьяну были потеряны наши сопроводительные документы.

Но до Вятки мы все равно добрались. Выступления проходили в главном кинотеатре города. Все набились в кинорубку и стали крутить наше кино. Это и для Петербурга-то в те годы было чересчур. А в Вятке кто-то просто вызвал милицию. Мы сидим, смотрим на экран, вдруг вбегают милиционеры — целая толпа.

— Кто такие?

А сопроводительных документов нет! Никто толком не может объяснить, кто мы такие. Причем выглядим мы все довольно стремно, а на экране творится и вообще жуть — просто какие-то чудовищные вещи. И милиционеры понемногу понимают, что накрыть удалось целую банду.

Они говорят:

— Вы кто?

— Мы киногруппа из Ленинграда.

— У вас вообще никаких документов нет?

Все стали рыться по карманам. Померанцева нашла свою трудовую книжку. Ну, слава Богу! Хоть какой-то официальный документ! Милиционеры открывают ее, а там написано: «Ночная уборщица в бане». Странно, что всех нас прямо из кинотеатра тогда не отправили в тюрьму.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы

«Кино»

Андрюша моментально собрал огромную коллекцию пластинок с панк-роком. И в течение нескольких лет эта коллекция была лучшей в стране. Свин слушал музыку, о которой остальные меломаны и понятия не имели.

На «толчок» мы всегда ездили вместе. Но Андрей как-то исхитрялся увидеть нужные диски там, где остальные даже не останавливались. Игги Поп, «Public Image», «Stranglers», «Clash», «XTC», Патти Смит, «Ramones» — всех этих исполнителей лично я впервые услышал на дорогом Андрюшином проигрывателе.

Через несколько лет «толчок» непонятным образом легализовался. В стране начинались другие времена. Все, что очень долго существовало в подполье, стало понемногу вылезать наружу. Часть рынка так и осталась у «Юного техника». Там продавцов и покупателей по-прежнему прессовала милиция и грабили гопники. А часть переместилась в Дом культуры имени Ленина и получила официальную регистрацию как Клуб филофонистов.

К тому времени панками были уже все члены нашей компании. Именно тогда Свинья и его приятели разработали стиль, который русские панки используют до сих пор. Никаких курток-косух и кожаных штанов — откуда в советской России взяться косухам? Никаких экстравагантных сапог и футболок с матерными надписями. Мы одевались исключительно в одежду массового советского производства. Просто больше было не во что. Однако даже в этой одежде взгляд все равно цеплялся за нас в любой толпе.

Свин иногда ходил в самодельном цилиндре и коричневом фраке с фалдами до пят. Пиночет носил белую куртку с

нарисованным на спине «битником», танцующим буги-вуги. Юфа любил докторские белые чепцы с красными крестами. А я ходил в клетчатой, будто сшитой из разноцветных лоскутков, куртке, которую на что-то выменял у Андрюши. Все были хороши, все были живописны.

Какое-то время к нам даже гопники не привязывались. Завидев нашу компанию, они делали круглые глаза, шарахались в стороны и шипели, что таких мудаков еще не встречали. Милиция тоже поначалу не понимала, что происходит. Потом, когда сверху пришли разъяснения, что, мол, кроме волосатых хиппи, опасность для общества представляют еще и стриженые панки, — только тогда помаленьку начали прихватывать и нас.

Большую часть времени мы проводили в Клубе филофонистов. Там мы находили все музыкальные новинки, там же и зарабатывали какие-то деньги. Время от времени на пару со Свином мы скупали все бродящие по рукам пластинки какой-нибудь одной группы, становились монополистами и взвинчивали цены. После чего пластинки тут же продавались, а прибыль шла на сухое вино. Этот напиток в начале 1980-х мы предпочитали всем остальным видам алкоголя.

…

Если уж вспоминать о сухом вине, то нельзя обойти нашего друга Майка Науменко из группы «Зоопарк». Майк неожиданно для всех очень подружился со Свиньей. Оказалось, что папа российского ритм-энд-блюза был не прочь послушать реальный панк-рок и как следует оттянуться в головном офисе отечественного панка — дома у Андрея на проспекте Космонавтов.

Кроме сухого вина, Майк тогда ничего и в рот не брал. Правда, некоторое время спустя он увлекся фирменным напитком «чпок». Майк очень рекламировал «чпок» в панковской среде, но напиток у нас так и не прижился. Свинья считал, что процесс приготовления «чпока» хоть и несложен, но все-таки несколько суетен.

Мы ездили в Клуб филофонистов, покупали и выменивали там кучу новых пластинок, а потом, выпив в ларьке возле Дома культуры имени Ленина по паре кружек пива, ехали домой к Андрею. У него была самая лучшая аппаратура, какой не было ни у кого из нашей компании. Там все пили вино и вместе слушали новинки. Удивительно, но сильно никто не напивался. Даже три-четыре бутылки на каждого из строя не выводили. Сейчас такое трудно себе представить.

Майк все пытался сбить нас с толку своим «чпоком», который

приготовлялся так: на половину рюмки водки половину газированной воды. Рюмка плотно накрывается ладонью и изо всей силы ударяется донышком о колено. Напиток мгновенно вскипает — тут его и надо глотать. Действует как удар кувалдой в лоб. Три-четыре «чпока» — и ты готов свалиться под стол.

Быстро напиваться нам не хотелось. Наоборот! Нам хотелось сидеть и слушать. И ставить все новые пластинки. И пить вино. И опять слушать эту музыку. И чтобы этот день не кончался никогда. И музыка чтобы тоже никогда-никогда не кончалась…

Лия Петровна Панова — мама Свина

После Театрального института Андрей много где работал. Разносил газеты, приходил с черными от типографской краски руками — полдня не отмыть было. Работал санитаром в Мариинской больнице. Но отовсюду быстро уходил.

С газетами он продержался дольше всего. Тогда его хотели посадить за спаивание несовершеннолетних. А на самом деле из-за отца. Но у них ничего не вышло. Ни один из тех, кого они вызывали и допрашивали, показаний против Андрея не дал. Все говорили: «Как это он нас спаивал? Да у него больше рубля в кармане никогда не было! Как он мог нас споить?»

Даже я следователю говорила: «У нас в доме алкоголя нет». У меня еще мама была жива. Я одна кормила всю семью — откуда деньги на выпивку? Если кто-то из Андрюшиных друзей приходит, они приносят с собой. А так, чтобы в доме держать?.. И вообще, компания, которая тогда собралась (тот же Цой или Пашков), все же сухое вино пили. В общем, у них ничего не получилось.

Забирали его в милицию часто. В наручниках увозили. Прямо на улице хватали. Без всякого повода.

— А! Вот он, Панов!.. Давай его сюда!

Был такой Игорь по кличке Нехороший. Как-то с Андреем они вышли на улицу. У нас вокруг дома высоченные кусты, они сели в этих кустах с бутылочкой. И их обоих забрали. Как бы за распитие на улице.

Игоря тут же отпустили, а Андрея — нет и нет, нет и нет.

Я поехала туда и до часу ночи стояла перед отделением. Потом, уже глубокой ночью, вышел какой-то милиционер и говорит:

— Вы зря здесь стоите. Смотреть на него приезжали такие люди! Они распорядились, чтобы ни под каким видом его не выпускать. Так что сделать вы ничего не сможете.

Тогда я пошла к следователю и сказала, что наняла адвоката. Он аж побелел:

— Зачем вам адвокат?!

Адвокат был евреем. Это был очень знаменитый адвокат. Потом он уехал в Америку.

Адвокат спросил:

— Это какая Панова? Которая мужа отпустила без денег за границу?

Дело в том, что по закону муж должен был мне платить. Там, что-то такое, — нужно было отдать алименты за шесть лет вперед. До самого Андрюшкиного совершеннолетия. А откуда у него такие деньги? И я Валерия отпустила без всяких денег. Официально написала заявление… Меня потом еще целый год вызывали и просили написать другое — что я требую денег уже из-за границы. Они хотели, чтобы Валерия осудила еврейская община.

Когда этот известный адвокат выяснил, что это именно я, он взял мое дело. И как только они узнали его фамилию, дело было сразу закрыто. А с меня этот адвокат не взял ни копейки. Правда, банкет дома я, конечно, для него устроила…

Он приехал и удивился: почему Андрей не сидит за столом? У нас было не принято, чтобы он присутствовал при разговорах старших. И когда ему что-то понадобилось, то он постучался в дверь гостиной.

Адвокат поднял брови:

— И они считают, что этот юноша плохо воспитан?! Никого

не слушайте: у вас прекрасный сын!

А через несколько лет его прямо после концерта отвезли в тюрьму на улице Каляева. Во Дворце молодежи был панк-фестиваль, и Андрей кого-то проводил без билета. А на охране схитрили — попросили оставить в залог паспорт, да так и не вернули.

Когда концерт закончился, я пришла его встречать. Вижу — «воронок» стоит. Я сразу поняла, что это за Андрюшей. Прошла за кулисы, взяла его за руку, и мы вышли через главный вход. Не через служебный, где его караулили, а через главный — вместе со зрителями. Потом я им позвонила:

— Где паспорт моего сына?

— Он должен сам за ним приехать.

Мы поехали за паспортом, и его тут же забрали. Прямо на моих глазах. Забрали за то, что он якобы нецензурно выражался на сцене. Дали десять суток. Я когда-то работала в «Динамо» с фигуристами, и у меня катался внук заместителя начальника ГУВД. Когда Андрей сидел, этот заместитель уже не работал, но я все равно через знакомых вышла на него и узнала, когда Андрея должны выпустить.

Он вышел, я его схватила за руку, а он бежит.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Меня предупредили еще там: только выйдешь на улицу, снова заберем. Тут же. И повод найдем.

Мы с ним просто полетели домой. Я его руку не выпускала. Потом я все время ему говорила: будь осторожен! У меня уже не осталось знакомых, которые могут тебя выручить… А его продолжали забирать. По поводу и без повода.

4
«Дураки и гастроли» (Альбом группы «Автоматические Удовлетворители». 1984 год)

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Для записи «Юнкеров» Васе Серову нужна была акустическая гитара. Мой приятель привез свою двенадцатиструнную гитару, купленную еще лет двадцать назад.

— О! — сказал я. — По-моему, в свое время эта гитара стоила 98 рублей.

— Нет, — говорит Вася. — Не 98, а 112.

А Свинья говорит:

— Абсолютно точно, 98, потому что мы вместе с Цоем покупали ему такую же. Родители уехали на месяц и оставили ему 100 рублей. На 98 рублей мы купили гитару, а на 2 рубля он накупил беляшей, которыми дико отравился и лежал несколько дней совершенно зеленый. Что было вполне в его духе. И вообще, только такой человек, как Цой, мог въебаться в стоящий автобус на совершенно пустом шоссе.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Сухое вино мы иногда подогревали в духовке и пили горячим. Как-то на кухне у Свина во время такого подогрева я познакомился с Цоем. Виктор был одет в черные узкие брюки, из которых высовывались ступни в черных носках, черную рубашку и черную жилетку из кожзаменителя.

Жилетка была украшена булавками, цепочками и значочками. Познакомившись, мы решили для пробы открыть одну бутылку прямо на кухне. Вино в духовке нагрелось до оптимальной температуры. Можно было звать всех остальных, но мы не торопились. Мы мирно беседовали, попивая разогретое вино.

На тот момент «Палата № 6» (в которой играл Цой) репетировала у Свиньи дома. Тогда же Андрюша и сам начал поигрывать на гитаре. В его комнате рядом с колонками скоро появились гитары и барабанные установки. Я уже не помню сейчас, какие там были усилители, но для репетиционной точки все это звучало вполне сносно. На барабанах «Палата № б» барабанила вовсю — это дома-то, в обычной квартире! Каким-то

чудесным образом Андрей умудрялся договариваться с соседями, и те ни разу так и не вызвали милицию.

Свинья только-только начинал музыкальную карьеру, а Майк Науменко из группы «Зоопарк» считался вполне взошедшей звездой. Он вел себя так, как вычитывал в старых номерах журнала «New Musical Express». Однажды он пришел к Андрюше и сказал:

— Свин! Специально для тебя я написал песню!

— Очень хорошо. И что?

— Готов продать!

— Продать?..

Майк значительно опережал свое время. Это сейчас песни пишутся на заказ и продаются. А тогда, чтобы Свин купил у кого-то песню?..

Я просыпаюсь каждое утро.
Ко мне приходят мои друзья.
Они приносят мне портвейн и пиво,
Но я знаю, они ненавидят меня.
И у меня есть жаба — редкостная дура!
И я бу-бу ее каждый день.
Нам давно плевать друг на друга,
Я бы бросил ее, но бросать лень.
И каждый день я хожу на работу
(Всем было б лучше, если б я не ходил).
А если я умру, то кто тогда вспомнит
О том, что я вообще когда-то жил?
А я не знаю, зачем я живу, — ну и бу с ним.
А я не знаю зачем я живу, — ну и бу-бу-бу-бу-бу с ним.

Майк спел новую песню, сидя на полу, прижавшись к стене и с каждой строчкой чувствуя себя все более неуютно. По лицу Свиньи было видно: вдуть ему песню за бабки — затея бессмысленная.

— Ну и чего? — спросил наконец Андрей.

— Я хочу за песню…

Майк начал судорожно соображать.

— Я хочу… Три бутылки сухого…

В результате долгих переговоров на сухое скинулись все присутствующие, в том числе и Майк. А песню Андрюша так и не купил. Да и не пел ее никогда. Майк же, напротив, записал и выпустил ее на альбоме «LV».

Со временем Майк как-то незаметно выпал из компании, засел у себя дома, да так и сидел там, выходя только в магазин и на концерты. В 1991-м он умер. А Андрей еще крепче сдружился с «Палатой № 6».

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

Цой стал понемногу репетировать с моими «Автоматическими Удовлетворителями». По наколке Майка мы записали пластинку «Дураки и гастроли». Там и Майк играл, и Рыба, и Цой, хотя Майк почему-то это отрицает. Песни все были мои, только одна была Майка и одна — Рыбы…

А еще с великой наколки Майка мы поехали в Москву.

Организовывал все это Артемий Троицкий. Майк до этого был у него с Гробощенковым, и их расспрашивали: правда ли, что в Ленинграде кто-то уже играет панк? Майк сказал, что правда, и дал мне телефон Троицкого.

Зимой 1979-го мы поехали туда большой компанией давать концерты. Ну, Москва — город маленький. О нас сразу все узнали: новые люди!., новая музыка!..

И мы дали концерт в чьей-то квартире, а потом в каком-то мелком клубе. В общем, когда вернулись, в Питере к нам тоже стали иначе относиться. До этого все считали, что мы просто идиоты. А теперь выяснилось, что о нас говорит вся Москва.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Именно Майк устроил петербургским панкам первые гастроли в Москву. Вернее, его продюсерские усилия ограничились тем, что он продиктовал Андрюше телефон московского музыкального критика Артемия Троицкого, а договаривался с Артемием уже сам Свинья.

Перестройку общественного сознания Троицкий начал еще с конца 1970-х. Прежде рок-н-ролл был музыкой деклассированных для деклассированных. Артем же повел атаку на высшие слои советского общества. На так называемую интеллигенцию, на пресс-центр ТАСС на Союз журналистов, на радио, на телевидение. Это в те-то времена!

Он устраивал андеграундным певцам маленькие домашние концертики и приводил туда представителей московской элиты, которые могли нажимать на кнопки у себя в офисах. При этом Артемий обладал неплохим вкусом и разбирался в предмете, которым занимался.

Переговоры закончились тем, что Свину и компании было сделано приглашение поиграть в Москве. Где состоится концерт, какой будет выставлен аппарат и будет ли он вообще — об этом речи не было. Не было также и речи об оплате концерта. Это была чисто рекламная поездка, а первым в стране панкам реклама была ох как нужна. Не было еще тогда такого отчаянного менеджера, который рискнул бы устраивать концерт Свину и его друзьям.

Для поездки были выбраны суббота и воскресенье: все числились работающими и прогуливать боялись. После этого стали думать: кто поедет и кто на чем будет играть?

Однозначно ехали «Автоматические Удовлетворите-ли»: Свин, Кук и Постер. Остальных вроде не звали. Но поехать хотелось многим. В результате Свин сказал, что трудности с

ночлегом и прочим он решит сам, а кто хочет ехать, может смело составить ему компанию.

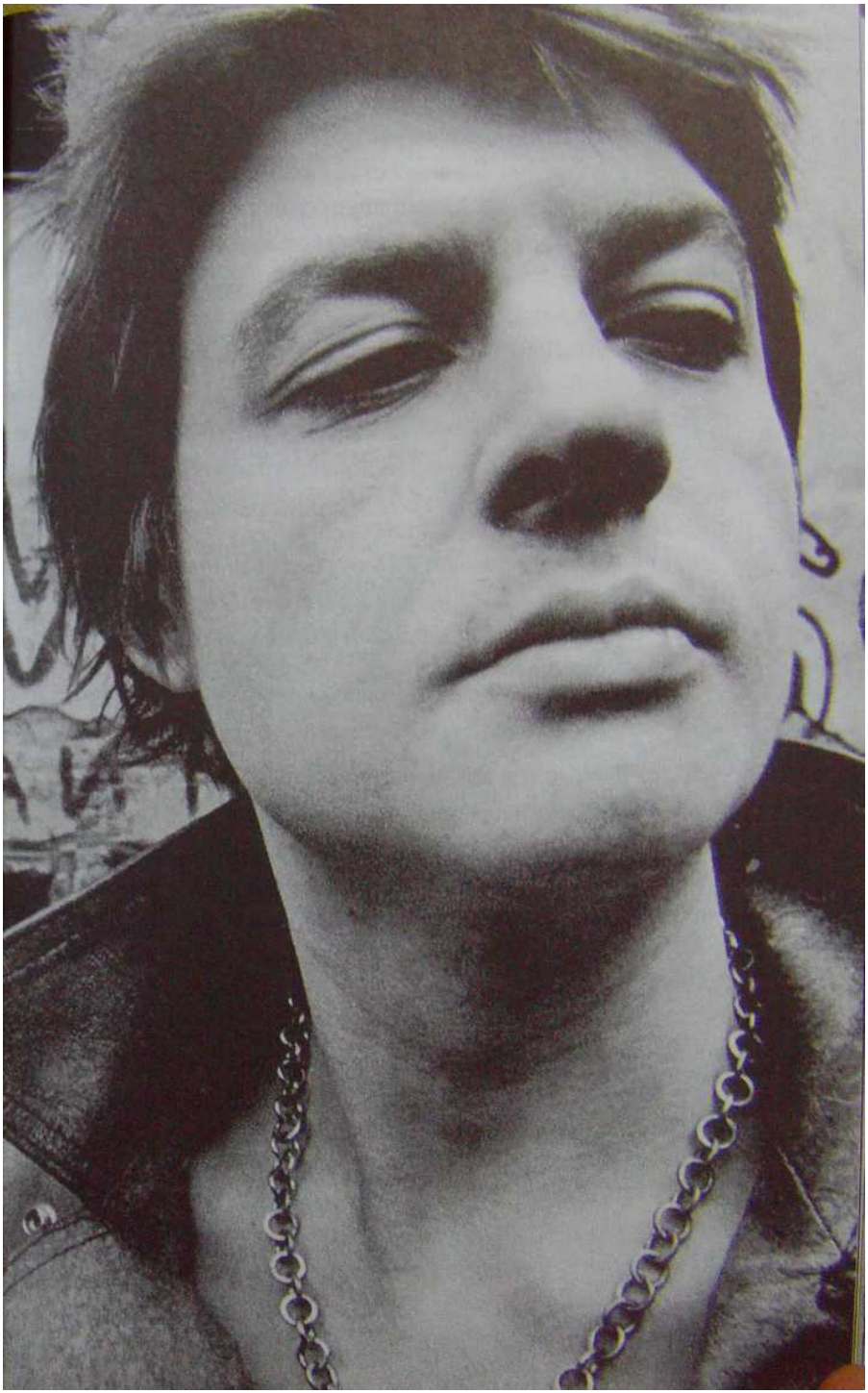
— Он звал «АУ», а может, у меня в «АУ» сейчас десять человек играет? Принимай, дорогой!

Рано утром в пятницу я смотался на Московский вокзал за билетами. Отстояв очередь, купил их на себя, Цоя и Панкера. «Удовлетворители» сказали, чтобы мы за них не беспокоились. С билетами они разберутся сами.

Пятница у всех была свободным днем. Мы собирались устроить генеральную репетицию: купили сухого вина и стали прикидывать, каков будет репертуар. Потом купили еще сухого. Вино тогда стоило 1 рубль 07 копеек. Ну в крайнем случае — 1 рубль 17 копеек. А уж если из дорогих захочется — 1 рубль 37 копеек.

Затем принялись решать, кто на чем будет играть. Музыкантов было много, и каждому хотелось блеснуть. Кое-как и этот вопрос был решен. В этот момент пришел Панкер с целой сеткой пива. Мы решили немного отдохнуть и послушать музыку. Некоторое время набирались сил перед дорогой. Вскоре пиво стало подходить к концу.

Свин сказал, что совесть надо иметь. Пора продолжать репетицию. Пиня и Кук были отправлены в магазин за сухим. Вернулись они быстро. Помимо сухого принесли еще и «Стрелецкой».



Выпив стаканчик, Панкер попросил повторить. Повторив, он посмотрел на нас покрасневшими слезящимися глазами и заявил, что в таком виде ни в какую Москву ехать нельзя.

— А в чем дело?

— Вы посмотрите на себя! Куда вы поедете? Панки называется! Да вас всех, кроме Свина, нужно срочно подстричь! Что за хиппанский вид? Свин! Где ножницы?

За мной очередь на стрижку занял Цой. Но до него ножницы не добрались. Все вдруг закричали, что до отъезда остался час и надо бежать!

Мы ринулись на вокзал. У Свина билетов не было. Он рассчитывал, что на ходу из вагона выкидывать его не станут, однако проводники взашей вытолкали его еще до отправления состава.

…

Именно после той поездки группа Свиньи стала называться «Автоматические Удовлетворители». Андрюша долго думал, как можно перевести на русский название «Sex Pistols», а потом Юфа подсказал:

— «Автоматические Удовлетворители»!

Состав первой русской панк-группы тогда выглядел странно. Основных участников было трое: Свинья, Кук и Постер. На гастролях к ним присоединились Цой, я и Олег Валинский (первый состав группы «Кино»), Пиночет с Панкером (уже тогда Панкер пытался стать серьезным продюсером) и Дюша-маленький (в недалеком будущем лидер-гитарист группы «Объект Насмешек»).

«Удовлетворители» доехали до Москвы, заплатив проводникам по десятке. Но заплачено было не за всех. Последний участок дороги (три или четыре часа) Дюша, Кук и Постер провели в туалете сидячего вагона. Когда мы встретились в Москве, ребята имели помятый вид.

Свин говорил:

— Зато мы были в музее революции! Это самый крутой музей в мире! Мы видели копию ботинок Карла Маркса! Это незабываемое зрелище!

В дверь конспиративной квартиры он звонил сам. Секретный код (последовательность длинных и коротких звонков) был известен только ему. Дверь открыл странный молодой человек. С интеллигентной бородкой, аккуратно подстриженный, в очках, косоворотке и солдатских сапогах. Он посмотрел на нас и вежливо сказал:

— Проходите.

Мы прошли в комнату, заставленную книжными полками.

— Садитесь, — сказал второй молодой человек, точь-в-точь такой же, как первый. Та же бородка и очки. Те же сапоги и

косоворотка. Хозяева оказались братьями-близнецами.

Через некоторое время подъехал Троицкий. Он влетел в комнату, не раздеваясь, окинул всех цепким взглядом, сказал «привет» и для беседы вызвал Свина на лестницу.

Через пять минут Свин вернулся:

— Одевайтесь, поехали. Концерт будет. Троицкий выставляет бухалово. Играть можно всю ночь. Аппарат есть.

И мы двинулись по вечерней зимней Москве. Впереди, выдвинув рыжую бороду, известный музыковед. За ним — восемь молодых людей совершенно неописуемого вида.

Дорога была неблизкой. Наконец Артем сообщил:

— Приехали.

Дверь открыл очередной бородач. Хозяина звали Рошаль. Он оказался известным в Москве художником-концептуалистом. В квартире имелась пара электрогитар, один барабан, бубен, бытовой усилитель и пара колонок. Артемий предложил нам настроиться и репетнуть. А сам отправился в винный магазин.

Публика была именно та, которую мы хотели бы видеть на своем выступлении. Пришли какие-то пожилые розовощекие мужчины в дорогих кожаных пиджаках и с золотыми браслетами. Женщины снимали меховые шубы и оказывались в бархатных или шелковых платьях. Мы тихо радовались.

— Они на панк-рок всегда так наряжаются? — спросил Свин у Артемия.

Артем промолчал. Он дико волновался. На фоне его золотых гостей мы выглядели ой как специально.

— Да-да-давайте, выпейте и начинайте. То-то-только не волнуйтесь. Если сегодня все пройдет нормально, завтра будет концерт в настоящем зале.

И мы начали.

Первым играл Цой. Он спел одну из двух написанных к тому моменту песен — «Вася любит диско, диско и сосиски». Песня была слабенькая, серая, никакая. Публика приняла его тепло, но без восторга.

Следующим номером был я. Поскольку ножницы Панкера успели пройтись по моей голове, я выглядел более экстравагантно, и зрители насторожились. Я проорал им свой рокешник «Лауреат». Десять лет спустя его станут играть братья Сологубы и их группа «Игры». Во втором куплете там один раз звучало слово «насрать». Зрители оживились. Начиналось то, ради чего они надевали золотые серьги и бриллиантовые колье: таинственный панк-рок…

Цой и я разогрели публику. На бой вышли «Удовлетворители». Постер бил в бубен. Он был уже настолько

пьян, что даже с одним барабаном справиться не мог. Свин был освобожденным вокалистом, но в некоторых песнях брал гитару и издавал пару звуков. Кук играл на гитаре. Цоя они попросили помочь на басу.

Зрители были в восторге. Никогда не угадаешь, что человеку нужно. Свин крыл их матом, снимал штаны, а дамы в жемчугах и их спутники млели от восторга и искренне благодарили Артемия за прекрасный вечер.

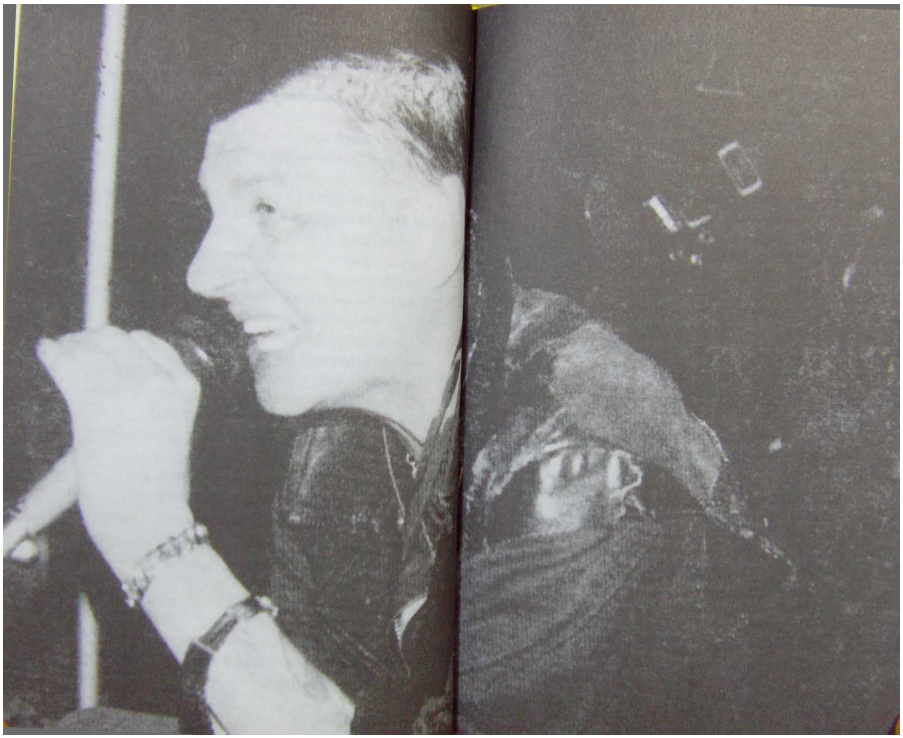
Вина Артемий купил с расчетом на всю ночь. Свин разошелся не на шутку. Жемчужные и меховые дамы принялись тоже попивать портвейн. Их кавалеры не отставали. Вскоре зрители были уже в одинаковом состоянии с музыкантами.

Встал вдруг Пиня и спел свою безумную песню «Водка — вкусный напиток». Пел он шикарно: на протяжении всего произведения отставал от музыки ровно на четверть, и получалось что-то невообразимое. Специально так сделать очень сложно:

Делают сок из гнилья и отходов,
Делают сок из поганого дерьма,
А в водку входит корень женьшеня,
И вот поэтому долго на свете живу
Я, один только я!..

Зрители медленно сползали со стульев на пол. Добил их Свин, спев двадцатиминутную композицию «По Невскому шлялись наркомы». Я до сих пор считаю, что это лучшая песня в русском панк-роке, и никто меня не переубедит.

Часть музыкантов во время исполнения «Наркомов» попадала прямо на сцене и моментально заснула. Заканчивал песню один Свин.



Павших бойцов мы оставили ночевать у Рошаля, а сами поехали с Троицким к какой-то его подруге, на следующий день дали еще один концерт (на этот раз в подвальном клубе), а еще через день купили билеты и спокойно уехали в Ленинград.

Песни Цоя, которые я услышал во время той поездки, мне понравились, а Цою понравилось то, что делаю я. Через какое-то время мы с ним отошли от «Удовлетворителей» и создали собственный проект. Назывался он «Гарин и Гиперболоиды», а еще через полгода Цой предложил название «Кино». Мы полностью ушли в себя и с Андреем стали видеться реже.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

После того как мы вернулись из Москвы, дружить с нами хотели уже очень многие люди. Как-то нас пригласили в плавучий ресторан «Бриг» на тридцатилетие Тропилло[4]. «АУ» пришли в полном составе и с нами, естественно, Цой, потому что мы все время вместе болтались. Сейчас я так думаю, что у Гробощенкова тогда была мысль «АУ» как-то пригреть. Все-таки новые люди, все только о нас и говорят. Думаю, он тогда присматривался: с кем бы из молодежи дальше замутить что-нибудь вместе? Но в «Бриге» я вел я себя омерзительно, о чем теперь здорово жалею. Гробощенков посмотрел на меня поближе и, видимо, поостерегся.

Зато он сошелся с Цоем. И вместо «АУ» стал делать дела с «Кино». Как раз после того вечера они с Витькой и подружились.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Потом я принимал участие еще в двух концертах «АУ». Как-то в Москве Свин попросил меня заменить отсутствующего гитариста. Концерт проходил в московском районе Люберцы, который тогда славился на всю страну своими чудовищными гопниками. Тупые, безжалостные, накачанные, все в одинаковых пролетарских кепках и свитерах, «любера» толпами вваливали на концерты и мочили всех без разбору. Рок-музыканты бледнели от одного названия этого района, а вот Свин совершенно спокойно согласился отыграть в самом логове чудовищ — и ничего! Концерт прошел вполне прилично.

После концерта мы сели на электричку и поехали в Москву. К нам подошел кто-то из парней, которые были на концерте. Смущаясь, он стал звать в гости:

— Поехали ко мне, в Октябрьское Поле.

— А выпить у тебя есть?

— Водка есть!

— С водкой я хоть в степь, — отрезал Свинья.

Был еще один совместный концерт— памяти Майка Науменко в московском цирке. Остатки группы «Зоопарк» упились вусмерть, заявленный «Секрет» вообще не приехал, а Андрей отыграл свою программу блестяще. Он был трезв, грустен и по-хорошему агрессивен.

После этого вживую на сцене я его уже не видел. Правда, как-то наткнулся на его выступление по телевизору. Впечатление было потрясающим. Помню, я подумал: ну, наконец-то! Слава Богу — Андрюша вышел на большую сцену! А оказалось, что этот концерт так и остался единственным дошедшим до эфира.

Очень жаль, что все это продолжалось так недолго и закончилось так, как закончилось.

Часть 2
ЕГОР И ЯНКА (1984–1991)

5
«Так закалялась сталь» (Альбом группы «Гражданская Оборона». 1988 год)

Сергей Глазатов (Джекл) — член новосибирской рок-н-ролльной тусовки

Нужно понимать: конец 1980-х был совершенно особым временем. В обществе тогда шла очень серьезная борьба, и я считал себя бойцом этого фронта. Разумеется, я не был политиком. Но я считал, что нынешний строй, нынешняя система отношений, существующая система ценностей — все это должно быть уничтожено. На их месте должно появиться что-то новое.

Я пробовал себя в роли директора новосибирской группы «БОМЖ». Сейчас директор любой рок-группы должен быть прежде всего профессионалом шоу-бизнеса. Его задача — написать внятный бизнес-план и неукоснительно ему следовать. Но в те годы все было иначе. О коммерческом успехе говорить тогда было просто смешно. Главное, что всех нас интересовало, — идеологическая сторона вопроса.

Задачу рок-исполнителя я видел в том, чтобы, грубо говоря, промывать людям мозги. Предлагать взамен общепризнанной СВОЮ систему ценностей. Время было такое, что донести свои взгляды до людей можно было только через рок-н-ролл. Тогда это было очень мощное оружие.

Не буду скрывать: занимаясь раскруткой музыкантов, прежде всего я хотел раскрутить себя самого. Мне хотелось получить инструмент, с помощью которого я мог бы влиять на людей. Доносить до них свои взгляды. К сожалению, больших результатов ни мне, ни другим сибирякам добиться не удалось.

Сейчас по телевизору постоянно крутят уральские группы типа «Агаты Кристи» или «ЧАЙФа». Ну, согласитесь: не самые сильные коллективы в мире. Тем не менее о них сегодня известно по всей стране. Почему? Потому что в Екатеринбурге нашелся блестящий профессионал Грахов, который смог их как следует раскрутить. В Новосибирске такого человека, к сожалению, не нашлось.

Могу сказать со всей ответственностью: сибирская волна рок-н-ролла была куда сильнее уральской. Однако сделать своих музыкантов звездами всероссийского уровня никто из нас не сумел. Собственно, кроме «Гражданской Обороны» и Янки

Дягилевой, никто из сибиряков сегодня в стране и не известен.

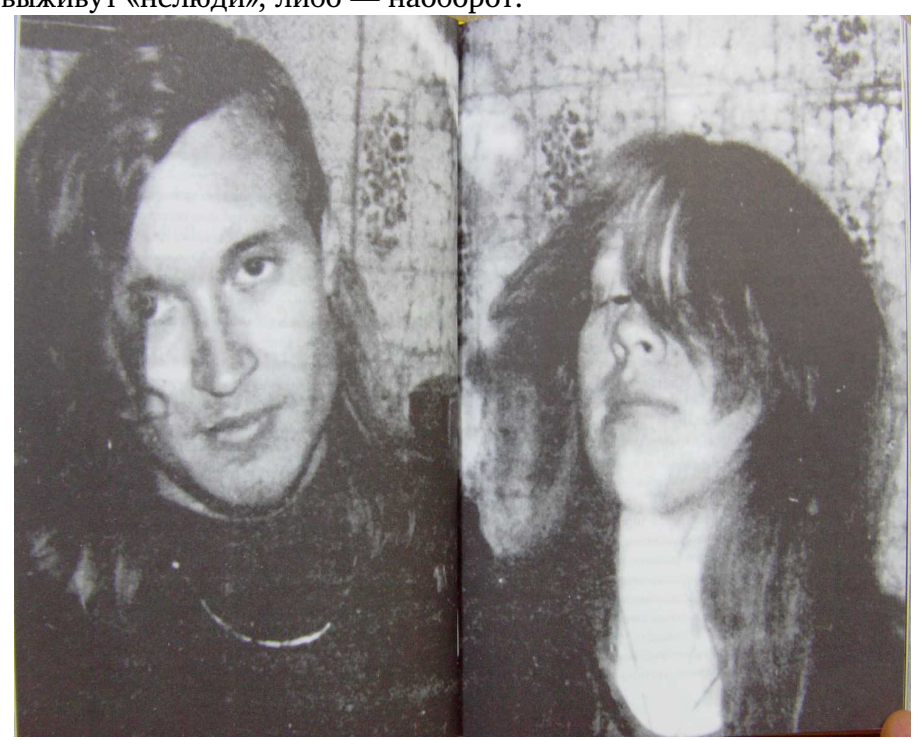
Самое первое интервью Егора Летова (Журнал «УР ЛАЙТ». 1988 год)

— Что такое рок?

— Рок по сути — не музыка и не искусство, а некоторое религиозное действо типа шаманизма. Человек, занимающийся роком, постигает жизнь не через утверждение, а через разрушение, через смерть. Чем больше шаманства, тем больше рока. И, наоборот, если над шаманством начинают преобладать искусство, музыка — то рок умирает.

— То есть, если таким образом рассмотреть историю мирового рока…

— Тут дело даже не только в роке. Герман Гессе в свое время писал, что человечество делится на два типа: потенциальные самоубийцы (люди, которые не боятся смерти, — «нелюди») и все остальные. Рок — это массовое движение «нелюдей». В нем человек — только внешне человек, а по сути — сумасшедший. Сегодня мы видим, как мир подходит к последней черте. Мы присутствуем при начале Апокалипсиса, после которого либо выживут «нелюди», либо — наоборот.



Раньше в рок вливались массы людей, которые, по сути, не имели к нему никакого отношения. Это было просто модно, но сейчас все встало на свои места. И оказалось, что «нелюдей»

очень мало. Рок в общем-то умер, и сейчас остались только одиночки, которые часто даже не знакомы друг с другом. Зато они опаснее для социума, чем целое движение. И общество борется с этими одиночками. Например, устраиваются большие рок-фестивали, которые уничтожают то, что было создано человеком в борьбе с самим собой.

— А почему вы тем не менее захотели участвовать в нынешнем фестивале?

— Все, что остается человеку рока, — это проявлять свою сущность. Все, что может «нечеловек», — это быть «нечеловеком». Нужно понимать, что война проиграна, и тем не менее быть верным своей природе. А природа толкает играть. Причем не важно, воспримут тебя или не воспримут…

— Панк в России имеет особую миссию?

— Панка в России нет. Панк у нас — это только атрибутика. Как на этом фестивале: огромные толпы людей с гребнями и шипами, а настоящих панков — ни единого! На Западе панк это реальное движение, а у нас его нет и быть не может. Есть единицы: «Гражданская Оборона», «Инструкция по выживанию», «Путти», «ДК»… Причем все мы друг друга можем и ненавидеть.

— Твое отношение к Свинье?

— Очень плохое! Это как раз типичный представитель «человека». Панк — это когда все до конца: живет — так живет, нет — так нет. А Свинья — вроде бы живет, а вроде бы и нет… Из Свиньи делают главного панка СССР, но я бы обратил внимание не на него, а на другого персонажа — на Колю Рок-н-Ролл. Вот он может сегодня говорить, что — правый, завтра — что левый, а когда выходит на сцену, то способен полоснуть себя бритвой так, что кровь потечет — если почувствует, что в эту секунду это нужно. Вот он живет совершенно вне рассудка, вне инстинкта самосохранения.

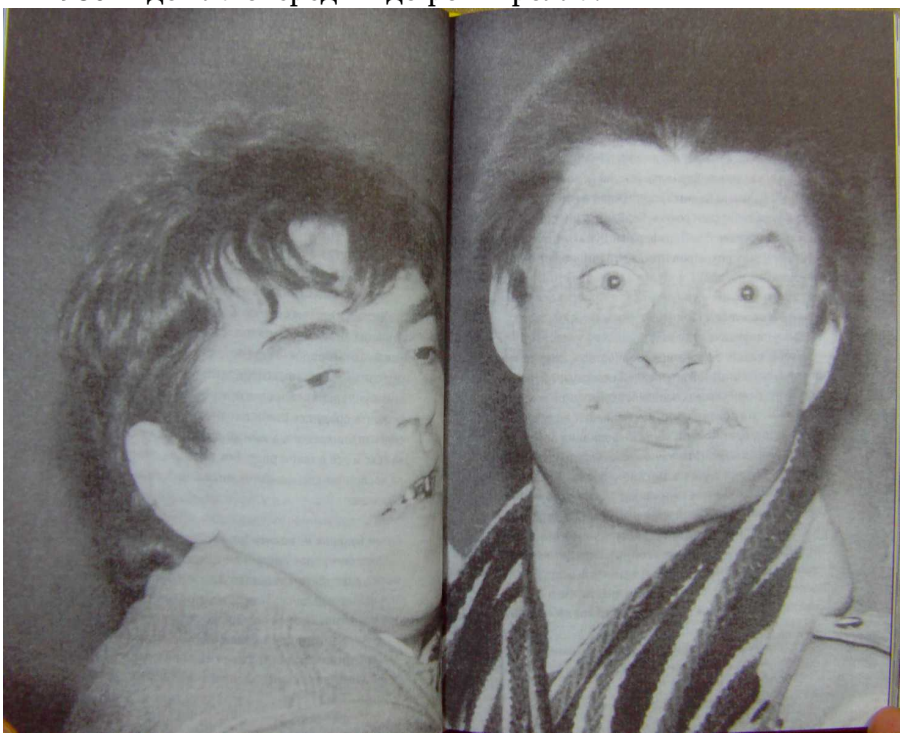
— Почему центром нашего панна сегодня вдруг стала Сибирь и особенно Новосибирск?

— Не знаю… Но думаю, что европейский человек из Москвы, а уж тем более из Ленинграда, в основе своей всегда либо сноб, либо попсовик. А в Новосибирске был Академгородок. И где-то в середине 1960-х власти решили провести эксперимент: что будет, если взять всех вундеркиндов и свезти в одно место? И получилось, что сразу все стали писать письма в защиту диссидента Синявского, а женщины вставали с плакатами за секс и все в таком роде. Вот там панк с самого начала воспринимался не как модная атрибутика, а именно как идея.

Антон Буданов — новосибирский музыкант

Академгородок построили в подражание американским университетским кампусам 1960-х годов. Летом там шикарный пляж. И вообще, там даже в советские времена была полная вольница.

В Академгородок приезжали ученые из Москвы, Петербурга, Харькова. Кто-то ехал по политическим соображениям, кто-то — по пятой графе. В Сибири все они делали ядерное оружие, и за это им разрешалось ругать советскую власть и слушать ту музыку, которую они хотели. В 1960-х люди слушали бардов и Высоцкого. А к 1980-м дошла очередь и до рок-н-ролла.



Новосибирск — это ведь столица Сибири. Рок-н-роллщики из Омска, Барнаула, Тюмени (и вообще — от Урала до Дальнего Востока) приезжали к нам и выступали в Новосибирском рок-клубе. Все это вместе называлось «Движение Рок-Переферия». Думаю, что активнее, чем у нас, рок-н-ролл тогда играли, может быть, только в Петербурге.

«Егор Летов о себе»
(Газета «Лимонка». 1994 год)

Чтобы начать заниматься творчеством, сперва ты должен наполнить свой внутренний резервуар. Первую половину жизни человек наполняет себя чужой информацией — это похоже на то, как наливают воду в стакан. Но приходит момент, когда информация перехлестывает через край. И ты начинаешь творить

сам.

До 1982 года я жил в Москве у брата[5], и он постоянно привозил мне пластинки. Там я много читал, смотрел фильмы, слушал музыку, изучал философию и духовные практики. Но творчество начинается тогда, когда вокруг тебя (вне тебя) нет того, что ты хочешь увидеть или услышать. Я хотел услышать определенную музыку и определенные тексты. Но в реальности их не нашлось — не было в то время группы, которая бы меня удовлетворяла. И поэтому группу я сделал сам.

В Ленинграде я купил себе первую в жизни бас-гитару, уехал в Омск и собрал там группу. Сперва она называлась «Посев» — в честь известного издательства[6]. Это было самым эпатажным названием, которое можно было в то время придумать. Тогда никто из нас еще не слышал панк-рока. Даже само слово «панк» в моем присутствии еще никто не произносил. Но когда мы начали играть, то оказалось, что это и есть «гаражный панк». В чистом виде ультра-панк.

Мы отыграли два года и в 1984 году после смены состава переименовали группу в «Гражданскую Оборону». Окружающая реальность нам не нравилась. А поскольку реальность была советской, то мы начали писать антисоветские песни. Чтобы пробить стену, мы попробовали двинуться в сторону политического протеста. Хотя были тогда абсолютно к этому не готовы.

Олег Судаков (Манагер) — омский музыкант

Летов того времени был шоком для всего СССР. Вот человек: поет, пишет, выступает — и его не посадили! И не убили, хотя покушение со стороны КГБ было, и челюсть ему сломали несколько раз. Он показал, насколько далеко можно зайти и при этом остаться самим собой. Делать то, что хочешь, и не сломаться. Он очень многое себе позволял — того, чего остальные позволить себе не могли.

Из интервью Егора Летова (1990 год)

Мать нашего басиста была упертой коммунисткой. Она услышала наши записи и пошла в КГБ. С этого все и началось.

— Товарищи! — сказала она. — Мой сын втянут в антисоветскую организацию!

В то время вокруг «ГО» образовалась такая тусовка, где ходил самиздат, перепечатанные Аксенов и Стругацкие. И с марта 1985 года началось дело в КГБ. Они ходили, собирали информацию. Причем человеку угрожали тем, чего он больше всего боится. Знакомый дискотечник привез мне домой аппаратуру

записываться. Его встретили на остановке и сказали: с твоей новорожденной дочкой могут быть неприятности. Он побелел лицом, пришел ко мне, забрал аппаратуру и уехал.

Давили и на остальных, а я об этом только догадывался. На заводе, где я работал художником, мной начал интересоваться первый отдел. И в ноябре всех нас повязали. Нам стали шить глобальное дело: антисоветская организация, подготовка террористических актов и даже хотели навесить подготовку к взрыву нефтекомбината. Начались угрозы. Раскрутка была вплоть до Москвы.

Моего гитариста Кузю в течение одного дня забрали в армию. Хотя он имел твердую отмазку: у парня была действительно серьезная сердечная недостаточность. А его отправили служить на Байконур, где закрытая зона. Мне же начали угрожать, что если я не сдам, откуда самиздат, то они станут вкалывать мне правдогонные средства. То есть они вколют мне наркотики, я все им расскажу, а после этого они повернут дело так, что я стуканул добровольно. Именно стуканул, а не под давлением.

Это продолжалось месяц. А я до этого ничего подобного не испытывал. И даже наркотики ни разу не пробовал. И тогда я подумал: а есть ли во всем этом смысл? Я просто решил покончить с собой. Написал бумажку:

«Кончаю с собой под давлением майора Мешкова Владимира Васильевича!»

Каким-то образом им стало об этом известно. Я до сих пор не знаю как. Но меня забрали в психушку и дело приостановили.

«Егор Летов о себе»
(Газета «Лимонка». 1994 год)

До этого мне казалось, что есть вещи, которых человек может физически не выдержать. Я боялся, что именно физические страдания будут самым страшным испытанием. Но оказалось, что есть вещи и пострашнее боли.

Пока не началась перестройка, я лежал в психушке на «усиленном обеспечении». Там меня сразу стали накалывать сверхсильными дозами нейролептиков. После особенно страшной дозы я даже временно ослеп. Я впервые столкнулся со смертью и с тем, что куда хуже смерти.

Это лечение нейролептиками везде одинаково — что у нас, что в Америке. Все начинается с «неусидчивости». После введения чрезмерной дозы лекарств типа галаперидола человеку приходится мобилизовать все силы, чтобы контролировать собственное тело. Иначе начинается истерика, корчи и так далее Если человек ломается, наступает шок. Он превращается в

кричащее, вопящее, кусающееся животное. Ну, а дальше по правилам следует «привязка». Тебя привязывают к кровати и продолжают колоть, пока не перегоришь по полной, до необратимых изменений психики.

Эти препараты делают из человека дебила. Эффект — как от лоботомии. Ты становишься мягким, покладистым и сломанным на всю жизнь. Как в романе «Пролетая над гнездом кукушки».

В один прекрасный день я понял: либо сейчас сойду с ума, сломаюсь, либо мне надо бежать. Например, когда выносят бачки с мусором. Но бежать только для того, чтобы добраться до девятиэтажки, которая стояла напротив, и броситься оттуда вниз. В основном так поступали пациентки из женского отделения. Они повторяли этот суицидальный маршрут почти ежедневно: ускользали из отделения, добегали до девятиэтажки и бросались. Дальше убежать было невозможно. Сибирь, Омск, морозы страшные.

Когда я до конца понял, что смерть рядом, это и дало мне силы. Во мне произошло как бы расслоение: я увидел свое тело со стороны. Тело болело и рвалось на части. А само мое «Я» было светящейся спокойной точкой, которая находится где-то рядом с телом, но не очень-то с ним и связано. Тело можно искалечить и уничтожить, но сам «Я» все равно останусь.

И вот после этого я начал писать новые песни.

Совсем другие.

Антон Буданов — новосибирский музыкант

Времена менялись, и в 1987 году власти разрешили провести в Новосибирске первый рок-фестиваль. В основном, конечно, туда приехали люди из Петербурга, но подтянулись и сибирские группы. Из Омска приехала очень смешная группа, которая называлась то ли «Третий Рейх», то ли вообще «Адольф Гитлер».

До этого рок-н-роллом у нас называли беззубых хард-рокеров, которые пытались подражать «Deep Purple». Да и их власть всячески контролировала и тщательно следила, чтобы в текстах не проскочила какая-нибудь крамола. А тут вваливают реальные панки, да еще с таким названием! Это было шоком и пощечиной всем сразу.

Выглядела омская компания очень экстравагантно. Играть толком ни один из них не умел, но это было и не важно. За ударной установкой там сидел очень интеллигентный молодой человек в очечках. Никто тогда и представить не мог, что этот юноша за барабанами буквально через год взорвет всю страну и станет суперстаром: «Панки в городе — хой-хой-хой!»

«Егор Летов о себе»
(Газета «Лимонка». 1994 год)

В омских газетах нас обзывали фашистами, обливали грязью. Было официальное предупреждение из прокуратуры, и со всех моих знакомых взяли подписку, что они не станут иметь со мной никаких дел. Так что когда меня выпустили из психушки, то играть мне было не с кем.

Я начал сам учиться играть на инструментах. Целый год я был один: сам сочинял песни, в одиночку пытался их записывать… Время шло. Кузя все еще служил в армии. А в 1987-м я познакомился с братьями Лищенко, вместе с которыми поехал на новосибирский фестиваль.

Выступать мы даже не собирались. Но в последний момент организаторы запретили выступление группы «Звуки Му», и нам предложили выступить вместо них. Ну, мы и выступили.

Через двадцать минут выступления нам вырубили аппарат. Скандал был такой, что в наши дни трудно даже представить. Я вернулся в Омск и понял, что вот сейчас меня опять заберут в психушку. Только на этот раз уже надолго.

А на фестивале я как раз познакомился с Янкой. Именно она тогда помогла мне бежать из города.

«Музыкальная газета» (г. Курган)

Настоящая фамилия Янки — Дягилева. Как ни странно, но эта сибирячка является родственницей знаменитого импресарио Сергея Дягилева, проводившего балетные «русские сезоны» в Париже 1910-х годов. Правда, родственницей очень отдаленной: ничего парижского и блестящего в Янкином детстве не было. Ее папа работал в Новосибирске простым инженером, а мама умерла от рака, когда Янке было шестнадцать.

После школы Янка поступила в институт на инженера водоснабжения. В институтском ансамбле политической песни она стала впервые исполнять свою музыку. А потом встретилась с поэтом Сашей Башлачевым — и навсегда перестала думать о карьере в области водоснабжения. В 1986-м Башлачев приехал с квартирными концертами в Новосибирск, познакомился с Янкой, несколько дней пропадал с ней по квартирам знакомых, а потом вернулся в Петербург и в следующем году покончил с собой.

После его смерти Янка плюнула на учебу, сошлась с Егором Летовым и ушла из дома. Первое время она считалась басисткой группы «Гражданская Оборона», а потом собрала собственный проект «Великие Октябри».

Из интервью Егора Летова

Янка вместе с большой компанией приехала ко мне в Омск почти сразу после фестиваля. Мы засели дома у братьев Лищенко, с которыми я тогда играл, и какая-то сволочь (не буду говорить кто) очень сильно накормила Женю Лищенко таблетками. То есть это была просто какая-то чудовищная доза. Он вдруг стал по-страшному выгибаться… какой-то немыслимой дугой… и весь стал аж сиреневый… и мы решили, что он вообще умер.

Я подумал: «Вот это да! Вот это я попал! Что же делать?» Но в тот раз Женя выжил. Умрет он только через несколько лет, хотя и от того же самого. А тогда мы вместе с Янкой поехали за шприцами, чтобы его спасать. И во всем, что той ночью происходило, была какая-то мистическая последовательность: вдруг у нас обоих на джинсах появилась капелька крови… в одном и том же месте. Я над этим совпадением смеялся, а на Янку это сильно подействовало: две капельки Жениной крови падают из всех присутствующих только на нас двоих — да еще и на одно и то же место!

Женю мы откачали, а с Янкой после этого у нас все и началось. Возник так сказать романчик. Впрочем, романтическими наши отношения не были. Она ведь была типичной хиппи… Какое-то время мы были как бы мужем и женой. Но при этом жили очень свободной жизнью.

В то время я должен был отмечаться в психушке. Мне не надо было принимать таблетки или как-то лечиться. Достаточно было, что я просто приходил и они смотрели: я нормально разговариваю, адекватно себя веду. Все было в порядке до тех пор, пока мы не отыграли на новосибирском фестивале.

А после этого… Я прихожу на прием и чувствую: что-то не то. Они вдруг стали совершенно иначе себя вести. И странно со мной говорить. То есть это была какая-то ловушка! Я сижу перед врачом, а он ковыряется под столом: то ли кнопку нажимает, то ли еще что-то. Типа: «Подожди, я сейчас выйду, а ты останься».

У меня, как у животного, сработал инстинкт. Я вдруг понял, что меня поймали. Все это происходило не в дур-ке, а в диспансере. Врач вышел за санитарами, а я тихонечко открыл дверь, выглянул в коридор, бесшумно (благо был в кедах) сбежал вниз. Смотрю, а они уже поднимаются по другой лестнице.

Внизу меня ждала Янка. Я вышел к ней, а сам не знаю, что делать.

— Все, Янка! Уезжай в Новосибирск! Меня сейчас тут вязать будут, деваться-то некуда…

Она не понимает. Смотрит на меня.

— Я, — говорю, — просто так не дамся. Буду отбиваться до последнего.

— Дурак! Сколько у тебя денег есть?

— Сорок четыре рубля.

— Иди, быстро собирай вещи, пока к тебе не пришли, и бежим отсюда!

На вокзал соваться было глупо. Там меня бы сразу свинтили. Мы электричкой добрались до какого-то полустанка, вышли на трассу — и поехали. Мы были только вдвоем, причем я находился в розыске. В любой момент меня могли остановить для проверки документов — и все! Ехали автостопом и нелегально на третьих полках в поездах. Из одежды я успел забрать из дому только пиджак. Ночью было уже холодно, но мы довольно быстро добрались до Крыма. За эти сорок четыре рубля мы смогли доехать от Омска до Симферополя и там еще купить билеты на рок-фестиваль.

Так, катаясь из конца в конец страны, играя песни и знакомясь с новыми людьми, мы и провели весь следующий год.

6
«Деклассированным элементам» (Альбом Янки Дягилевой. 1989 год)

Олег Древаль — киевский приятель Егора Летова

Позвонил знакомый, сказал, что привезет ко мне друзей из Сибири. Через два часа открывается дверь, заходит Летов, женской ручкой жмет мне руку:

— Здравствуйте. Меня зовут Егор.

За ним входит смурная Янка: козлы, дайте пожрать! Я ставлю на огонь сковородку и бросаю на нее сливочное масло. Сибиряки хмуро интересуются: а что, маргарина у меня в доме нет?

— Ребята! Мы тут вообще маргарин не едим!

— А ты в курсе, что сейчас бросил на сковородку нашу двухнедельную порцию?

Потом они стали рассказывать, что ночью какой-то водитель-стопник хотел Янку и стал лезть, были проблемы. Пришлось быстро уходить. Хорошо, что вообще добрались. Когда эту историю услышал Кузя, он заявил:

— Дурак ты, Егор! Янка — здоровая баба! Сколько денег можно было заработать!

Сергей Попович — музыкант киевской группы «Раббота Хо»

Для сибиряков сытый и ленивый Киев был совершенно невиданным городом. Здесь можно было не спеша отъесться, отлежаться, обо всем подумать, со всеми поговорить. Их пёрло, как сусликов!

Не мог остановиться один Летов. Обычно панк, попадая к таким же, как он, садится пить водку и делает все, что положено делать панку. А Егор своей культурной программой меня потряс. Он умудрился посетить какие-то места, о которых я (проживший в Киеве всю жизнь) до этого и понятия не имел. Он посетил камлания ивановцев, отыскал Лысую гору, где собираются сатанисты, успел прослушать сотни альбомов и прочитать сотни книг. До того как он приехал, я и не знал, что у нас происходит столько интересного.

Валерий Рожков — сибирский музыкант

Тогда ведь сухой закон был. Алкоголь нигде не продавался. А мы приезжаем в Киев: водка — пожалуйста, пиво — пожалуйста, шампанское — пожалуйста.

Я вышел на улицу, смотрю: пиво! И очередь — два человека. Янка как увидела это, кричит: «Бежим!» Мы взяли трехлитровую банку, сели на лавочку и стали пить. А напротив какие-то мужички в домино играли. Мы — оп! Баночку выпили, вторую взяли… потом третью.

Мужики спрашивают:

— Ребята, а вы откуда?

— Из Сибири.

— А чего это у вас девчонки столько пива пьют?

— Так у нас это нормальное дело.

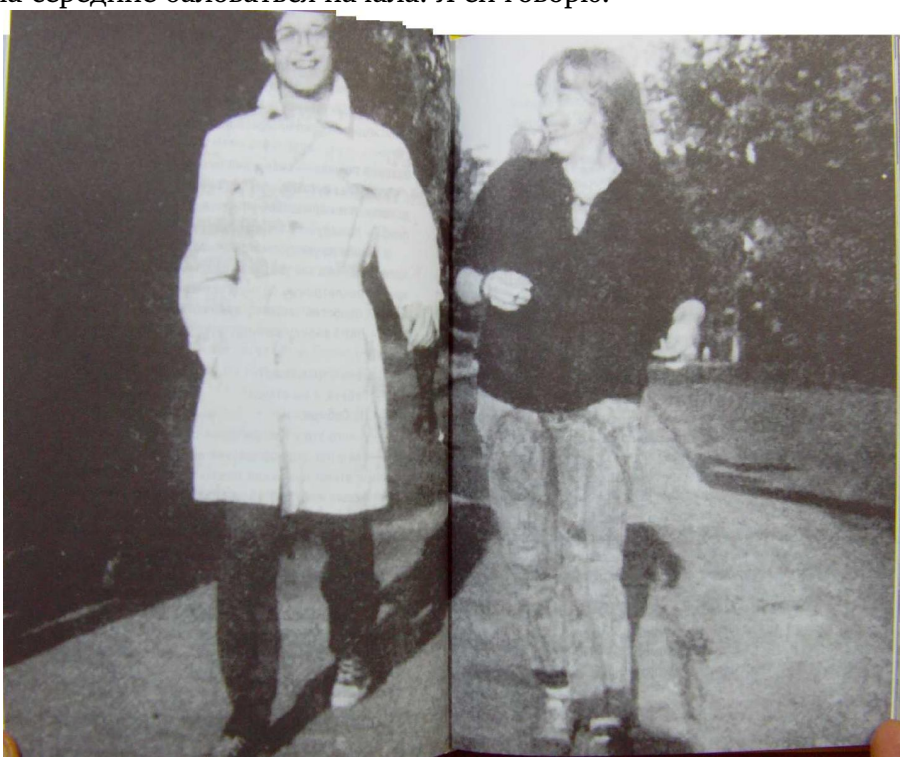
Мы с этими мужиками познакомились, взяли еще шампанского и пошли на берег озера. Выпили, стали купаться. Пока я мужиков учил шампанское из горла пить, Нюрыч начала бегать вокруг озера и орать:

— А-а-а-а! Янки нету! Янки нету! Утонула!

Пока мы с мужиками пили, она все бегала. А потом Янка вылезает из воды и говорит:

— Да вы чего? Фигня же! Ну, искупалась…

Я почему запомнил: там озеро метров двести— триста шириной. И она на ту сторону сплавала, потом обратно, а потом на середине баловаться начала. Я ей говорю:



— Ты что делаешь? Опасно ведь!

А она:

— Если хочешь, я утону! Запросто! Вот прямо сейчас пойду и утону!

Егор Летов

Целый год, до самого декабря 1988 года, мы с Янкой были в бегах. Мы объездили всю страну, жили среди хиппи, пели песни на дорогах, питались чем Бог послал, воровали продукты на базарах. В привокзальных кафешках грузины бесплатно кормили нас супами харчо… Где только не ночевали — в подвалах, заброшенных вагонах, на чердаках…

Как-то мы ехали через Украину. Вдоль дороги там росли деревья, с которых прямо на землю падали яблоки, персики и абрикосы. То есть фрукты просто так валялись на земле! И в них свиньи рылись! Я смотрю: а они вполне нормальные, можно есть. Подошел, набрал целую сумку. И в этот момент неожиданно выныривают менты:

— Оп-па! Ты что здесь делаешь?!

Я говорю:

— Вот, персики собираю.

А там через каждые сто метров у дороги стоит ведро с теми же самыми персиками, которое стоит — ну, скажем, три рубля. То есть копейки. Менты спрашивают:

— Ты что, не в состоянии купить?

— Так вот же: они просто так лежат! — говорю я. — Зачем покупать?

— Да как же ты их подбираешь, — не могут понять менты, — когда их свиньи топчут? Они же под деревьями валяются!

— Ну, понимаете, — отвечаю. — Вообще-то я художник, поистратился… Такое вот положение…

Видимо, мой интеллигентский вид сыграл свою роль. Менты меня отпустили. Ох, как я тогда потом облился! А Янка все это время спала в кустах и вообще не видела, что происходит.

Вадим Кузьмин (Черный Лукич) — новосибирский музыкант

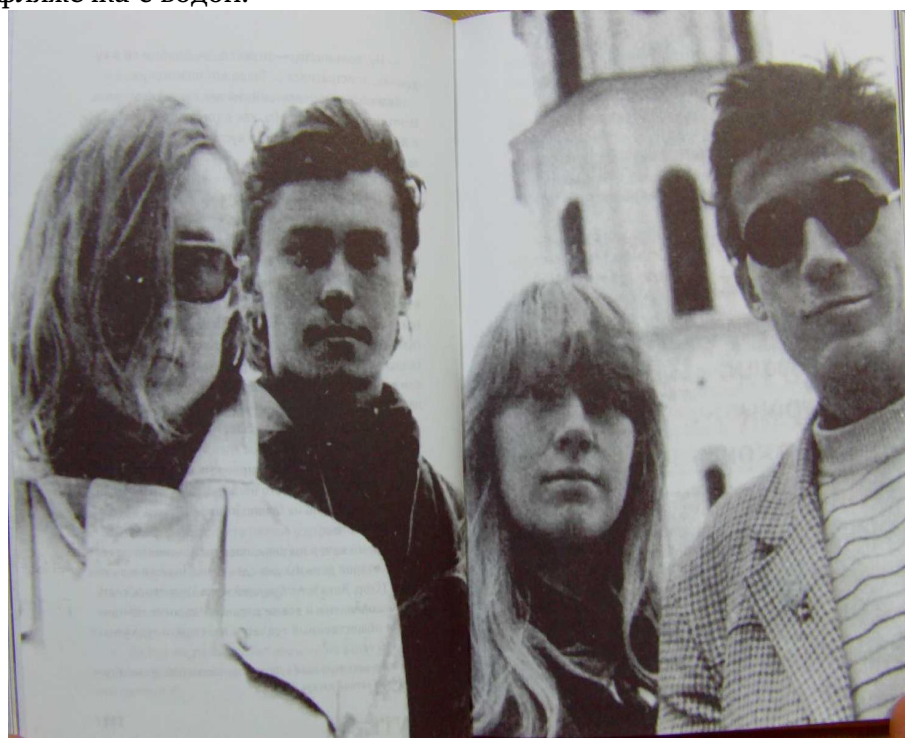
В тот раз мы вшестером поехали автостопом на юга. Ехали из Сибири через Питер, Эстонию, Гаую[7] и Ригу.

Я со своей будущей женой какое-то время еще пожил в Риге. А Егор с Янкой добрались до Москвы и оттуда сразу уехали в Коктебель. А мы никак не могли их догнать. Приезжаем в Киев — нам говорят, что они за несколько дней до нас были. Приезжаем в Коктебель — они только что уехали. Только в Симферополе наконец пересеклись.

Там большой фестиваль был. Ник Рок-н-Ролл приехал, и вся

тусовка. На первое время нас вписали, а потом местная власть стала устраивать репрессии и выяснилось, что жить просто негде. И тогда я вычислил, что ночевать можно на Главпочтампте: он ведь круглосуточно работает.

В первый вечер мы сели, посидели — никто не гонит. На второй день мы уже сдвинули банкетки и вчетвером (Егор, Янка и я с будущей женой) улеглись спать прямо с одеялами и всеми делами. Напротив почтамта был общественный туалет, и мы ходили туда умываться, чистить зубы. Очень культурно: ложимся, Егор на подоконник, как на полочку, очки свои кладет. Рядом фляжечка с водой.



Несколько дней так прожили. А потом девчонки у нас заболели. Все-таки осень, уже прохладно. К вечеру у обеих температура. Ни лекарств, ничего. Мы пришли, стали укладываться, а тут женщина:

— Ребята! Я за вами давно наблюдаю. Давайте-ка выматывайтесь!

А на улице ночь, часов одиннадцать, и главное — дождь льет. И идти больше некуда. Мы и так, и сяк, она ни в какую. Говорит, что милицию вызовет, в райотдел позвонит, и нас заберут.

Я говорю:

— Хотите, я междугородные телефонные переговоры с Новосибирском закажу и всю ночь их ждать буду?

А она уже на принцип пошла: уходите и все. Мы ей

объясняем: девчонки болеют. Куда мы пойдем?

— Вон отсюда! — и все тут.

Спорили-спорили, бесполезно. Я говорю:

— Все, ребята. Уходим отсюда.

На прощание подошел к ней и спросил:

— Вот у вас, женщина, дочь есть?

— Ну, есть.

— Так вот я ей желаю, чтобы, когда она подрастет, с ней бы кто-нибудь обошелся так же, как вы с нашими девочками обращаетесь.

И пошли. Ливень просто ледяной. Через минуту она нас догоняет на улице:

— Что-то я погорячилась…

В общем, нас вернули, и потом мы еще долго *на* этом Главпочтамте жили.

Егор Летов

В конце концов благодаря усилиям моих родителей розыск прекратили и меня оставили в покое. К тому времени страна уже здорово изменилась. Теперь даже газеты писали такое, за что раньше можно было схватить реальный срок. Так что власти стало не до панк-рока. Я смог вернуться домой и начал давать нормальные концерты. Наверное, это было самое плодотворное время.

Марина Кисельникова (Федяй) — петербургская тусовщица

В Новосибирске тогда проходил второй рок-фестиваль. Мы поехали на какую-то квартиру. Народу было довольно много. Все сидят, ждут, всем хочется выпить. Концерт закончился, приходят музыканты. Они открывают гитарные чехлы и чуть ли не упаковками достают оттуда парфюмерию: одеколоны, лосьоны…

Прежде я ничего подобного не видела. А они говорят:

— Спокуха, Федяй! Сейчас мы тебя научим! Это не сложно.

Я оказалась неплохой ученицей. После еще одного концерта в Академгородке собирали все что есть, а потом вывернули карманы, выложили то, что удалось найти, на стол и распределили:

— Ну, девочкам — лосьон, мальчикам — одеколоны!

Потом мы пили уже все, вплоть до стеклоочистителя. Янка так и писала мне: «Приезжай! Напьемся стеклоочистителя!»

Из новосибирской самиздатовской прессы

В самом начале 1989 года в Новосибирске прошел большой панк-фестиваль. В программе был заявлен весь цвет сибирского панка: «Гражданская Оборона», «Путти» и Янка Дягилева со своими «Великими Октябрями».

Сейшн проводился на территории Новосибирского экономического института. Территорию, прилегающую к актовому залу, оккупировали панки. Они сидели или лежали на скамейках, подоконниках, лестничных ступенях и прямо на полу. Группами фланируя по коридорам, они горланили песню «Все Идет По Плану». Прикид их состоял из проклепанных кожанок, цепей, металлических браслетов и ошейников. На руках у каждого были напульсники, прошипованные стомиллиметровыми гвоздями, а рожи размалеваны, как у североамериканских индейцев.

Первой выступала группа «Путти». Зал завелся с пол-оборота. Мэднесс, как всегда, голый по пояс, одетый лишь в бриджи с генеральскими лампасами и перепоясанный пулеметными лентами, не оставлял сомнений — анархия действительно мать порядка.

С перекошенной рожей свирепого дебила он орал в зал:

— Здравствуйте, Рейган!
Здравствуйте, Тэтчер!

Здравствуйте, Мао!
Здравствуйте, Черчилль!
Но я люблю Сергеича!
Я люблю Сергеича!

Я не расслышал, как объявили «Гражданскую Оборону». Как только суперпанки во главе с Егором появились

на сцене, расслышать что бы то ни было стало вообще невозможно. Оглушительный рев, топот, свист, гудение горнов и стук барабанов не стихали до самого конца выступления.

— Я люблю голубые ладони! И железный занавес на красном фоне! — с ненавистью орал Егор и наматывал на себя шнур от микрофона. — Я люблю умирать напоказ, погружаясь по горло в любую грязь!

А зал скандировал:

— Некрофилия! Некрофилия! Моя изнуренная некрофилия!

Зычный голос лидера «Обороны» пронзал насквозь. Толпу мотало из стороны в сторону. Возле сцены бесновалась барнаульская урла.

— Рожденному мертвым пришейте пуговицы вместо глаз! То, что не доделал Мамай, — Октябрь доделал за нас! Партия — ум, честь и совесть эпохи! Ха-Ха! Здорово и вечно!

Когда «Оборона» спела последнюю песню, в зале тут же включили свет, чтобы публика не вздумала надеяться на что-то еще и поскорее очистила помещение. Люди потянулись к выходу, но тут Егор снова выскочил на сцену:

— Я хочу вас предупредить: на улице стоят любера. Думаю, будет махаловка. Поэтому советую всем держаться вместе.

Валера Рожков задумчиво заметил:

— Егору вечно любера мерещатся…

Однако на сей раз опасность действительно была. Еще перед концертом возле актового зала появились жлобы в тренировочных костюмах и с комсомольскими значками на груди. Они ухмылялись и обещали после концерта разобраться.

Известный панк Щепа встал посреди зала, долго топал своими кирзовыми сапогами, чтобы привлечь к себе внимание, а когда толпа наконец замолчала, громко крикнул:

— Хотите добраться до дому своим ходом? Или лучше на «скорой помощи»? Ну тогда не расползайтесь! Собираемся у выхода и дальше идем все толпой!

Юлия Шерстобитова — знакомая Егора Летова

Я окончила художественное училище и поехала в Москву.

Формально, чтобы поступать в институт, а на самом деле — изучать московскую хипповскую жизнь. Проезжая Омск, я позвонила Егору. Трубку взяла Яна. Выяснилось, что они тоже собираются в Москву.

Из Москвы я с тамошними хиппанами уехала в Крым. Янка с Егором тоже туда съездили. Потом мы встретились уже в Питере, на концерте «Поп-Механики». Там играл брат Летова Сергей. Вместе с Егором и Янкой мы съездили в Москву, а потом вернулись назад в Питер и жили у человека по имени Гарик.

Жил он в коммуналке, и его комната напоминала колодец а мебелью служили пластмассовые ящики из-под бутылок. Еще там было драное троллейбусное сиденье и пианино. У Гарика мы пробыли неделю, а потом перебрались к барабанщику группы «Автоматические Удовлетворители» Морозову.

Мотались по Невскому, сходили на концерт группы «Аквариум» во Дворце молодежи, общались с Ником Рок-н-Роллом в кафе «Сайгон» и ходили гулять на кладбище Александро-Невской лавры. У Летова это вообще было любимое место прогулок. Читали надписи на старинных могилах. Веселились.

Из интервью Аркаши — барабанщика «Гражданской Обороны» (1989 год)

— Кто в настоящий момент играет в группе?

— Сейчас нас осталось двое: Летов и я. Игоря Староватова Егор выгнал, а Джефф ушел сам. Поэтому в Питере к нам присоединился Витя Сологуб — басист группы «Странные Игры».

— То есть сейчас у вас основная установка на Питер?

— А на что еще? Мы, наверное, вообще насовсем сюда переедем. В Питере ведь от Рок-клуба почти ничего не осталось. «Кино» обосралось, Гребенщиков помахал всем ручкой и укатил в Штаты. Думаю, что навсегда. Единственные, кто выжили, — «АукцЫон». Так что в Питер группы сегодня переезжают со всей страны…

— А сами-то вы где, кроме Питера, выступаете?

— Два концерта должны были пройти в Симферополе. Поселить нас должны были в пионерском лагере «Артек» вместе с пионерами, но что-то не срослось. Выступали в Доме культуры местной милиции. Причем даже туда пришли гопнички, которые говорили, что лучше нам на сцену не выходить, потому что иначе — все, убой. Не поверишь, но нам даже пришлось вызвать ментов. В зале было шестьсот мест, а набилась тысяча человек. Семьдесят пять кресел сломали, и следующий наш концерт отменили.

— Складывается впечатление, что гопничков становится все

больше. В Сибири куда ни приедешь — везде они. Как с этим в европейской части страны?

— Про Казань, думаю, можно не говорить, да? Когда рокеры туда приезжают, их вообще из гостиницы без сопровождения не отпускают. Гостиница — зал — гостиница — самолет.

— А в других городах?

— Да в общем, кроме Питера, почти везде: появишься на улице с хаером или серьгой — тут тебе и пиздец. Недавно ездили в Харьков на фест «Рок против сталинизма». Так там гопники даже в буфет с пиками пролезли. Еле отвязались от них. Я же говорю: единственное место, где «Гражданская Оборона» может нормально жить, — это Петербург.

Владимир Маво — бывший комсомольский работник

Сам я крымский и могу рассказать, как был организован концерт в Симферополе. Идею предложил их петербургский директор Фирсов, а я сходил и договорился с администрацией Дома культуры милиции на два концерта.

Билеты продали все до единого. Мест в зале не было. Но за два часа до концерта пришли местные панки в тяжелых горнолыжных ботинках и начали вышибать двери ногами. Короче, в зал, который вмещает человек четыреста, набилось полторы тысячи.

Но в то же время помимо панков существовали еще любера —

гопники, которые панков били. Они пришли к продавцам билетов и говорят:

— Все, товарищи! Кранты! Всех на ремни порежем!

Побоище намечалось конкретное. Ну, я, как устроитель, смотрю, где охрана. Стоят два калеки с палочками — и все! Я их спрашиваю:

— А где наряд?

Они отвечают:

— Мы и есть наряд!

Я побежал в отделение милиции.

— Вы знаете, что у вас под боком творится?

— А что?

— Там, в Доме культуры милиции, «Гражданская Оборона» играет!

— Ну и нормально!

— Да вы что, с ума все посходили? Сейчас ТАКОЕ начнется! Снимайте наряды со всего города и давайте всех сюда! Тут сейчас битва будет!

Они не понимают:

— Да какая битва-то?

Мы выбежали из отделения. А там недалеко до Дома культуры — метров тридцать. И видим: вокруг только тучи такие клубятся…

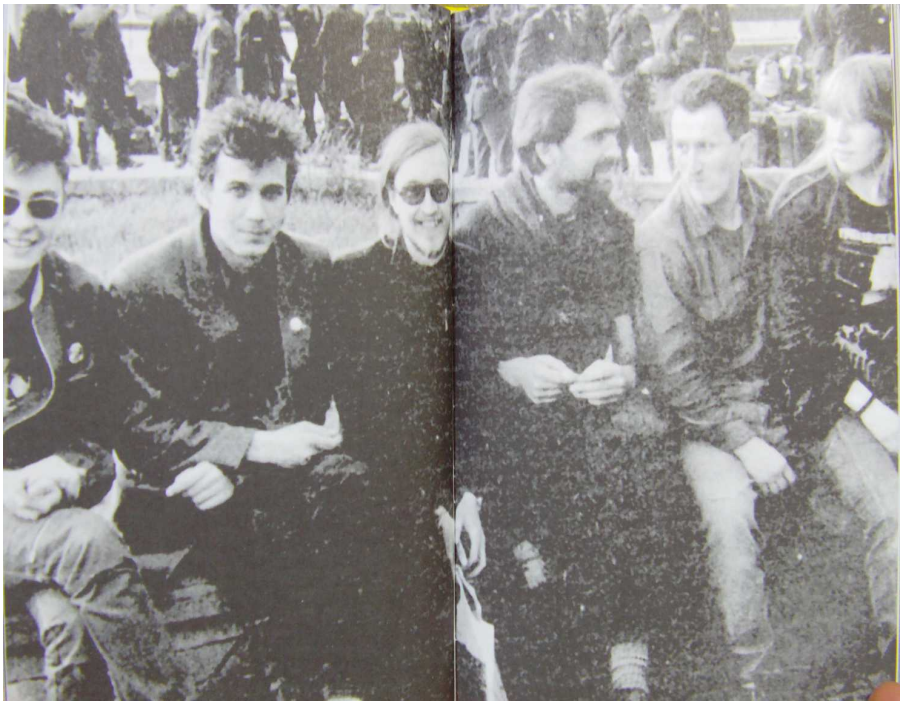
Сергей Фирсов — бывший директор группы «Гражданская Оборона»

У меня, как у директора группы, была довольно жесткая финансовая политика. Деньги всегда должны быть уплачены ДО начала концерта. Типа, утром деньги, вечером стулья. Тогда ведь нормальной практикой было всех динамить и гонорары почти никогда не платились. А я стоял насмерть: пока деньги не уплачены — группа на сцену не выходит.

И тут какой-то человек решил сделать «Обороне» два концерта в Симферополе. Зал был не очень большой, человек на четыреста. Разумеется, набилось битком. Все орут: «„Оборону" давай!» Я говорю:

— Все! Гоните бабки!

И нам заплатили за два концерта сразу. А больше половины концерта мы никогда и не играли. А уж чтобы два концерта подряд — такого вообще ни разу не было. Очень выгодно: получаешь деньги за два концерта, а играешь половину одного — и сматываешься!



Естественно, зрители за полчаса разгромили зал в клочья. Ни одного целого кресла не осталось! Там были такие деревянные шлепающие кресла — ломаются они на раз. Замечательно! Они за полчаса все разгромили, и мы сразу же закончили.

После концерта была еще громадная драка с гопниками. Естественно, когда все кончилось, нажрались все в хлам. Поселили нас в безумном квартале: жуткие мазанки, корявые улочки. Причем прямо посреди города: стоит здание горкома партии, а сразу за ним начинается эта жуть. И мы там жили.

В группе тогда играл барабанщик Аркаша. Он нажрался самый первый. Все еще прыгают, бегают, костры какие-то жгут, а он уже упал. Потом все наконец легли — и вдруг Янкин безумный крик. Все вскакивают. Оказывается, Аркаша встал и, никуда не отходя, начал ссать просто на всех, кто лежал рядом.

Янка оказалась суперженщиной. С ног она его сбила одним ударом, за ногу вытащила во двор, села на него сверху и отхуячила так, что рожа была — сплошной синяк. Джефф еле ее оттащил.

Владимир Маво — бывший комсомольский работник

Фирсов тогда после концерта схватил какую-то бабу и унес к себе. А Аркаше в результате было негде спать. Он лег на полу, а посреди ночи проснулся и обоссал тех, кто спал рядом. Его тогда очень сильно отмудохали. Янка села на него сверху и долго била

затылком об пол, а Джефф хуячил так, что отбил себе ногу и с утра не мог ходить.

Утром Аркаша пытался спрятать синяки за очками, но очки у него были маленькие, а синяки большие.

И синяки торчали из-под очков. После того как Янка его отпиздила, спать она ушла ко мне. Остаток ночи мы провели вместе: лежали рядом и к утру Янка меня провоцировала… по крайней мере, мне кажется, что провоцировала.

Вадим Кузьмин (Черный Лукич) — новосибирский музыкант

Сейчас народ очень пьющий стал. А тогда очень красивое время было. Мало пили, наслаждались творчеством, общением, друг другом. Вокруг все серое, менты, го-пота, на улицу выйти страшно — полный пресс. Но мы держались друг за друга и были счастливы.

Егор и Янка — это такие отцы-основатели сибирского панка. Но когда смотришь на подонков, приходящих сегодня на Егоровские концерты, то трудно поверить: неужели мы были отцами всего этого ужаса?

Мы жили очень бедно. У Егора, конечно, была куча книг и пластинок, но жили действительно бедно. Зато отношения были чистыми. Очень мало бухалось. Достаточно мало курилось. Отношения с девочками — блядства вообще и в помине не было! Это было как коммуна. Как братство. И очень странно, что все это переросло в такое уродство.

7
«Армагеддон-Попс» (Альбом группы «Гражданская Оборона» 1988 год)

Олег Древаль — киевский приятель Егора Летова

— К 1989 году возникло ощущение, что все! Рок-н-ролл победил безоговорочно! «Совок» тогда был смыт волной, а попса еще не успела появиться. И казалось, будто победа полная! Алла Пугачева идет спать, все идут спать, и нация поворачивается к Борису Гребенщикову, «Алисе» и «ДДТ».

Летов в том году приехал со словами:

— Теперь у меня все есть. Не знаю, что дальше… Хочу быть владычицей морскою.

Если уж Питер сдался сибирякам, уж если Летов один заменил собой весь Рок-клуб — действительно куда уж выше? У них вдруг все стало очень определенно, все очень понятно. Егор был на топе, а Янка всерьез говорила, что, может быть, стоит уехать пожить в Европу?

Из интервью Егора Летова (1990 год)

— *«Гражданская Оборона» переехала в Ленинград и теперь даже называется ленинградской, а не сибирской группой. Почему?*

— В Ленинграде есть такой человек — Фирсов. Он предложил нам перебираться, и мы просто согласились. Хотя к ленинградскому року мы по-прежнему не имеем никакого отношения. Просто Ленинград — единственное место в стране, где нам предложили работать.

В Ленинграде к нам отношение не очень хорошее — как и везде. Потому что у них, во-первых, ленинградский национализм, а во-вторых, то, что мы делаем, никак не вписывается в ленинградский рок. Нас приняли в Ленинградский Рок-клуб и оставили в покое. От нас никто ничего не требует — нам даже концертов не устраивают. Меня такое положение устраивает полностью.

Анатолий Соколков (Начальник) — петербургский промоутер

Пришел Фирсов и попросил устроить «Гражданскую Оборону» на работу в Рок-клуб. Я говорю:

— Какие проблемы? Пусть приносят трудовые книжки, мы их

примем.

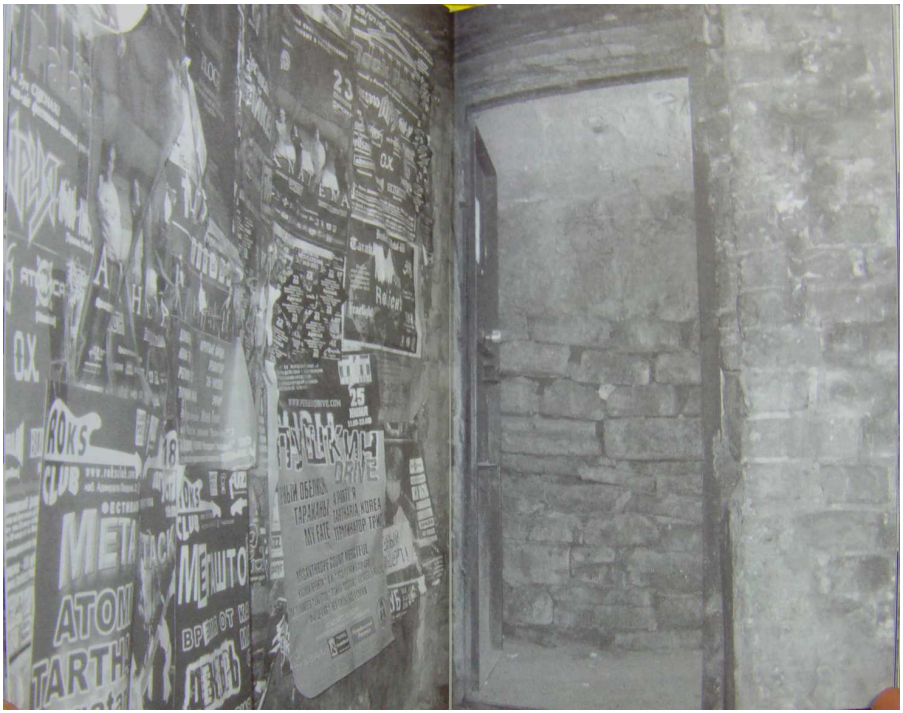
Официально все они стали числиться работниками Рок-клуба. И вскоре мы с Фирсовым устроили «Обороне» первый большой концерт. Дело происходило в зале «Время» в Автово, и вечер получился совершенно бешеный. Там играли «АукцЫон», «Джунгли», «Вопли Видоплясова», «Дурное влияние» — и «Оборона».

На том концерте плакаты всех групп продавались по 50 копеек, и только «Гражданская Оборона» шла по рублю. Набился полный зал панков, которые задницы прямо со сцены показывали. Я смотрю, они в зале уже девку какую-то раздели. Потом давай прыгать со сцены. Сначала мы их сталкивали, а потом плюнули. Охраны-то никакой не было: я и Жора.

Егор Летов

Мы добрались до Ленинграда и стали там жить. Ночевали в каптерке от железнодорожного депо. Тесная душная грязная каморка. Я спал на полу, а Янка на диванчике. Мы старались, как два зверя, помогать друг другу выжить. Потому что было очень тяжело.

Стояла трудная промозглая зима… или осень? В Питере ведь не разберешь. Жили впроголодь, денег не было, жрать нечего, я ходил на рынки, воровал картошку. Все было очень нехорошо. Такая блокадная зима, я шел по улице и думал: вот сейчас на саночках мимо меня повезут трупик.



Я не смеюсь над блокадниками. Просто мне действительно было страшно в этом городе. Антураж был очень тяжелый, под петербургским нависшим небом всем нам было очень нелегко. А Фирсов тогда был еще и директором Башлачева. Он позвонил, пригласил на его квартирник.

Это был один из последних концертов Башлачева, а Янка боготворила Башлачева всю жизнь. Тем более что, извиняюсь за выражение, у них там были какие-то отношения. Она мне все уши прожужжала: Башлачев то, Башлачев сё! Ты — говно, а вот Башлачев!.. Думаю: «Хочу посмотреть на этого парня!»

Мы приходим — стоит толпень на трамвайных рельсах. Ну, как обычно перед квартирником, все собираются на улице. Мы пошли на концерт, и вот он играл-играл, а потом какая-то девушка говорит:

— Спой вот эту песню!

Он посмотрел на нее и отвечает:

— А ты станцуй, вот тогда я и спою!

Меня это до такой степени ударило, что я посидел-по-сидел — да и ушел оттуда вместе с Янкой. То есть сей-час-то я могу его понять. Могу представить себя на его месте. Потому что ты — на грани смерти, а тут какие-то девочки с влюбленными глазами… Но тогда я вышел на улицу и стал орать. Я в то время злоебучий был — дикий просто! Я шел и орал:

— И это тот самый Башлачев, которым ты так долго

восторгалась?! Это и есть твой как бы кумир, что ли?!

Янка была как опущенная. У нас на двоих было 13 копеек. Мы зашли в буфет на Витебском вокзале, и этого как раз хватило на два чая. Я стоял возле столика и продолжал довольно громко орать. А потом смотрю через плечо, а Башлачев стоит через столик от нас и внимательно слушает.

Анатолий Соколков (Начальник) — петербургский промоутер

Фирсов стал директором «Обороны», и дальше у него началась очень веселая жизнь. Например, очень смешно он познакомился с Янкой. Ему кто-то позвонил по телефону и попросил забрать девушек. Фирсов с девушками встретился и опух. У девушек были немытые-нечесаные волосы, они были обкурены в хлам и внятного ответа ни на один вопрос дать не могли. Только повторяли:

— Проклятое панковское прошлое!

Фирсов не понимал, что с ними делать, и привел девушек ко мне.

— Надо их вымыть.

— У меня горячей воды нет.

Они сели на батарею и стали стебаться. Лицо Фирсова нужно было в кино снимать. Только через несколько дней выяснилось, что это и была знаменитая Янка с подружкой.

Елена Филаретова — петербургский филолог

Янка вместе со всеми ребятами стала жить у меня на квартире. Я им, помню, все говорила:

— Девочки! Когда все на работе и комната пустая, спите отдельно. Зачем вам с мужиками в одной комнате спать?

А они:

— Зачем? Нам никакой разницы нет. Мы уже и забыли про какое-то разделение полов.

Как-то мы пошли с Янкой в магазин, а у нее вечером должен был быть квартирник. И она все спрашивала:

— Лена, а мне мыться или не мыться? Может, мне все-таки не мыться?

— Волосы у тебя хоть и нормальные, но ты все же помойся, — говорила я. — Ты же все время в этих свитерах, в толстенной шкуре.

Она постоянно ходила в штанах и толстых шерстяных свитерах. И на всех фотографиях она такая. Вообще, хороших Янкиных фотографий я не видела. Хотя она ведь красивая была: волосы шикарные… кожа, красивый рот…

Владимир Маво — украинский знакомый Егора Летова

Как-то я слышал такой разговор Егора с Джеффом. Дело было ночью, я засыпал, а потом просыпался. А Джефф очень серьезно наезжал на Егора.

— Егор! Ну на хуя ты все это делаешь?

А Егор сидит такой, тупиковый:

— Все! Рок-н-роллу конец! Конец рок-н-роллу!

— А на фига ты все это делаешь? Я тебя люблю, я все время на тебя хотел быть похожим! Я пошел за тобой, пошел по твоему пути, а ты оказался просто приманкой!

А Егор:

— Все! Мертв твой рок-н-ролл!.. Рок-н-ролл мертв!..

Егор Летов

Жизнь была тяжелая, и я к этому привык. Никак иначе и быть не могло. А потом все начало стремительно меняться. Появилась хорошая аппаратура, появились толпы людей. Раньше мы играли для тех, кто понимает, а теперь начались большие площадки. И люди туда приходили совсем другие. Возникло ощущение, что все выруливает в какую-то совсем не ту сторону. И самим себе мы уже не принадлежим.

Самиздатовский журнал «Этажом ниже».

Отчет о московском концерте «Гражданской Обороны» 17 февраля 1990 года

Еще издалека, подъезжая на машине, были видны толпы народу. Перед входом стояли те, у кого не было билета. Пробиться в зал было невозможно, потому что на каждый метр площади приходилось шесть человек. Те, кто стоял снаружи, наконец принялись ломать двери. Сперва вышел директор зала, который сказал, что если все успокоятся и выстроятся в очередь, то пускать станут даже без билетов. А потом появились менты, которые просто скинули толпу вниз с лестницы.

Пока мы пробирались в зал, играла какая-то московская команда, которая никому не запомнилась. К моменту нашего появления в зале на сцену выполз Ник Рок-н-Ролл. Что именно он исполнил, понять не удалось, потому что очень давила музыка. Вдоволь наоравшись, Ник ушел со сцены. Все стали ждать «Оборону».

Ждали минут десять, но каждому терпению приходит конец. На крики вышел директор Дома культуры, который сказал, что если галдеж не прекратится, то никакого концерта не будет. И в этот же момент появилась «Оборона», которая стала подключаться к аппарату.

Перед началом Егор сказал, что это будет его последний концерт. Уже лет пять он постоянно обещает, что каждый его концерт будет последним. Музыканты начали играть, но петь Егор так и не начал, а вместо этого долго просил сделать голос в мониторах погромче. То он выглядел самовлюбленным диктатором, то язвительным пророком, то просто маленьким, тощим человечком.

Через несколько песен на сцене опять появился Ник Рок-н-Ролл, который с разбегу бросил свое тело в толпу. Потом он снова появился над месивом рук, но теперь на нем не хватало части одежды. Янка стояла на сцене рядом с Егором и, обняв его, подпевала на песне «Все Как У Людей».

Потом Янка долго требовала удалить со сцены лишних людей. А иначе она не будет петь. На сцене к этому времени толкалось уже действительно много народу. Часть — фотографы и знакомые музыкантов, а часть просто вылезла, потому что разглядеть хоть что-то из зала было сложно.

Охрану мероприятия осуществляли байкеры из банды «Ночные Волки», под руководством Хирурга. Людей со сцены они удалили быстро и жестко. Все это очень напрягло, и народ начал понемногу из зала утекать. Янка спела три песни, и после нее на сцену опять выбрался Ник.

Он начал что-то петь, но через минуту появился директор Дома культуры, который хлопал Ника по плечу и повторял:

— Ну, хватит, парень!.. Довольно!.. Хватит уже!..

О господи! Откуда только берутся такие придурки?! Толпа скандировала:

— Е-гор! Е-гор!

С директором договорились, что он даст исполнить еще одну песню. Егор вышел и начал петь «Все Идет По Плану». Услышав песню, молодежь из зала толпой полезла на сцену. Все обнялись и стали прыгать, словно танцующие папуасы. Егор отдал микрофон Нику, тот — еще кому-то, и вскоре микрофон добрался до молодого панка, который во весь голос выдал текст такого содержания:

— Шел я мимо Мавзолея,
Из окошка вижу — хуй!
Это мне товарищ Ленин
Шлет воздушный поцелуй!

На этом очередной «последний» концерт Егора Летова все-таки был окончен.

Из интервью Егора Летова (1989 год)

— Каким ты видишь будущее рок-н-ролла?

— У нас? Таким же, как и на Западе. Будут время от времени всплывать из небытия наши отечественные Роки Эриксоны или Нилы Янги. Они станут давать где-нибудь в общаге или крошечном Доме культуры трогательные сейшена для ста человек. После которых будут нажираться водки, купленной у таксистов, размазывать зычные сопли и орать, что рок-н-ролл все-таки жив, или там… «Мы вместе!»

А что толку орать? Все же видят, что происходит. Вот я — везучий человек. Я умудрился застать советский «Вудсток» — последний, отчаянный, чудесный всплеск радости. Я застал праздник и был на него приглашен. Но ведь такого больше не будет. Эпоха сменилась. Дальше люди будут вспоминать и не верить, что это было… мечтать и щупать вечность вялыми руками. Тем, кто идет следом за нами, ничего другого уже не остается.

— А ты какое место во всем этом собираешься занять?

— Никакого! Я не собираюсь во всем этом участвовать. Не желаю и не могу позволить себе такой ублюдочной участи. Мы пойдем иным путем.

— А можно узнать — каким?

— Пока нельзя.

Анатолий Соколков (Начальник) — петербургский промоутер

После этого мы решили сделать Егору концерт на крупнейшей городской площадке — в Большом концертном зале «Октябрьский». Мы все посчитали, со всеми договорились, и выходило, что заработать на этом концерте мы должны были целых четыре миллиона советских рублей.

Я не знаю, чего бы потом осталось от «Октябрьского». Но в тот момент мы бы точно собрали его под завязку. Уже спустя год пошел спад, и такой большой зал собрать бы не удалось. Но тогда, если бы все вышло, это был бы Концерт Века! Правда, в последний момент знакомые московские музыкальные критики внушили Летову, что Питер — это попса. Что все мы тут коммерсанты и планируем нажить на нем миллионы. Ну, и Летов отказался.

А жаль. Все было на мази. Мы с Жориком уже рассчитывали, что сразу после концерта, когда расчеты будут проведены, уедем на полгодика отлежаться в Данию.

Из интервью Егора Летова (1990 год)

— Ты перестал работать с Янкой. Уже довольно долго ты обещаешь, что распустишь группу. В чем причина? Что именно тебя не устраивает?

— Знаешь, если ты делаешь что-то настоящее… смелое, честное и яркое… тебя обязательно попытаются схватить и схавать. И неизбежно схавают. И святыню твою обосрут. А единственный способ не дать себя сожрать — это никогда не останавливаться. Всегда задирать планку еще выше и скакать.

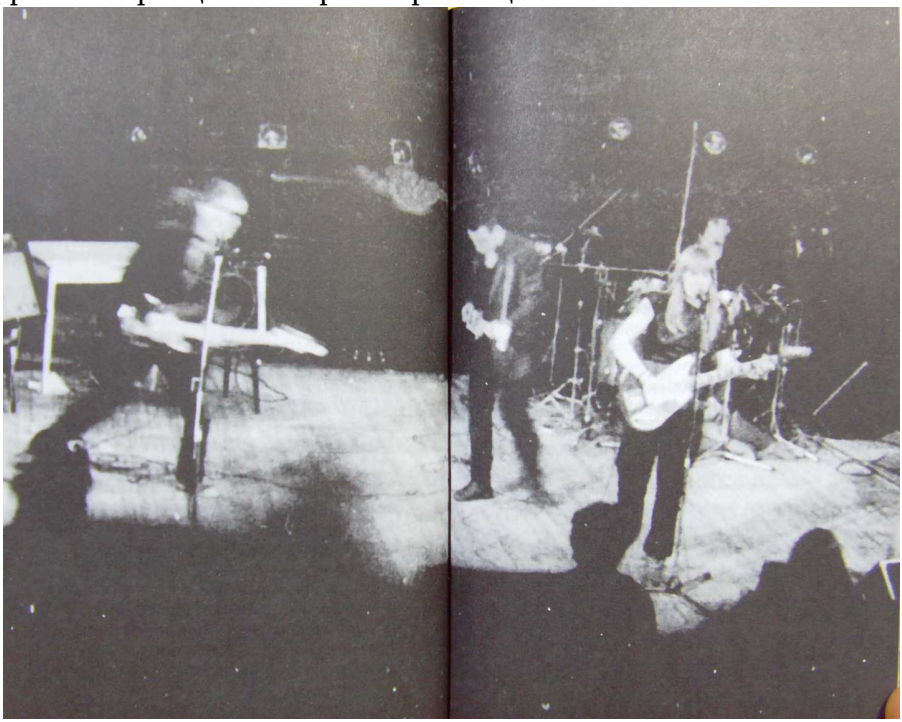
Если ты ежесекундно не гадишь на всех фронтах, тебя неизбежно сделают частью придворного попса, жадной массовой развлекухи. На тебя разевают рот, а ты совершаешь еще один отчаянный, безобразный и безнадежный скачок. Чтобы переварить его, массам требуется какое-то время. А ты пока готовишься прыгнуть еще дальше, еще запредельнее. Иначе точно сожрут.

С Янкой сейчас происходит именно это. Социум ее заживо пожирает, и она уже безвозвратно, как мне кажется, упустила время. Делать что бы то ни было в ее ситуации поздно. И мои бывшие согруппники (соГрОбники), судя по всему, тоже идут этой дорогой. Все они теперь находятся для меня в противоположном лагере.

— А в чем именно это проявляется?

— Они позволяют черни лепить из себя сладкозвучный, угодный ей миф. Приятного аппетита! Я прекрасно понимаю, что происходит с моими бывшими соратниками, потому что сам

висел на волоске. Несколько лет назад меня чуть не сожрали. Но я все-та-ки успел выскочить из ловушки. А они… не знаю. Понятно, не каждый может позволить себе наплевать в рожи своим почитателям. Особенно если эти почитатели — всякие Артемии Троицкие и Борисы Гребенщиковы.



— И что теперь?

— За последний год я совершил ряд крайне важных для меня действий. Я прекратил сотрудничество с Янкой, подготовил роспуск проекта, именуемого «Гражданской Обороной», и не собираюсь останавливаться! Путь вперед это всегда отталкивание, отрицание, отказ.

Прощайте! Я, ничтожный, не хочу и не могу себе позволить быть пойманным в ловушку чавкающего бытия.

Летов переходит в глухую оборону
(Газета «Московский комсомолец», весна 1990 года)

Скандально известный панк Летов прекращает концертную деятельность. Группа «Гражданская Оборона» распущена.

После прощальных гастролей в Таллине, завершившихся 13 апреля, Егор Летов, лидер самой скандальной отечественной панк-группы «Гражданская Оборона», объявил о том, что приостанавливает деятельность коллектива и возвращается в родной Омск. В своем заявлении Летов так объяснил причины решения:

— «Гражданской Обороной» торгуют наравне с попсой: в музыкальных магазинах наши альбомы стоят промеж записей группы «Кино» и композитора Вячеслава Добрынина… Мы вернемся в Омск и дальше будем работать в студии, без широкого разглашения наших магнитоальбомов. Мы переключаемся на то, что нужно только нам и нашим ближайшим друзьям…

Егор Летов

Я распустил группу и вдруг как будто вернулся к тому, с чего начинал несколько лет назад. Я опять ни от кого не зависел и мог в любой момент умереть! Ощущения успели забыться, но теперь вернулись, — и ничего прекраснее я давно не испытывал!

На Новый год я нарядил пушистую, роскошную елку. С кучей фонариков и игрушек. Непонятно было для кого это, но я все равно нарядил. Посмотрел на нее: какая красота! И вот я сидел один, смотрел на эту елку. Потом сделал салатик, курицу, что-то еще. Разложил, а потом (уже совсем ночью) пошел куда глаза глядят.

Было полнолуние. Я пошел в лес и дико там напился. Один, в лесу, среди этого полнолуния. Просто кошмарно напился и даже не знаю, как вернулся домой. А наутро проснулся: лежу на полу, в сапогах, шубе и шапке. А рядом сидит мой котик Митя и с удивлением на меня смотрит — глаза в кучу.

8
«Ангедония»
(Альбом Янки Дягилевой. 1989 год)

Юлия Шерстобитова — знакомая Егора Летова

Я приехала в Омск на три дня раньше Янки и потом вместе с Егором встречала ее на вокзале. Она была в смешной маминой шубе из искусственного меха, и у нее были грустные глаза. Мы приехали к Егору и стали жить втроем. Это было довольно интересно.

По ночам, пока Егор спал, мы с Янкой сидели на кухне, читали друг другу свои стихи, варили пельмени и пили чай. Янка много курила, а я ее слушала. Мы вели исключительно ночной образ жизни и потом спали до обеда. Самое удивительное, что мама Егора воспринимала это нормально. Она даже писала нам записочки: «Девочки! Ешьте жаркое в горшочках…» Янку мама считала единственной подходящей партией для сына.

Впрочем, долго такая жизнь продолжаться не могла. Третий все-таки был лишний. Доходило до того, что Янку я просто ненавидела. А Егор, похоже, ненавидел нас обеих. Сохранить теплые отношения при таком совместном проживании было трудно. В конце концов мы так настроили против себя Егора, что он перестал с нами разговаривать.

Он считал, что мы за спиной говорим про него гадости, перемываем ему кости, выносим сор из избы. Так в общем-то и было… хотя Егор, как обычно, все преувеличивал. Кончилось тем, что Янка рыдала у него на плече и он нас простил. Мне он подарил плюшевого зайца, а ей — плюшевого мишку в знак примирения.

Сергей Фирсов — бывший директор «Гражданской Обороны»

История-то, в общем, понятная. Летов встретил Янку, проникся и сделал из нее как бы звезду. На свой лад, конечно, сделал, как умел. Два-три года, и она стала звездой. То есть она привыкла к определенной, очень интенсивной жизни. Она успела врасти в эту жизнь — и вдруг все кончилось. Пришел момент, когда ее все бросили.

Я не знаю, что именно произошло. Может быть, они разосрались. Может, еще что-то. Но в результате она осталась одна. Ведь, как теперь выясняется, никто из «оборонщиков» ее последние несколько месяцев вообще не видел. Она жила одна, и

никого не было рядом. А раньше они непрерывно жили вместе, коммуной. Годами не расставались, вместе по городам ездили. А тут — совсем одна. И у нее не выдержала психика.

Валерий Рожков — новосибирский музыкант

Нюрыч мне докладывала:

— Блин! Я к ней домой захожу, а она сидит, свечи зажгла, воркует.

— И что?

— Поминки по себе справляет!

— Ебнулась, что ли? Какие поминки?

Нюрыч ее спрашивала, что случилось, а Янка отвечала, что он ее не любит.

Антон Буданов — новосибирский музыкант

Плюс, конечно, наркотики. Добрый Егорка научил всему, что знал сам. А наркотики нужно употреблять, когда у тебя все хорошо. А в тяжелый период жизни употреблять нельзя, еще хуже станет.

Мужики все проще переживали. Тот же Коля Рок-н-Ролл: с утра водяры залил — и все нормально. Ему после спецпсихушки вообще ничего не страшно. Не повесится и не утопится. А она была всего лишь девушкой из Академгородка с ангельским голосочком. Несмотря на весь свой мат, несмотря на мужа-Летова, она воспринималась как барышня, закончившая Смольный.

Если наркотиками пытаться заглушить свои проблемы, ты получишь суицид. Как, кстати, вышло у скрипача, пианиста и аранжировщика группы «Идея Фикс». Аккурат 22 июня залез в петлю.

Анатолий Соколков (Начальник) — петербургский промоутер

Период, когда их отношения резко испортились, был очень сложным. И для Янки, и для людей, которые были рядом с ней. Отношения с Егором стали действительно тяжелыми. Когда она была близко, он гнал ее от себя. А стоило ей оторваться, опять тянул к себе. И это постоянное качание — большой надлом для психики.

Из Новосибирска и Омска она приезжала очень погашенная. Самостоятельно делать он ей ничего не давал, а делать что-то с

ним вместе у нее больше не получалось. Тупиковая ситуация. Очень плохо тогда все было.

Они жили в Омске, а потом он ее просто выгнал. Она приехала в Петербург и говорит:

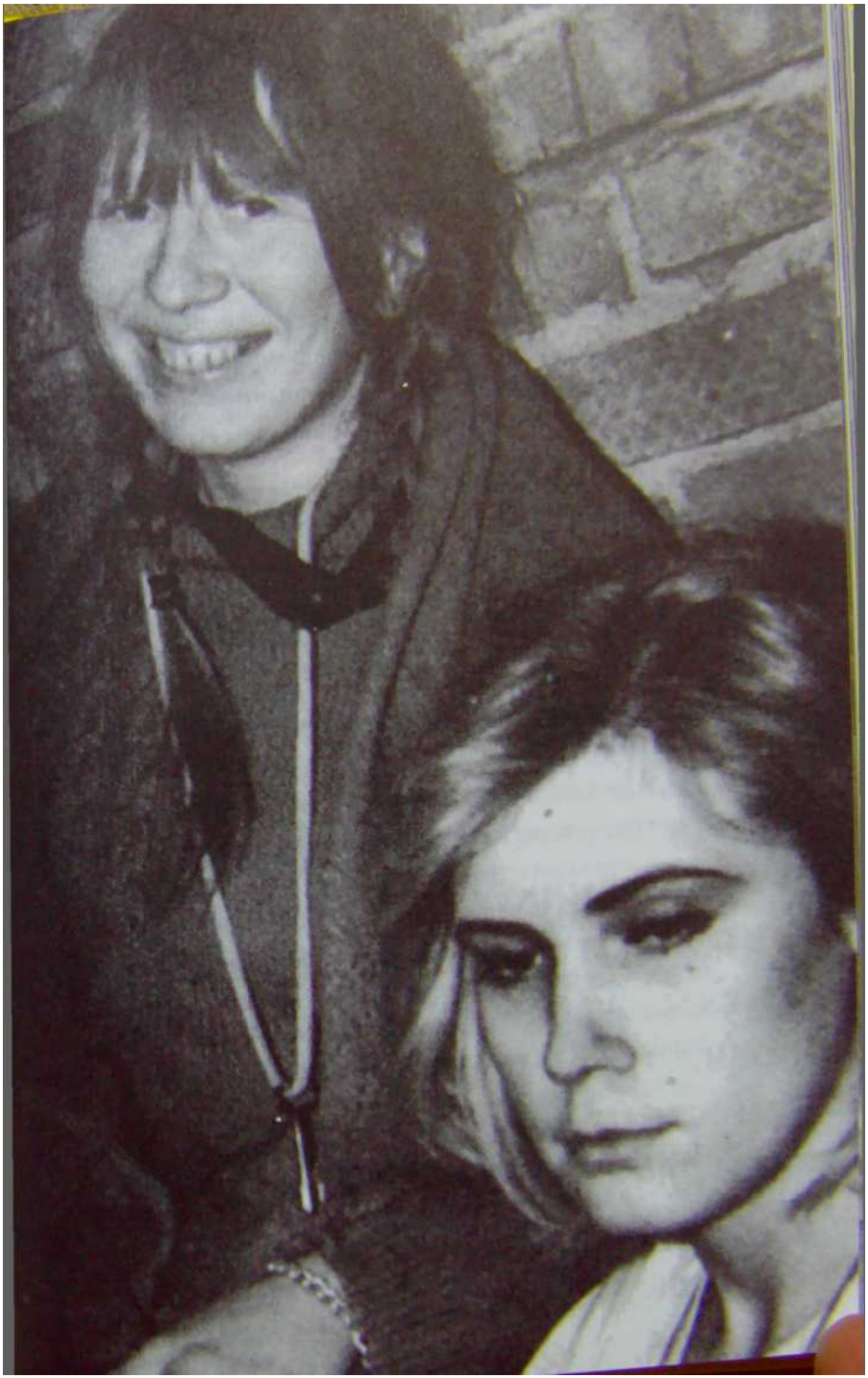
— Ребята, я просто не знаю, что делать.

Фирик говорит:

— Давай мы тебе соберем команду! Начнем репетировать, будешь выступать. Какие проблемы?

Начали этим заниматься, ровно через две недели звонок. Летов такие истерики по телефону устраивал — Серега трубку брать боялся! И она уехала обратно.

Так было постоянно — ни себе ни людям.



Олег Древаль — киевский приятель Егора Летова

Из него перло такое серое, жижистое и агрессивное. Он знает, КАК писать, он знает, ЧТО писать, у НЕГО дома аппарат. Это — концепция. Кто не понимает, идет гулять. Кто не согласен, тоже

идет гулять.

Раньше его агрессия была направлена вовне. А на этом этапе она уже перешла внутрь тусовки. Всем были розданы ярлыки, и Янка попадала в жесткую зависимость. Прежде их отношения были романтические. Егор рассказывал: «Мы с Янкой легли в постель. Ну, я лежу. И в самый разгар вдруг ей говорю:

— Слушай, а питерская команда АВИА — ой какая классная!

А Янка обиделась, отстранилась от меня и к стене отвернулась…» Теперь все это вошло в фазу: я сейчас тебе скажу, как надо, и ты это сделаешь!

Из интервью Егора Летова (1991 год)

— А ты не боишься, что надо всем, что ты пытаешься донести, люди станут просто смеяться?

— Да пусть посмеются! Я-то знаю, что за этим смехом и издевательствами скрывается страх! Они ведь боятся! Боятся до патологии. На самом деле они все понимают. И им не смешно. Им страшно. И до рвоты завидно. Ни один католик не позволит себе быть Христом. А я вот открыто заявляю, что внутренне я — как возносящийся Христос на картине Грюневальда!

— Даже так?

— Даже и не так! Я тебе прямо заявляю: все, что я здесь сейчас тебе говорю, это есть не более и не менее, как пятое и единственное верное и священное Евангелие! Да и вообще — Книга Бытия Всех Времен и Народов! Себя же я причисляю к лику святых. Как поется в песне Кузи Уо: и отныне вам жить подобает по образу и подобию моему! Позволяю себе все. Нету ничего, что я не могу себе позволить: от Вечного и святейшего бытия до сырого и кислого небытия. Только от меня самого зависит, кем тебе быть…

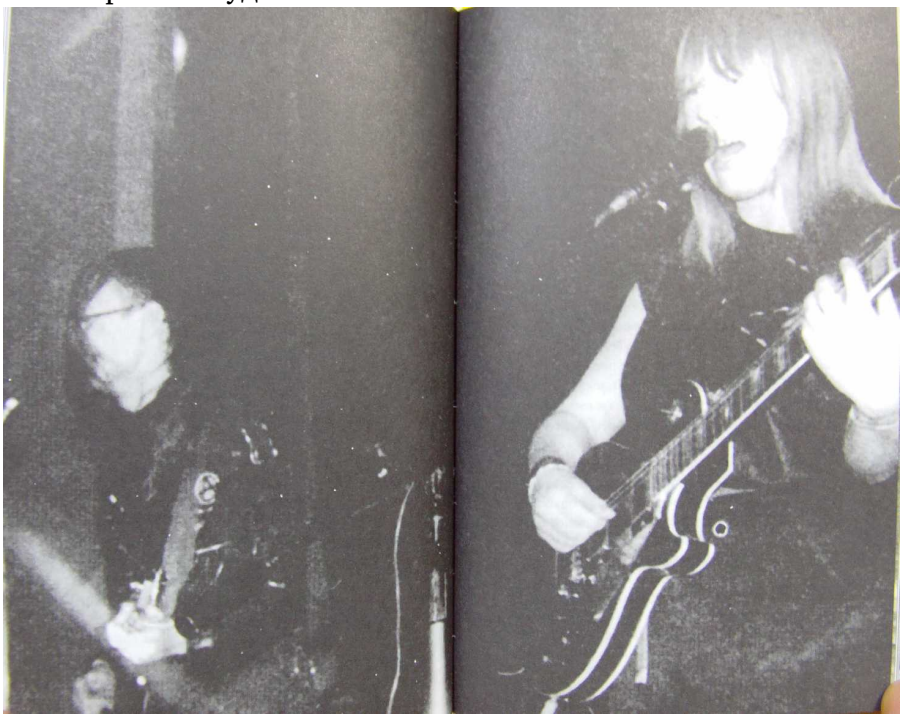
Алексей Коблов — рок-н-ролльный журналист

У Янки была ближайшая подружка Нюрыч, которая потом вышла замуж за Егора. Она ведь тоже баба, ей тоже было непросто. Можно сказать, что нюрычевский роман с Егором, который потом перетек в женитьбу, он как раз и начался на поминках у Янки. А до этого все было ой как сложно.

Янка скорее всего любила Егора до конца жизни. Она же женщина. Ей хотелось просто спокойствия. Какого-то человека рядом. Не помню, как звали того человека, который был с Янкой в последний период ее жизни. Кажется, Сергей. Парень чуть с ума не сошел от того, что его любовь — сама Янка Дягилева! Но и он в определенный момент не смог удержать ее за руку.

Егор Летов

Она жила собственной жизнью. Ей меня не надо было. Иногда мы с ней встречались, но в основном я ее не видел — только слышал разные чудеса.



У нее в последнее время был человек… Я не буду говорить кто. Она любила его, да и я его давно знаю. Тем более что с говном она бы жить и не стала. И у меня никакой ревности к нему быть не может. Она с ним жила совершенно открыто, и я знал об этом. Я тоже жил своей жизнью, мы виделись время от времени, но я в тот момент писал «Сто Лет Одиночества», и мне было не до того. Я и забыл про нее…

Станислав Иванович Дягилев — отец Янки

Был у нее парень, его в армию призвали. Короче, он ее обманул просто-напросто. Тоже житель центра. Его отец, как потом выяснилось, работал у нас на заводе. Надо было резко поговорить и с отцом, и с парнем, но я не смог. Наверное, воспитание подвело. А то, что он ее обманул, это факт.

Несчастная любовь, она так переживала! Ни разу я слез у нее не видел. Всегда все в себе переживала. А тут — плакала.

Потом был еще такой Дима Митрохин. Даже собирались пожениться. Я начал суетиться, бегать, искать, где все это дело справить. Договорился с рестораном, есть такой на проспекте Ленина, сейчас там клуб «Вавилон». Но встал вопрос: где жить?

Дима живет на Шлюзах, а у нас тут жить невозможно… в общем, развалилось все. И она окончательно ушла к Летову.

Не выходило у нее это женское счастье. Хотя детей Янка очень любила. Уже потом, когда у нее появился Сергей Литаврин, мы ей как-то сказали:

— А что, Янка, парень-то вроде хороший. Может, свадьбу справим?

— Хватит. Уже раз справили.

Вадим Кузьмин (Черный Лукич) — новосибирский журналист

Когда говорят, что до суицида Янку довел Егор, я всегда вспоминаю… Это было еще до того, как они с Егором познакомились… Тогда у нее были не то что депрессии, а я бы даже назвал это каким-то более страшным словом.

Я тогда впервые увидел, что значит «ангедония» — полное отсутствие радости. И это длилось днями и неделями. Без минутного просвета. А поскольку она все-таки девчонка, причем не самая крепкая, то она без конца ныла. И это было невыносимо. Были моменты, когда это даже меня доставало.

Станислав Иванович Дягилев — отец Янки

У нас же в семье трагедия: у Янки мама умерла. Шесть лет мы боролись за ее жизнь, но это онкология — бич всех женщин.

Об ее диагнозе мне сразу сказали. Я приехал в больницу, и меня этим сразу пригвоздили. Сперва мне плохо стало, а потом я взял себя в руки. Ну что ж? Надо жить. Надо бороться. От операции Янкина мама отказалась. Двум ее подружкам сделали операции, и обе они почти сразу умерли. Так что она решила: «Сколько проживу, столько и проживу».

Лечиться она стала у одного деда, травника. У него был частный домик, где он принимал. Знаменитый в Новосибирске был дед. Легенда! Но у нас ведь смотрят не на хорошее, а на плохое. Его потом завистники сожгли вместе с домиком. Прямо живьем и сгорел.

Естественно, Янке все это время я уделял меньше внимания, чем хотелось. Ситуация была стандартная: я знал, что мама умирает, и ничего не говорил. И она знала, но тоже молчала. Так шесть лет в кошки-мышки и играли.

Олег Древаль — киевский приятель Егора Летова

Видел я Янкин дом и Янкиного отца. Это частный сектор, развалюха в полдома, проходная кухня семь метров и комната — двенадцать. Маленький, согнутый, потерявший жену, когда Янке

было пятнадцать лет, не получивший новую квартиру, весь в проблемах. Все, что он мог сказать:

— Ну, давай, Яна… Уж как-нибудь… Пусть тебе хорошо будет…

Нависшая пустота, собака-дворняжка, кошка, печка, холод, ледяной дабл… Это был не дом, а склеп, склепи-ще. Ничем, кроме смерти матери, там и не пахло. Папа умер вместе с мамой и к жизни не имел никакого отношения. Тем более — ни к каким книгам, ни к какой культуре. Получить по талонам масло, получить по талонам водку и поменять ее на масло, — больше он ничего не мог.

Станислав Иванович Дягилев — отец Янки

Вы на кладбище-то были? Видели, мальчик слева от Янки похоронен? А знаете, кто это?

Это сводный брат Янки — сын моей супруги Аллы Викторовны. Звали его Сережа. Славный парень был! Высокий, плечи вот такие, занимался восточными единоборствами и буддизмом. В Японию ездил. Поясок оттуда привез.

Алла Викторовна — женщина прямолинейная. Она сразу сказала: они друг друга стоят! Сережа познакомился с Янкой на дне рождения. Он с ней куда-то пошел, долго проговорили, обсуждали, насколько я знаю, Кастанеду. Потом он матери сказал:

— Какая девочка! Вот бы с кем, взявшись за руки, идти дальше!

У него к тому времени за плечами было два неудачных брака. Но с Янкой он сразу нашел взаимопонимание. И где-то в это время он решил устроиться на теплоход поваром. Начал

проходить медкомиссию, и у него нашли небольшое воспаление простаты. Господи! Делов-то! В любого ткни — у каждого третьего мужчины такая напасть. А он закомплексовал.

Одна из его подружек работала медсестрой в больнице, которую у нас называют «НКВД»: Новосибирский кожно-венерологический диспансер. Она устроила его туда на неделю, чтобы проделать курс инъекций. А дело в том, что лекарство обладало эпилептическим эффектом. Пока его принимаешь, нужно лежать в постели и вообще не вставать. Потому что в таком состоянии человек находится на грани сумасшествия.

Думаю, они что-то напутали с дозировкой. Ему стало плохо, он пожаловался врачам. Раз пожаловался — помощи не оказывают, два — никакой реакции. А больница находилась недалеко от дома. И он в акробатическом прыжке вынес две оконные рамы в процедурном кабинете и попытался сбежать. В полете он, естественно, весь изрезался стеклом… потерял массу крови…

Время было позднее, и он попробовал звонить какой-то подружке, чтобы его спасли. Но подружки хороши, когда у тебя все хорошо. А тут он переполз только через дорогу и упал. С утра его подобрала милиция, но было уже поздно. Прибегает к нам девочка из больницы и вываливает:

— Ваш сын умер!

Янка узнала об этом, и, конечно, это сильно на нее подействовало. Потом уже, когда я стал разбирать ее бумаги, на одной было написано: «Я принесла смерть!..»

Сергей Глазатов (Джекл) — член новосибирской рок-н-роллльной тусовки

Янка была не из тех, кто продолжает род, а из тех, кто этот род ОПРАВДЫВАЕТ. Есть люди, для которых главный вопрос: «Как бы прожить?». А есть те, для кого главный вопрос: «Зачем вообще жить?». И когда этот вопрос становится неразрешимым, эти люди просто умирают.

Марина Кисельникова (Федяй) — петербургская тусовщица

У меня осталось ее последнее письмо. Отправлено за два месяца до того, как все произошло:

Дорогой Федяй! Я поздравляю тебя с весной. Какая она замечательная! Я тебе желаю всего-всего-всего. Чтобы ты не болела, чтобы берегла себя, чтобы любила своих друзей, чтобы чувствовала себя хорошо, никогда не думала о плохом. И не умирай

ни в коем случае. Не знаю, что тебе еще написать, потому что слов не очень много.

Любящий тебя Яныч

Валерий Рожков — новосибирский музыкант

Первого мая мы собирались поехать на шашлыки. Нюркина подружка приехала из Англии, Эльдар зашел. Но потом Серега Литаврин не поехал, и Янка говорит:

— Сереги нет? Ну и я не поеду!

Мы уехали на Обское море. Классно погуляли, и тут Янкин отец звонит. А до этого у Аллы Викторовны, с которой он жил, сын погиб. У него в больнице поехала крыша, он выпрыгнул из окна, изрезался и истек кровью между гаражами. Ну и после похорон отец Янку чуть ли не насильно на дачу вытащил. Там была эта Алла Викторовна и подружка погибшего сына, уже беременная. У нее, кстати, потом выкидыш случился.

Ну, и как мне потом рассказывали, Янка там начала орать, что это она во всем виновата. У нее чуть что — я виновата! Она считала, что у всех, кто рядом с ней, обязательно горе происходит. А избушка была маленькая, ночевать негде, вчетвером им там было не поместиться. Янка психанула, хлопнула дверью и ушла.

Станислав Иванович Дягилев — отец Янки

На дачу мы ее отвезли, чтобы как-то отвлечься. Май — работы на даче много. Мы ведь люди небогатые, своим огородом и живем. Поэтому отдачи ни при каких обстоятельствах не откажемся. Для нас это спасение. Нам потом советовали: смените место. Продайте дачку, купите другую. Да дачка-то неказистая, никаких денег за нее не дадут. Плохо то, что каждый раз эта дачка нам обо всем напоминает. Я уж на что любитель у воды посидеть, так и то на речку ходить давно перестал. Не могу видеть эту воду…

Короче говоря, легли мы в тот раз спать. А она вышла на улицу покурить. Дело было 9 Мая — праздники, День Победы. А с нами была подружка погибшего Сережи. Она воет и плачет, воет и плачет. Мы все были тогда не в себе после его смерти.

Сперва Янка ушла часов в шесть. Мы собирались перекусить, и я пошел ее искать. У нас там лесополоса, березки растут. Она сидела на пеньке, курила, небо рассматривала. Я говорю:

— Пойдем, мы тебя потеряли.

Мы вернулись, а этот вой все продолжается. Я уже этой девчонке говорю:

— Ну, хватит! Действует уже!

И вот Янка исчезает второй раз. Я опять пошел туда же — нет ее. Туда, сюда — оббегал весь лес. Думал, может, вернулась? Пошел назад — нет ее. С Аллой Викторовной пошли, а уже темно. В общем, кружили мы до двух часов ночи. Осталось одно предположение, что уехала. А что еще было думать?

Первой электричкой, в полшестого, я уезжаю в город. Прихожу: щеколда на двери как была замотана, так и осталась. Я начал уже по-настоящему беспокоиться. Обзвонил ребят, пришел Сережа Литаврин, мы с ним сели, подумали.

— Я съезжу еще в пару мест, — сказал он. — Если и там нет, то не знаю…

Два дня прошло в поисках. Мы уже и в Москву звонили. Понятно, что, никому не сказав, уехать туда она не могла, но вдруг чудо? Нигде нет. На третий день подали заявление в милицию: раньше не принимают.

Сперва ничего не происходило, а через несколько дней из Министерства внутренних дел приходит большой нагоняй нашей милиции. Есть заявка на розыск? Есть? И почему до сих пор не нашли? Видимо, кто-то из ребят в Москве что-то предпринял. Ну и все! На девятый день Янка нашлась.

Ко мне приехал капитан милиции. Меня посадили в «газик» и отвезли в сельский райотдел. Начальника отдела не было, мне сказали подождать. Сижу, жду. Где-то через час слышу: вроде заурчала тяжелая машина типа самосвала. Выглянули — точно, самосвал. Самосвал привез Янку.

Валерий Рожков — новосибирский музыкант

После праздников я уехал в командировку в Иркутск. Оттуда позвонил Литаврину на работу:

— Ну что?

— Ни слуху ни духу!

— Вы что, смеетесь? Может, она уехала куда?

Литаврин до этого трое суток по лесам бегал. Он

же таежник: когда лед на Оби станет, он на лыжах ходил, да и сейчас ходит. У него крыша совсем съехала.

— Все! — говорит. — Она точно что-то с собой сделала.

Я уже приехал из командировки, зашел к Янкино-му отцу. Мы сидим — вдруг стук в окно.

— Вам кого?

— Литаврина.

Серега ушел, мы переглянулись, типа, что такое? Ну, а часа через два Серега прибегает, уже радостный:

— Она!

Я говорю:

— Хули ты такой веселый? Правда, что ли?

— Точно она! Я опознал!

— А веселиться-то чего?

— Да, как камень с души упал.

Он же эти полторы недели был как помешанный. Потом рассказывал:

— Шесть дней тело на жаре пролежало. Только по одежде и опознали.

Следователь нам сразу сказал: у нее голова пробита. Будто по голове кирпичом ударили. Но написали, что самоубийство, хотя в реке Ине, где она утонула, утопиться сложно. Там и воды-то по пояс. Но копать никто не стал. Серега опознал — дело закрыто.

Ушла Янка

Вчера в 9 часов утра в притоке Оби реке Ине рыбаками было обнаружено тело Яны Дягилевой, поэта, певицы, рок-барда из Новосибирска.

9 мая Янка с родственниками была на даче. Ушла погулять и не вернулась. Ждали, надеялись — в последнее время Янка была печальна и неуравновешена: может быть, куда-то уехала, вернется?

В милицию сообщили только в понедельник, тринадцатого. Поиски результатов не дали — только вчера...

Как сообщил по телефону начальник Новосибирского ГУВД полковник Коржиков, опознание неопровержимо подтвердило личность погибшей. Судмедэкспертиза еще предстоит, но, по предварительным данным, признаков насильственной смерти нет. «Это - или несчастный случай, или самоубийство,—считают в милиции.

Янка не записала ни одной пластинки, не выступала по телевизору, но была известна ценителям рок-музыки всей страны. Наша газета писала о ней 23 сентября прошлого года. Ни одной фотографии в редакции нет.

Нам, видимо, еще предстоит осознать, кого мы потеряли...

О. ПШЕНИЧНЫЙ.

Станислав Иванович Дягилев — отец Янки

Рыбак около одного из садоводческих хозяйств рыбачил и увидел. Странно, что ее отнесло километров на сорок и нигде не

зацепило. Он увидел, позвонил, так и нашли.

Я читал заключение экспертизы: три страницы мелким почерком. Был окрик из Москвы, и проверили все очень тщательно. Нам-то многое думалось… Все-таки 9 Мая… праздник, пьяных много… Может, мерзавцы какие изнасиловали и все такое. Но нет. И этот момент отражен: никаких следов насилия нет.

Сын Аллы Викторовны ушел 23 апреля, а Янка — 9 мая. Мы их рядом и похоронили. Сначала не хотели рядом, а потом подумали: нам ведь удобнее ходить будет в одно место. Мы с Аллой Викторовной остались и без детей, и без внуков. Вот что самое страшное.

Место на кладбище нам дали не очень опрятное. Директор кладбища — чеченец. Уж как мы его уговаривали:

— Ну дай ты место поприличнее! Девочка-то известная! К ней ведь ходить будут! Ну что ж ты в болото загнал?!

Не дал. Сказал, что нет места. Хорошо еще, что мы с Аллой Викторовной напряглись и оградку поставили. А то к Янке там уже стали бездомных подхоранивать.

Алексей Коблов — рок-н-ролльный журналист

Поминки Янки проходили как митинг. Какие-то люди подходили взять автограф у Летова прямо возле еще не засыпанной могилы. Выглядело все это так, что Гурьев с Кувырдиным просто ушли с похорон.

Были пляски до упаду, прослушивание песни «Rosie Won't You Please Come Home», водка, наркотики — и бедный папа, который все это наблюдал. Егор сказал, что все это правильно! Что так и надо! На поминках он орал, что Янкина смерть — жизнеутверждающая!

Анна Волкова (Нюрыч) — подружка Янки, жена Егора

Странная история после всего этого произошла с Ольгой Глушковой. Она рассказывала, что вскоре, после того как Янка умерла, ей приснился сон. Приходит к ней Янка и говорит:

— Слушай, там так классно! Хочешь, покажу?

И вроде как за ней дверь. А из двери — яркий-яркий свет. У Ольги тогда была семья, маленький ребенок, три года. Она испугалась:

— Нет-нет! Не хочу!

Не пошла, короче. А где-то через несколько лет они с мужем поехали на Капри. Впервые по деньгам у них что-то получилось. Только-только что-то начало склеиваться — и прямо там она заболела. Анафилактический шок — и все. И не спасли.

Я вот все думаю: может, ей просто стало интересно, что там?

Часть 3
ЮРА ХОЙ (1990–1994)

9
«Колхозный панк» (Альбом группы «Сектор Газа». 1989 год)

Из интервью музыкального критика Артемия Троицкого

— Как вы относитесь к творчеству Егора Летова?

— Я без малейшей симпатии отношусь к личности Егора Летова, которого считаю позером, мизантропом, параноиком и вообще малоприятным типом. Я уже не говорю про какие-то его там фашистско-шовинистические симпатии…

Что касается творчества группы «Гражданская Оборона», то оно не без интересных моментов. Правда, их последний альбом, который называется, по-моему, «Долгая и счастливая жизнь», у меня уже давно лежит, но руки до него до сих пор не дошли. Если б послушал эту пластинку, то мог бы сказать что-то более определенное. В любом случае я не разделяю восторгов, которые некоторые мои приятели из числа музыкальных критиков питают по поводу Егора Летова и «Гражданской Обороны». По мне, так этой группы могло бы и не быть. Она не сделала ни малейшего вклада в рок. Я, правда, не исключаю, что эта группа первая стала петь матом. Хотя у группы «ДК», по-моему, это было и до «Гражданской Обороны». А у группы «Сектор Газа» употребление матерных слов было куда более органичным.

Вообще, жалко Юру Хоя. Вот это был хороший парень! Лучше бы Егор Летов оправдал свои суицидальные теории и покончил бы с собой пятнадцать лет тому назад. А пьяница Юра Хой лучше бы здравствовал и по сей день. Летов же позер и трусливый тип. Он кучу народу, включая Янку Дягилеву, подсадил на эти бредовые идеи, а сам остался белым и пушистым. Я ненавижу таких провокаторов.

Александр Кочерга (Ухват) — основатель Воронежского рок-клуба

Все началось с того, что году в 1985-м я случайно попал в Ленинградский Рок-клуб. Ну, вернее, не совсем случайно… Я

тогда рок-музыкой сильно увлекался. Приехал в Ленинград и вот — попал на концерт.

Выступали «Аквариум» и «Россияне». На концерте я познакомился с ребятами, которые рассказали, как у них в Ленинграде все устроено. И я тоже решил открыть в Воронеже рок-клуб. Директор Дворца культуры имени Кирова (молоденькая женщина) была моей знакомой. Мы с ней все обсудили. Сначала план был открыть просто дискотеку, под вывеской которой можно было бы проводить концерты, но даже из этого ничего не вышло. Зато по Воронежу уже прошел слух, и музыканты стали сами к нам подтягиваться.

Нормальных групп в городе тогда было всего три: «Старый город», «Фаэтон», где играл Андрей Дельцов, и «Е2-Е4». И вот мы собрались и решили провести первый Воронежский Рок-фестиваль. Я убеждал директора: давай сделаем, а? Но она побаивалась: по тем временам за рок-концерт могли запросто выгнать с работы. Да еще и в трудовой книжке написать такое, что никуда потом не устроишься… Короче, нужно было прикрытие.

А у меня был хороший товарищ — второй секретарь Левобережного райкома партии. И он нас поддержал.

— Ты, Саша, не бойся, — сказал он. — Лишь бы твои рокеры не хулиганили, а милицию я предупрежу, чтобы вас не разгоняли.

Ну, директор концерт и разрешила… Мы стали думать, кого бы пригласить в качестве гостей фестиваля. Денег все равно не было, и пригласить удалось только никому по тем временам не известную группу «Коррозия металла». А Юрка Клинских, который тогда часто приходил в рок-клуб, стал нам помогать. Он тогда еще в милиции работал. Я попросил его прийти на концерт в форме — для острастки.

Вообще, его милицейская форма нас часто выручала. Например, приезжают артисты, нужно их встретить. Юрка в форме выйдет, остановит какой-нибудь автобус и договорится за полтинник смотаться на вокзал и обратно.

Познакомились мы с ним случайно. Он стоял на посту у гастронома. А у меня там одноклассник работал грузчиком. Раньше ведь в одни руки давали только по две бутылки пива. А я приду — он мне целый ящик вынесет. Вот я один раз пришел, а на входе Юрка дежурит. Одноклассник ему говорит: «Пропусти, это мой знакомый». Потом мы с ним разговорились, и Юрка спросил:

— Записи какие-нибудь есть?

У меня в то время была большая коллекция — где-то 250–300 бобин с записями русского рока. Все, что в Питере выходило, у

меня оказывалось максимум спустя три дня: знакомые через железнодорожных проводников передавали. Каждую субботу у меня было по три-четыре новые бобины. Ну, короче, мы с Юркой стали записями обмениваться, а потом подружились…

Мария Кузьминична Клинских — мама Юры Хоя

У них там организовался рок-клуб. А я тогда в кафе работала официанткой. В основном свадьбы обслуживала. И я ему говорю:

— Сынок! Вот бы ты музыкантом стал! Барабанщиком, например. И работа нормальная, и сыт всегда будешь.

А он послушал-послушал и стал играть свою рок-музыку.

Николай Митрофанович Клинских — отец Юры Хоя

Когда Юрик пришел с армии, мы ему предоставили полную свободу. Денег хватало: мы хоть и не шиковали, но еда всегда была. А он мне говорит:

— Батя, я решил в милицию пойти служить.

— Куда хочешь, — сказал я, — туда и иди.

Я, как отец, никак на него не давил. Сам я и бригадиром настройщиков был, и мастером, и контролером, и конструктором. Но всегда говорил: сынок, это твоя жизнь, ты и решай. Правда, потом пробовал с ним поговорить, что, мол, рок-музыка — это ведь временное. Нужно и о будущем думать. Но он только отмахивался:

— Куда я пойду? В бизнесе я не могу. В этих делах нужна сноровка, наглость, а я не могу. Не рожден бизнесменом!

— Чем же ты будешь заниматься лет в сорок?

— Не знаю. Вот доживу до сорока, там и видно будет. На хлеб и соль мне всегда хватит. А больше мне и не надо.

Он подал заявление о приеме на работу, о нем навели справки. Всех соседей опросили как положено… Служил он гаишником: то в центре города на посту стоял, то у нас, на Левом берегу. А спустя несколько месяцев его чуть не выгнали. Он остановил Шабашку — нашего губернатора Шабанова, который тогда был председателем этой, как его… областной Думы. Тот на красный свет ехал. Так этот гад, Шабашка, поехал в ГАИ и нажаловался на Юру! И потребовал его увольнения! Мол, я начальник, мне все можно. Любому милиционеру рот заткну!

Юру вызвали к начальству, а он им говорит:

— Он ехал на своей «Волге» на красный свет, и я его остановил за создание аварийной ситуации. Мне все равно, кто это был.

Ему отвечают: нужно знать, кого можно останавливать, а кого — нельзя. Влепили выговор и перевели во вневедомственную охрану. Я вообще считаю, что после этого в милиции ему делать

было нечего. Он несправедливости терпеть не мог. Поэтому жизнь у него была такая тяжелая.

Его даже в вытрезвитель как-то раз забрали. Вернувшись со службы, он переоделся и пошел с ребятами посидеть. Взяли водочки, пошли в парк у завода. А тут наряд подъехал. И менты одного друга из их компании решили в трезвяк забрать. Юра вступился: мол, ребята, подождите, мы ж не сделали ничего! А менты и Юрика в машину сажают. Он им говорит: да вы что?! Я же свой! Точно так же в милиции служу! А эти сволочи его избили и в камеру на всю ночь заперли.

Как он хотел от этой милиции избавиться! На службу ходил, как на каторгу. Все заявления об уходе писал. Но у него контракт был на три года. А как ему увольнение дали, он пришел домой и стал с себя форму сдирать! Топтал ее ногами, рвал, швырял! Вот только его рубашки милицейские остались — я их донашиваю…

Мария Кузьминична Клинских — мама Юры Хоя

Как-то Юра мне сказал:

— Рано, мама, ты меня женила!..

Он в двадцать один год женился. Рано, конечно… Но я ведь хотела как лучше. Он ночами пропадал у Гали в общежитии, а мы его ждем, переживаем. Я и сказала:

— Сынок, ты б женился, что ли… Все меньше по ночам шляться будешь — все-таки семья.

Он взял и расписался в два счета. Хотя есть ведь такая хорошая вещь — гражданский брак. Поживите пока так, не расписываясь. Посмотри, как она готовит, как встречает… Ну, да все мы крепки задним умом.

Галина Клинских — первая жена Юры Хоя

Когда я училась в ПТУ, нас послали в колхоз на уборку свеклы. А Юра там жил у бабушки с дедушкой, еще до армии. Поселили нас типа в общежитии: деревенский дом в три комнаты. Вечером девчонки шли гулять, а я книгу читала… Юра меня первым заметил, и я ему понравилась.

Он весело ухаживал. На мотоциклах приезжал, на гитаре пел. Все тогда молодые были. Я сначала думала, что он несерьезный, разухабистый такой. Шпана, одним словом. А потом я его поближе узнала. Чувствовалось, что женщинами он не избалован. Он ухаживать совсем не умел. Мы в кино ходили, на речку на мотоцикле ездили. Водил он очень рискованно. Как-то поехал на мотоцикле «Ява», упал и разбился. Приезжает весь в крови. Мы хотели его в больницу отвезти. А он отказался: ничего не надо, все само заживет. Забинтовал руку и лег спать.

В ноябре его в армию забрали. Я его ждала, письма писала. Он служил на Дальнем Востоке на границе с Китаем. На танке ездил. Потом вернулся, в общежитие ко мне ходил. Свадьбу сыграли: он в костюме, я в белом платье. Шампанское пили, он меня через мост на руках нес… Ну, как у всех.

В 1984-м родилась дочь Ирина. Он пришел в роддом такой смешной, растерянный. Я ему в окошко дочку показываю, а он от радости аж весь засветился! Я еще беременная была, а он уже любил ее, разговаривал с дочкой, пока она была у меня в животе. Он тогда еще в милиции служил. Хотя милицейская служба была не для него. От него требовали каждый день определенное количество штрафов выписывать, а он не хотел. Не любил к людям придираться. Три года отслужил, потом бросил. В грузчики пошел и стал музыкой заниматься.

Николай Митрофанович Клинских — отец Юры Хоя

Он нам все завидовал, что мы с бабкой хорошо живем. Говорил:

— Вот идут два моих старичка под ручку!

А они ругались часто… Юра любил есть горячее — борщ. Он даже часто сам готовил, а она готовки терпеть не может… Приедет Юра вечером с концерта, а она ему — есть нечего!

Да приготовь ты заранее!.. Нет, у нее этого не было. Мы вместе жили, но у них был свой холодильник, а у нас — свой. Мать же видит, что сын голодный:

— Юра, сынок! Давай я тебя накормлю, а? У меня борщ есть…

Он иногда ел, а иногда отказывался — стыдно было. Отнекивался: «Не, мам. Не хочу!» Да как же ты не хочешь, когда ты прибыл в час ночи и, ничего не евши, лег спать?! И утром ничего не ел! А жена-то спит… Вот чем он плох был — бесхарактерный человек, мягкий. Как тряпка!

Он хотел было развестись, но мать его отговорила. Детки у него все-таки…

Александр Кочерга (Ухват) — основатель Воронежского рок-клуба

Первый фестиваль Воронежского рок-клуба прошел очень успешно. Стало ясно, что успех нужно закреплять. Мы пригласили с концертами группы «Кино», «Ва-Банкъ» и «Крематорий»… Публика о нас уже знала и шла валом. Единственная проблема: никого из музыкантов тогда не селили в гостиницу. Администраторы, как увидят джинсы и длинные волосы, наотрез отказывались прописывать. Даже Юркина форма не помогала…

Так что жили на съемной хате на улице Героев Стратосферы.

А уже накануне второго рок-фестиваля в клубе собрался и

«Сектор Газа»… Кстати, название «Сектор Газа» придумал я. С друзьями стоял на трамвайной остановке и говорю:

— Ну и вонища! Как в Секторе Газа…

У нас же тут на Левом берегу химические предприятия. Дышать невозможно!.. Ну, все и заржали.

— О, — говорят, — хорошее название!

У меня тогда товарищ был, который играл в группе при ДК имени Кирова. Он ухватился и все говорил, что придет из армии, так группу назовет. Но я название отдал Юрке. Хотя сначала он вообще никак не хотел называться. Они и выступать-то стеснялись — играли так, что даже по воронежским меркам ни в какие ворота…

Сначала я даже и не знал, что Юрка поет. Как-то мы зашли к нему домой, мне нужно было забрать свои записи. Сели, выпили, он поставил какие-то кассеты. А потом еще выпил и говорит:

— Давай я сыграю. Я тут Цоя подобрал — «Восьмиклассницу» и «Когда-то ты был битником»…

Ну, он сыграл, а потом как начал свои песни играть, я даже протрезвел. У него тогда уже штук двадцать этих песен было. И он их выдал одну за другой.

— Тебе выступать надо, — сказал я. — Собери ребят: Крюк на ударных будет, кого-нибудь еще на гитару надо позвать. Сыграйте на фестивале, а там видно будет…

Крюк был хороший малый. Он у нас в клубе на общественных началах работал, а через некоторое время умер от саркомы легкого. Позвонил мне и сказал:

— Представляешь, был у врача, и он сказал, что я через три месяца умру…

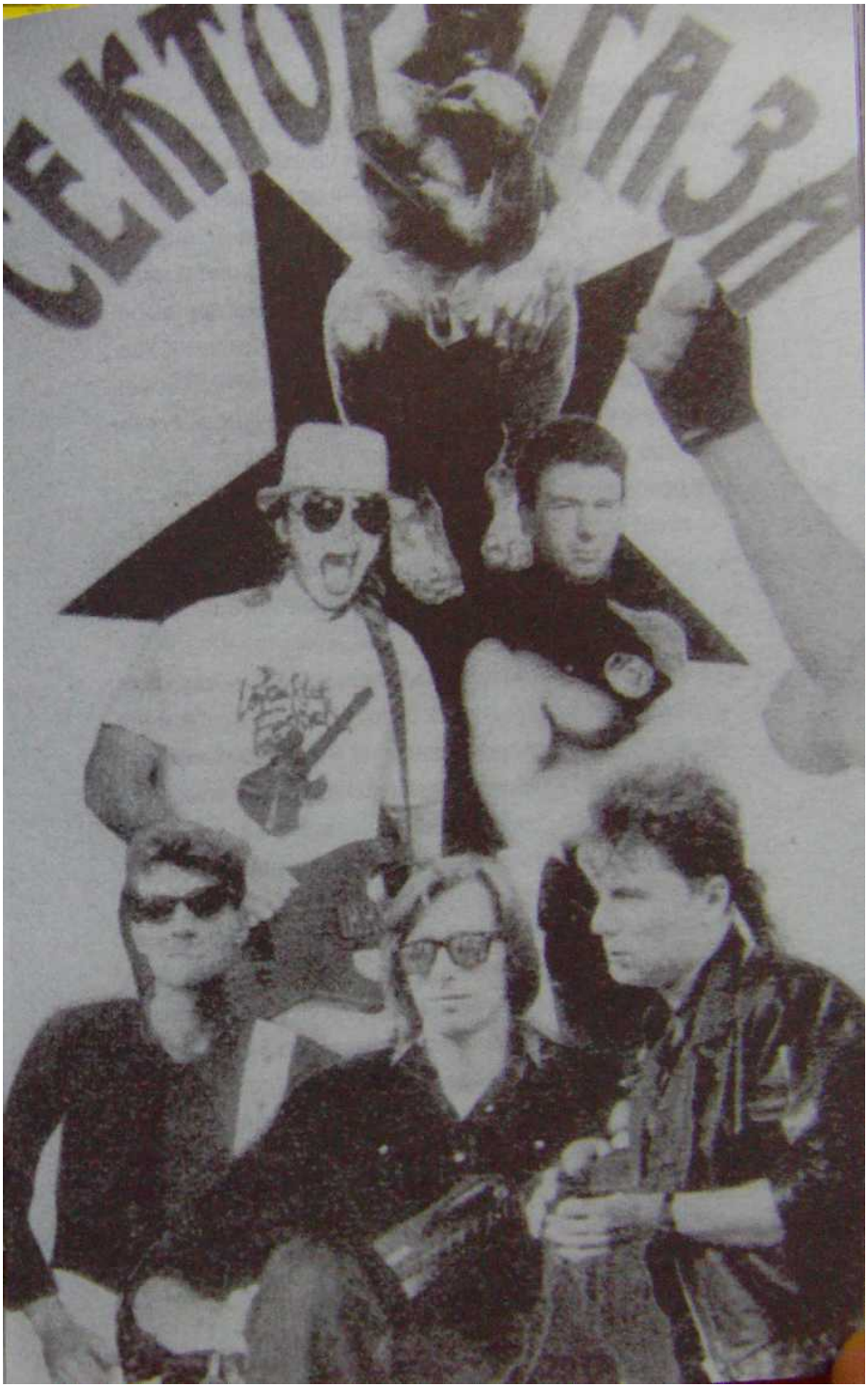
Я его стал утешать, говорить, что все ерунда… А он точно через три месяца умер… Но это было позже, а тогда они собрались, прорепетировали, и я еле-еле уговорил их сыграть на

отборочном туре фестиваля. Мы отобрали четыре песни, сыграли на фестивале — и «Сектору» дали «Приз зрительских симпатий».

Ну и все! Дальше дело пошло само. В том же 1989 году меня и Крюка вызывают в горком комсомола и говорят: пришла телеграмма — «Сектор Газа» просят выступить на фестивале в Череповце. Мероприятие посвящено годовщине смерти Александра Башлачева. Две недели на размышления.

Я был в панике. Кто поедет-то? Играть ведь толком тогда никто не умел. Стали звонить знакомым музыкантам. Состав худо-бедно набрали, а на гитаре уговорили поиграть Дельцова. Он сперва отнекивался, но я объяснял, что дело-то несложное: съездить, отдохнуть, поиграть, а затрат никаких — все оплачивает комсомол. Так, собственно, и получился первый состав «Сектора».

Сели в плацкарт, приехали в Москву, нас там встретили… Привели на квартиру, а там уж человек двадцать сидят. Сразу началось общение, обмен кассетами — тогда все с собой кассеты возили для обмена. Ну, короче, пьянка-гулянка — не помню, как и до Череповца доехали. Город индустриальный, металлургический, грязь всех цветов радуги… Выступали в ДК машиностроителей. Нормальный зал — лучше чем у нас, в Воронеже. Там у группы даже первые поклонники появились. Выходим на улицу, а у нас автографы просят.



Игорь Кущев — член первого состава группы «Сектор Газа»

В 1989 году Юра Хой выступил на втором Воронежском рок-

фестивале. По тем временам казалось, что это очень круто… Море групп и так далее. «Сектору» на этом фестивале дали «Приз зрительских симпатий». И когда после фестиваля Юра сел писать альбом, то пригласил меня принять участие.

Как сейчас помню: за запись двух первых альбомов мы заплатили 100 рублей. Сейчас даже трудно представить, на каком дерьме мы тогда все это писали. Но результатом все в общем-то были довольны.

И вот после записи я прихожу к себе во двор. На лавочке сидят пацаны. Я говорю:

— Ребята, вам группу «Сектор Газа» интересно послушать?

Они отвечают, что о группе такой ничего не слышали и слушать ее не собираются. Я поднимаюсь к себе, беру магнитофон, выставляю колонки на окно и врубаю «Колхозный панк». Альбом доиграл до конца, магнитофон я выключаю. Проходит пять минут — звонок в дверь. Заходит толпа пацанов, все с кассетами в руках.

— Перепиши, а? Понравилось!

Тогда на углу улицы Остужева стоял ларек «Звукозапись». Мы закинули хозяину наши альбомы, причем ни о каких деньгах даже и речь не шла. И уже через два месяца наши песни звучали по всей стране. В следующем году мы записали еще один альбом и опять запустили его через ларьки звукозаписи. Из Москвы доходили слухи, что «Сектор Газа» по раскупаемости там на первом месте. Когда мы поехали в Москву с концертами, то на наше выступление пришло уже семь тысяч человек. Притом, что в тот день шел жуткий дождь. Не помню, как именно назывался этот фестиваль, но проходил он в 1989 году на стадионе «Буран», и кроме нас там играла еще «Гражданская Оборона».

Александр Кочерга (Ухват) — основатель Воронежского рок-клуба

Состав более или менее подобрался, понемногу пошли концерты. Юра как раз ушел из милиции, и они всей группой устроились работать грузчиками на завод «Видеофон». В то время там неплохо платили. Юра собрал себе гитару. Причем педаль для гитары приобрел у Майка Науменко из питерской группы «Зоопарк».

Воронежский рок-клуб переживал золотые денечки. На одном только выступлении группы «Крематорий» мы заработали 12 ООО советских рублей. Сумасшедшие по тем временам деньги! Да и выступления «Сектора» тоже понемногу становились прибыльными. Какой бы концерт ни планировался, Юру я каждый раз пихал на разогрев. Как-то он должен был разогревать даже

знаменитую группу «Алиса». Правда, в Воронеж «Алису» тогда не пустили. Кинчев приехал только вдвоем с бас-гитаристом и дал всего лишь квартирный концерт. Но когда он уезжал домой в Петербург, мы дали ему с собой кассет, чтобы он в Питере их распространял.

Первое время все строилось на чистом энтузиазме. А потом нашлись люди, которые поняли, что на рок-н-ролле можно рубить неплохие бабки. Уследить за всем, что происходит в рок-клубе, я уже чисто физически не успевал. Дельцов постоянно сидел у себя в студии, Юра теперь не вылезал из Москвы. В рок-клубе выступали очень сомнительные группы.

Я плюнул на все и тоже ушел. После этого рок-клуб очень быстро разорился и перестал существовать.

10
«Нажми на газ!»
(Альбом группы «Сектор Газа». 1993 год)

Игорь Аникеев (Кот) — бывший клавишник группы «Сектор Газа»

Вообще-то я — духовик, закончил музыкальное училище по классу гобоя. У меня отец — профессиональный музыкант-барабанщик. Он меня с малолетства за барабанную установку сажал. А на клавиши я потом сам переориентировался.

После армии устроился в Воронежскую филармонию, но почти сразу на полгода уехал в Абхазию — калымить по тамошним кабакам. Из Абхазии я отправился в Москву, и меня взяли в популярный тогда ансамбль «Лейся, песня!», а уже оттуда — в «Ласковый май».

Там же, кстати, тогда работал и Дельцов, который позже стал звукорежиссером «Сектора». С «Ласковым маем» я объездил полстраны. Работа была денежная и с музыкальной точки зрения совсем не сложная. Ну, ты представь: за неделю мы давали по восемнадцать концертов. То есть по три концерта в день. Разумеется, все это дело шло под фанеру, хотя и с ней устаешь. Так что из «Мая» я ушел в аккомпанирующий состав Володи Преснякова, а потом вообще плюнул на все и вернулся в Воронеж.

Я сидел себе в студии, потихонечку работал и был счастлив. Ну, не всем же в Москве жить, правда? Я вот, например, не люблю этот город. В Питер я бы уехал, а в Москву нет, не хочу.

Андрей Дельцов — звукорежиссер группы «Сектор Газа»

В конце 1980-х я мотался по стране с группой «Ласковый май». Это был первый большой русский поп-проект, и, по-моему, с тех пор успех «Мая» переплюнуть так никому и не удалось.

Интереса в этой работе не было никакого. Делалось все исключительно ради денег. День за днем повторять одно и то же было дико утомительно. Как-то я дал им кассетку с записью

«Сектора». Мужикам так понравилось, что они, суки, раздербанили мне все наушники от плеера — так друг у друга его рвали. Больше всех тогда заинтересовался самый большой говнюк — их менеджер по имени Фидель. Фамилию не помню… Вот этот самый Фидель сказал — круто! Офигительная музыка! Я из твоих воронежских приятелей звезд буду делать.

Не знаю уж, с кем он там разговаривал. Но вскоре был звонок из Москвы — приезжайте, работайте. Ну мы приехали в Москву, поселились в гостинице «Россия». Вроде бы дорогая гостиница, в самом центре города. Но это только так кажется. Тогда в «России» грязи, дерьма и тараканов было больше, чем в любой общаге… Так и началась московская история «Сектора».

Самый первый концерт, который Фидель организовал для «Сектора Газа», был во Дворце спорта «Измайлово». Времена были такие, что сейчас я просто не могу передать. Это все равно, что сравнивать самый первый концерт «Rolling Stones» и их последнее шоу в Москве, когда это было уже целиком коммерческое мероприятие. Я, например, в этой группе первое время играл на гитаре. А поскольку Юра тогда был совсем диким и публики боялся смертельно, то я еще и вел конферанс. То есть объявлял: сейчас, чуваки, выйдет Юра Хой. Сам он разговаривать ни фига не будет, а споет свои песни…

Ну и очень скоро появился Сергей Савин, с которым начался совсем уж коммерческий этап истории «Сектора Газа».

Алексей Ушаков — музыкант первого состава группы «Сектор Газа»

Когда-то вместе с Дельцовым я играл в воронежской группе «Фаэтон». Но потом группа распалась, и Дельцов стал тусоваться с «Ласковым маем». А у них был администратор — совершенно левый человек и изрядная сволочь. Вот он, короче, и организовал Хою самый первый большой концерт.

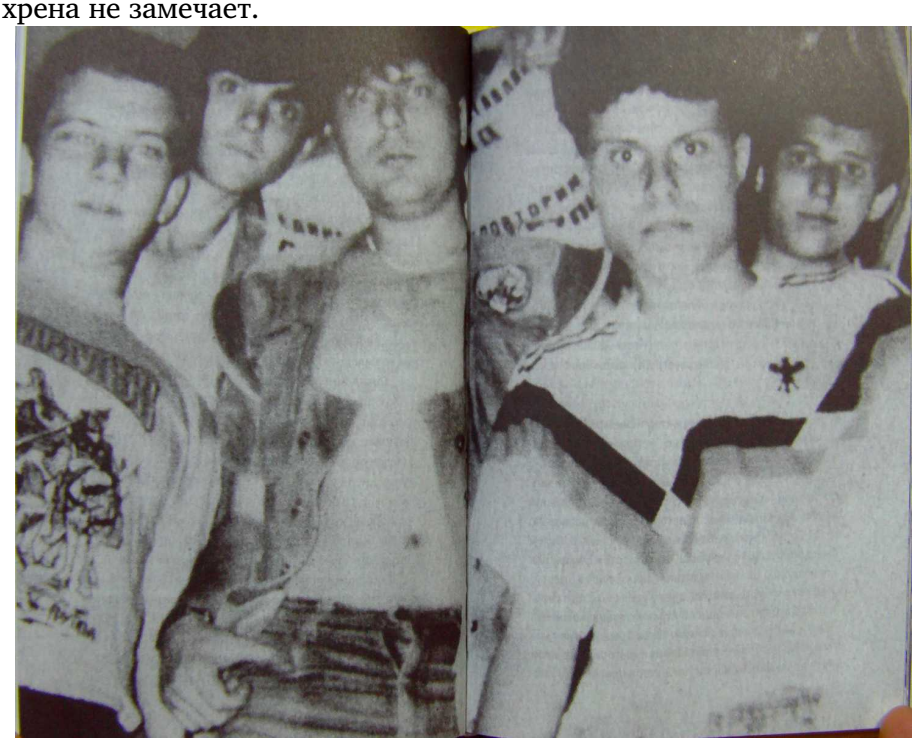
Ребята съездили, отработали в лучших традициях «Ласкового мая» — под фанеру. Играли на стадионе, там было очень много народу. Ну, и, естественно, их кинули на все бабки. С Фиделем после этого дел иметь никто не хотел. Зато на том концерте группе поступило предложение от Савина, который уже тогда был опытным менеджером. Он понимал, что в первую очередь нужно наладить гастрольную деятельность, и поэтому предложил Хою серьезно поработать над составом.

Хой приехал из Москвы, пришел к нам в студию и рассказал о ситуации. То есть, что перспективы очень неплохие, но у него совсем нет состава. А у нас была в общем-то готовая группа, только без вокалиста. К тому же у меня в клавишах все хоевские

вещи были уже набиты. Да и остальные ребята его музыку хорошо знали. Короче, мы были для него оптимальным вариантом.

Мы быстро все отрепетировали, наладили, собрались и уже через две недели отправились в первый тур.

К гастролям подошли очень серьезно. Сами смастерили себе форму: разорванные джинсы, разные нашивки, прибамбасики, бантики… Как-то наш гитарист Вадик Глухов отдыхал на даче и серьезно поранил себе ногу: топором разрубил вены… Потом вроде все срослось, но он все равно ходил с пластырем. А когда мы поехали выступать в Сочи, то Вадик прыгал по сцене, задел какую-то стойку и у него разошлась рана. И кровь такой веселой струйкой, фонтанчиком — на первые ряды зрителей! А Вадик ни хрена не замечает.



У народа шок был. От вида окровавленного Вадика люди падали в обморок. Своей кровью он всю сцену залил! Местные газеты вообще без ума были. Писали: «Вот приехал „Сектор Газа" — совсем безбашенные отморозки!»

А что касается самого Савина… С одной стороны, мы понимали, что в Воронеже никто на таком уровне ничего бы не организовал. Но с другой — когда «Сектор Газа» собирал стадионы и билетов не хватало, а народ стоял и не мог войти, то музыканты получили просто смешные деньги. Просто смешные! Кот (Игорь Аникеев) тогда работал в какой-то группе разогрева, так он больше нас зарабатывал!

Сергей Савин — первый директор «Сектора Газа»

Знаешь, сегодня я бы уже не смог работать с «Сектором Газа». У меня была масса интересных проектов, и каждому из них я отдаю здоровенный кусок жизни. Когда ты занимаешься кем-то всерьез, то начинаешь жить не своей, а его жизнью. «Сектору» я отдал несколько лет… Да, это было яркое и интересное время. С Юркой было интересно, но это ушло. Задолго до его смерти. Так что во второй раз я бы, наверное, так уже не смог…

С Хоем я познакомился через Фиделя. Ну, того самого, который потом ездил по стране с фальшивым «Газом» и выступал под фанеру. Тогда Фидель был у них кем-то вроде концертного администратора. Мне закинули послушать их кассету: «Сектор» производил впечатление совершенно безбашенных. Ну и я согласился встретиться, поговорить на предмет сотрудничества.

Юра тогда только приехал в Москву. Первое впечатление: провинциальный парень, голодный, нищий, в чужих кроссовках. Короче, классический образ. Мы когда встретились, он сразу сказал:

— Все! Пиздец! Заебала ваша Москва! Ни денег, нихуя! Мне тут даже жить негде!

А у меня тогда было две квартиры. В одной я жил, а другая стояла пустая. Я отдал ее Хою с ребятами, и мы стали работать.

Первый концерт для «Сектора» я провел на «Фестивале хулиганской музыки». Мы тогда организовали его во Дворце культуры «Меридиан» вместе с Вадимом Цыгановым. Я начинал работать с Хоем, а он как раз взялся за певицу Вику Жукову, которая сейчас — Вика Цыганова, а тогда только-только стартовала и пела блатняк.

Первых выступавших слушатели восприняли без особого энтузиазма. А вот когда вышел «Сектор» — началось… Толпа разнесла весь дворец к чертовой матери! Нам потом дирекция выставила счет на пятнадцать тысяч рублей, который мы, кстати, так и не оплатили. Пятнадцать тысяч по тем временам — просто нереальная сумма. Зато после этого концерта о «Секторе» заговорила уже вся Москва. Начались публикации в прессе. Маленькую статейку написал «Московский комсомолец». В общем, пошла популярность…

В те времена раскрутка артиста строилась по совершенно иным законам — не так, как сегодня. Сейчас, чтобы тебя заметили, нужно платить безумные деньги: снимать клип, ставить его на MTV, давать песню в ротацию на FM, платить за участие в престижных концертах…

А тогда единственным критерием успеха была раскупаемость

кассет в киосках звукозаписи. Если альбом хорошо продавался — все, тебя узнавала вся страна!

У меня было правило: я не лез ни в кадровую политику, ни в творчество Хоя. Но после того первого концерта в «Меридиане» два условия группе я все-таки выставил. Первое — до концерта ни капли спиртного. Штраф — концертная ставка. То есть если они выпивали, то за выступление я им ничего не платил. И второе — на сцене матом не ругаться.

Кое-как скрепя сердце мои условия они приняли. Хотя бывало по-разному. Назло мне и матом крыли, и выпивали ради чистого хулиганства. Как-то я вошел в гри-мерку, а Ушаков спрятал рюмку с водкой в карман штанов. Рюмка там перевернулась, и на сцену он отправился с мокрым пятном на ширинке.

А в другой раз Тупикин в Сочи до того допился, что, пока мы готовили аппаратуру, он стал голым бегать по стадиону. Причем заметили его не мы, а директор стадиона. Подходит и говорит:

— Ребята, а чего это ваш там голяком бегает?

Тупикина мы бросились ловить всей группой. Поймали, скрутили, отволокли в душ… И к началу концерта он все-таки немного протрезвел. Тупикин хорошим был музыкантом, жаль только, что так быстро спился…

Газета «Московский комсомолец»

21 марта 1992 года «Сектор Газа» (между прочим, первая панк-группа, попавшая в хит-парад «Звуковой дорожки») приехал в Ульяновск. Группа должна была дать четыре концерта. Все билеты были давно распроданы. Но после первого же выступления, в субботу днем, за кулисами появился видный майор милиции. Он объявил музыкантам и администрации ДК, что концертов больше не будет.

— Немедленно собирайтесь и уезжайте отсюда! — заявил майор. — Нашей молодежи такие песни не нужны! Это в Москве со всякими Пугачевыми и Розенбаумами можете петь что угодно.

Здесь вам не Москва!

Организаторов концерта куда-то увезли, а музыкантов продержали запертыми в гримерке восемнадцать часов подряд, до половины второго ночи. Дом культуры был оцеплен, зрителям, приехавшим на вечерний концерт, билеты пришлось сдать. Ночью музыкантов отвезли в гостиницу и потребовали незамедлительно убраться из города.

По словам одного из милиционеров, грозный майор — это заместитель начальника УВД Ульяновской области. Материальный ущерб «Сектора Газа» по причине сорванных концертов составил сорок тысяч рублей.

Газета «Известия»

Гастроли группы в Ульяновске закончились скандалом. В сообщении пресс-группы областной прокуратуры говорится:

«Перед выступлением менеджер коллектива С. Савин заверил руководителей Ассоциации учащейся молодежи, что в репертуаре группы вульгарных выражений нет. Однако при выступлении артисты допустили в присутствии малолетних и несовершеннолетних зрителей нецензурные выражения. Солист группы, выступающий под фамилией Хой, находился в нетрезвом состоянии и призывал сидящих в зале закурить, демонстрировал на сцене распитие водки из горлышка бутылки. В результате на рок-группу заведено уголовное дело…»

Газета «Молодой коммунар»

После первого же концерта в Ульяновске «Сектор Газа» выперли сначала с точки, а потом и вообще из города при помощи грубой милицейской силы. Милиция запретила проводить концерты, зрителей насильно заставили сдать билеты, музыкантов до ночи продержали в гримерке и едва не отлупили резиновыми дубинками.

— По какому праву? — задавали вопрос все во-круг. — На каком основании?

Ответа не было, потому что о законе речи здесь не шло. Основание было одно: не нравится!

Игорь Кущев — член первого состава группы «Сектор ГЪза»

Очень скоро Хой стал говорить, что «Сектор Газа» — это его личный проект. Мол, Хой — это и есть «Газ». А музыканты — это так, на подхвате…

Да только кем бы он без нас был?! Кто его музыке-то обучал? Он же играть на гитаре никогда толком не умел! Кто ему пластинки нормальные давал слушать? Кто говорил — вот здесь нужно играть так, а здесь — этак?!

Послушай самые первые альбомы «Газа»: это был реальный панк-рок. Потом уже у него пошла попса — бла-бла-бла, три аккорда, прямо Юрий Антонов какой-то… Но ко всем первым хитам музыку мы сочиняли вместе. Потому что Хой ничего не соображал и объяснить ничего не мог. Говорил: давайте сыграем та-та-та-та. Вот и все его способности… А как «Газ» стал популярным, Хой сразу встал в позу и заявил, что это его личный проект.

Помню, мы сидели в Москве, в гостинице, там была студия звукозаписи «Луч». И что-то они с басистом Семеном заспорили. Сперва несильно, а потом разругались конкретно. И на

следующий день Хой Семена просто послал на хуй и уволил. А на его место взял этого… придурка тупого — Тупикина, который за Хоем бегал и в рот смотрел… Я уже тогда понимал, что буду следующим.

Мне кажется, что группа — это все-таки коллектив единомышленников. Это как общий котел, где варятся идеи. То есть люди работают не за бабки, они душу свою вкладывают. А что сделал Хой? Набрал коллектив лабухов! Он им из Москвы присылает готовую запись, а те снимают свои партии. То есть в музыку они ничего не вкладывают, а просто зарабатывают деньги. Вот поэтому «Газ» так быстро и выдохся. Сначала он летел на волне, которую сделали мы все вместе, а потом Хой просто плыл по инерции и все…

Андрей Дельцов — звукорежиссер группы «Сектор Газа»

Хой перебрался в Москву и начал избавляться от… ну, скажем так, избавляться от балласта.

Игорь Кущев хотел самореализации. Он хотел, чтобы звучали не только песни Хоя, но и его собственные. При этом, мне кажется, Кущ не совсем понимал, что время самореализации и для него, и для Хоя уже прошло… Наступило время работы. А что касается остальных, то они были просто непрофессионалами…

Басист Семен просто не въезжал в шоу-бизнес. Ведь понятно, что если один человек сам все выдумывает, сам все поет, играет и

болеет за дело, то он и должен получать больше остальных. А другой, который лишь периодически появляется на репетициях, — меньше. Семен требовал, чтобы все получали поровну, и после серии конфликтов он был Хоем попрошен на хуй. Вместо него пришел совершенно классный Тупикин. Который был и умнее, и мастеровитее Семена, а уж играл — просто класс! Барабанщик Олег Крюков («Крюк») сам все понял и особо не настаивал. Да он по большому счету (Царствие ему Небесное!) и барабанщиком-то не был…

Был еще один балласт — тот самый человек, который вытащил «Сектор» в Москву. Фидель был изначально заражен вирусом коммерции по типу «Ласкового мая». И когда он понял, что впрямую заработать денег с Юрой не удается, то решил Хоя клонировать. И пустить по стране несколько «Секторов». Он вообще Юрке сразу не понравился, потому что у Юрки было чутье на людей. А Фидель вообще гнилостный чувак.

Игорь Кущев — член первого состава группы «Сектор Газа»

Как мы расстались с Хоем?.. Это была очень подлая история. У меня в Воронеже очень серьезно заболела мать. И я срочно поехал на несколько дней домой. Когда приехал, она была уже при смерти… А тут Хой из Москвы звонит — мол. Кущ, ты свои обязательства не выполнил, на концертах мы без тебя выступали… Я ему — ты что, блин, не понимаешь?! У меня мать умерла! А он: ну ты, Кущ, в Москву можешь больше не приезжать… Я его и послал на хер, короче…

Что тут еще добавить?.. С Хоем я больше не разговаривал и встречаться не хотел. Лет восемь мы вообще не общались. Деньги

теперь нужно было зарабатывать самому. Так что из музыки я ушел, стал заниматься бизнесом. Последнее время работаю в парикмахерской. Тут недалеко, в центре…

Николай Митрофанович Клинских — отец Юры Хоя

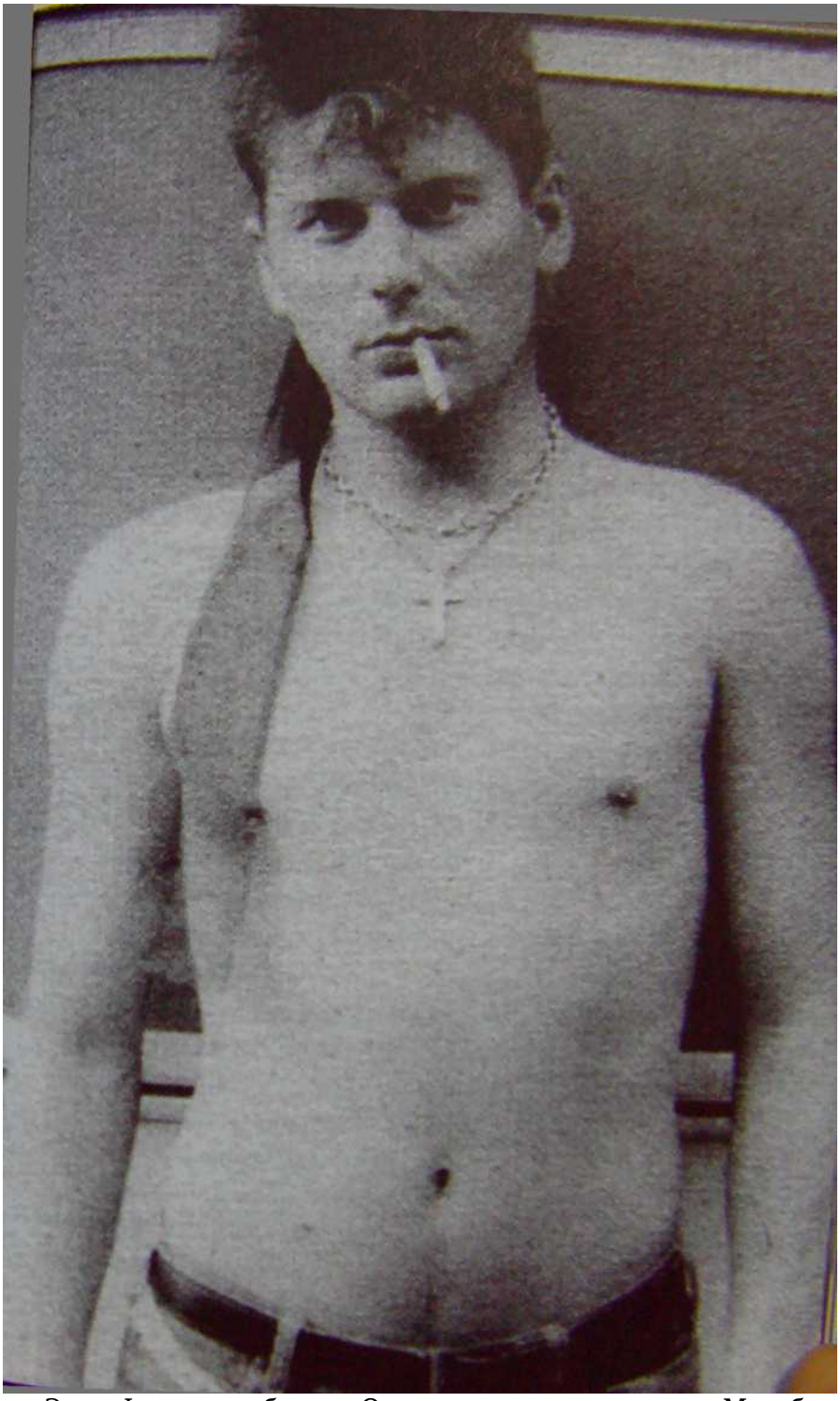
Мы с Юркой любили выпить. Иногда возьмем бутылочку, посидим. А одна у него с собой всегда была, чтоб не бегать лишний раз. Сядем, он кассету со своими песнями в магнитофон воткнет, а сам смотрит: нравится мне или нет.

— Ну, что, пап? Ты мной доволен? Как я пробился, а?

Когда у него слава пошла, то голову она ему не скрутила. Не испортила его. Вот помню, пошли группы выступать — как бы это «Сектор Газа», но поддельные, понимаешь? Юрика все слушали, но в лицо-то его никто не знал. И вот как-то Юрик приехал из Москвы и по пьянке рассказал мне об одном эпизоде.

Мы, говорит, пошли на концерт. А он подвыпивший был — это не секрет. Конечно, он любил выпить. И вот объявляют: выступает «Сектор Газа»! А я (говорит Юрик) сижу в зале. И выходит этот — Фидель. Он у них типа администратором был когда-то…

Я (говорит Юрик) вскочил и побежал на сцену. Вырвал у них микрофон и хотел сказать, что, мол, они — мошенники… Это ж я — «Сектор Газа»! А они стали его бить! Как они его били! Минут десять! Пинками!.. Все отбили… Я, говорит, упал и руками закрыл голову, чтоб совсем не убили. Все почки, всё ему тогда отбили…



Этот Фидель, собака… Он когда рассказал мне… Мне б до него добраться, голыми руками бы его задушил!.. Юрик потом

три недели лежал в больнице… Они ему все отбили! Суки! И вот, мне кажется, это и была причина его смерти.

Андрей Дельцов — звукорежиссер группы «Сектор Газа»

А дело так было. Мы тогда уже сидели в студии GALA-Records. А у них там очень путаная планировка: сплошные коридорчики, лабиринтики, лесенки какие-то. То вверх, то вниз — как на подводной лодке. И вот приходит человек. Хромает, еле-еле идет. Как потом выяснилось, это был корреспондент SNC. Он подвернул ногу и не мог ходить, но все-таки доковылял до нас, потому что понимал — дело важное.

Мы с Ушаковым сидим в предбаннике, курим. Чувак у нас спрашивает:

— Где тут «Сектор Газа»?

Ну, мы показываем: направо, потом налево, по ступенькам — там и будет «Сектор Газа». Однако Хой в это время пел в студии, а когда он поет — ему дела вообще ни до кого нет. Так что он этого страдальца назад послал — мол, «Сектор Газа» сидит в предбаннике. Чувак опять проходит все эти коридоры — и к нам. Уже с долей агрессии:

— Где, блин, «Сектор Газа»?

— Ну, ладно, садись… Что такое? Что хотел-то?

А он говорит:

— Да там сейчас «Сектор» будет выступать…

— Где?!

Мы, короче, бычки тушим, кричим:

— Юра, кончай петь! Там сейчас «Сектор» выступать будет!

Он натурально не врубается:

— Как выступать будет? Я же здесь!..

А когда он въехал, то просто взбесился. Поймали такси, приезжаем. Зеленый театр в Парке Горького. Висят афиши: «Сектор Газа». На сцене — как бы «Сектор» играет. Четыре человека, с микрофоном сам Фидель. Кривляется под украденную еще в Воронеже фонограмму. А рядом — байкеры из банды «Ночные волки» в качестве секьюрити. Ну, у Юры, естественно, глаза кровью наливаются, он бежит на сцену… И нет бы вокалиста ебнуть в лицо… А он взял и ударил по микрофону. Микрофон улетел и разбился. И тут сработали «Волки».

Короче, прежде чем эти тупорылые быки смогли осознать, что бьют того самого Хоя, которого по идее должны охранять, Юра получил несколько реально тяжелых увечий. Нам, кстати, тоже досталось… Когда его стали бить, на сцену ломанулась вся наша тусовка. Мы ввязались в побоище, а избитый Юра убежал…

Потом он рассказал, что в полубессознательном состоянии

пробрался через какие-то пруды и огороды к станции метро, там сказал, что за ним гонятся бандиты, упросил бесплатно впустить его в метро, еле доехал до дома, открыл дверь и рухнул без сознания… А мы остались и должны были тереть с «Ночными волками» по поводу расколотого микрофона.

Свои понты они включили по полной. Нам были сразу показаны ножи, и все время разговора над головами летала какая-то фигня на цепи. Впрочем, на этой стадии уже примчался Савин, который с ходу доказал, что никаких микрофонов Юра не ломал и вообще никто никому ничего не должен. В общем, все обошлось. Ничего они нам не сделали. Так — немного адреналина…

11
«Танцы после порева» (Альбом группы «Сектор Газа». 1995 год)

Сергей Кузнецов — директор отдела артистов и репертуара компании GALA-Records

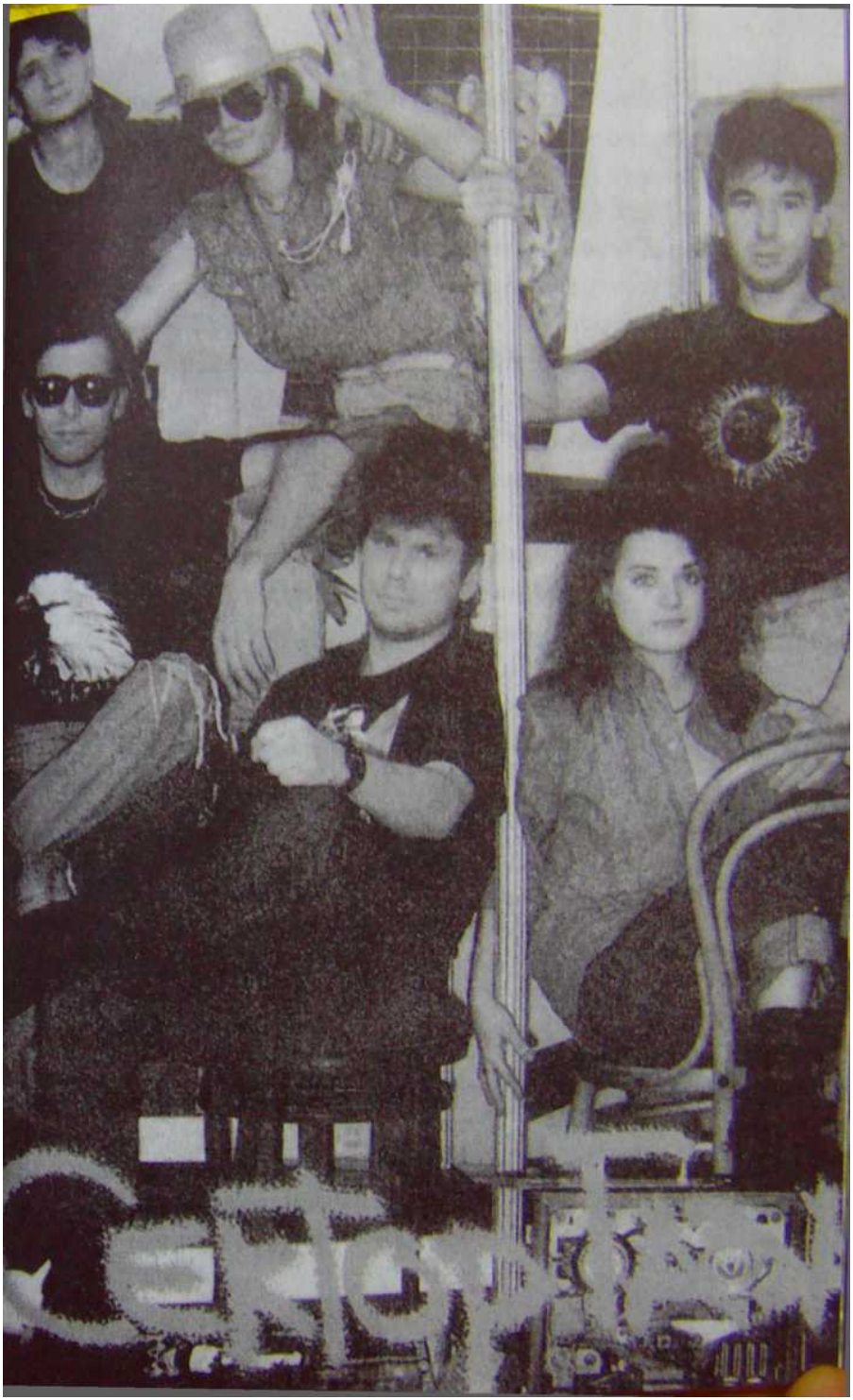
В 1994 году к нам обратились организаторы фестиваля «Rock-Summer» в Таллине, которые хотели пригласить «Сектор Газа». «Rock-Summer» до сих пор считается одним из самых престижных европейских рок-фестивалей. При этом у них в Прибалтике «Сектор» — просто сверх-популярная группа. Наверное, из-за негативного отношения прибалтов ко всему коммунистическому.

Юра ведь своими глазами видел, как живет русская глубинка. Он был целиком оттуда. Если бы он не был вот таким воронежским, вот таким простым мужиком, который переработал грузчиком, гаишником и кем только не работал, то не было бы у него и никакой популярности. То, что он делал, — это ведь и есть «соль земли русской».

Газеты писали, что песни у него грязненькие. Так ведь Хой как раз и хотел передать ощущение грязи! Посмотрите на себя, говорил он, посмотрите на жизнь, которую вы ведете! Во что вы превращаетесь?! И раз эта грязь стала видима, значит, с задачей он справился.

О чем еще он мог писать, если парень жил в Воронеже? Тупое коммунистическое болото! И ненависть ко всему этому из Юры просто пёрла. А прибалты ее чувствовали.

Ребята потом много рассказывали об этих гастролях. В Таллине они стали единственной группой, которую публика просто не захотела отпускать. Хой уходит, а его вытаскивают обратно на сцену. Притом что в это время на другой площадке уже должны были работать «M-People». У западных знаменитостей выступление чуть было не сорвалось из-за того, что публика час подряд требовала «Сектор Газа».



На том фестивале выступало много легендарных групп. Но только «Сектор» да еще «Simple Minds» были отмечены столь

феноменальным успехом…

Сергей Тупикин — экс-музыкант группы «Сектор Газа»

Как мы с Юркой познакомились? Был, короче, концерт в ДК имени Ленина… А я Хоя видел еще раньше… И у него, короче, гитариста в тот раз не было, понял? А я сижу такой обдолбанный, и к нему подхожу — слышь, Юрец, давай, типа, я сыграю. А Юрка меня, значит, спрашивает — а ты сможешь? Ну, я отвечаю, не знаю, блин, попробую.

Короче, сыграли мы этот концерт. А потом Юрик мне и говорит: «Поехали в Череповец?» Ну, мы и поехали. Как приехали, как выступили — ни хуя не помню. Всю дорогу бухали. В Москве бухали, в Череповце бухали. Бухали без роздыху, бухали и еще раз бухали…

Знаешь, я ведь ничего не приобрел за время работы в «Секторе». Ни хуя! Все, что у меня есть, — телевизор, магнитофон бобинный, две гитары, колонки с усилителем — все это я приобрел до «Сектора». А в «Секторе» мы пропили все до копья. Все деньги пропивали на хуй.

Алексей Ушаков — музыкант первого состава группы «Сектор Газа»

В Ригу нам нужно было ехать на поезде. Перед этим Юра ушел к Оле — своей девушке, а мы пили на базовой квартире. И он, короче, приехал на вокзал, а уже перед вагоном обнаружил, что забыл загранпаспорт. Ну, мы и решили, что поедем этим поездом, а Хоя отправят на следующее утро.

Приезжаем в Ригу. Все нормально, нас встретили, спрашивают:

— А где Юра?

Отвечаем, что он завтра приедет. А завтра он не приезжает. Звоним ему в Москву, а он пропал куда-то. Короче, его так и не нашли. Где-то он завис, а где — непонятно. Потом дозвонились ему, но было уже ясно — на концерт он не попадает.

Андрей Дельцов — звукорежиссер группы «Сектор Газа»

Перед отъездом в Ригу мы сидели на съемной хате в Бутово и пили. Тогда еще «Сектор» был алкогольной группой, а не наркоманской. И вот мы пили столько, чтобы у нас остались силы только вызвать машину и доехать в аэропорт. А у Юры была Оля, к которой он и поехал, оставив свою сумку с авиабилетом и паспортом.

Напоследок он еще сказал — мол, мужики, возьмите сумку. Нет бы сказал: Андрей или там Алексей, возьми сумку. А так —

мужики, возьмите… Естественно, все про его сумку забыли.

Приезжаем в аэропорт. Там сидит Юра с пакетом: вот, пацаны, я хавки взял, водки, а сумка моя где?.. Мы переглядываемся: нету сумки! Ну, ладно, мы поехали, он остался. Вернулся назад в Бутово, взял сумку и на следующий день снова поехал в Шереметьево, где ему уже был куплен билет. Но! Виза-то у нас была коллективная. Его на паспортном контроле и тормознули.

На следующий день мы встречаем самолеты, а Юры нет. До концерта было десять часов, и мы начинаем лихорадочно соображать, искать варианты. А Юре уже все по барабану. Мы говорим, чтобы он брал любую тачку, от Москвы до Риги часов девять хода, успеть можно. А Юра объясняет:

— Представь, я выхожу на улицу и торможу машину. Останавливается какая-нибудь разбитая «копейка», а я говорю: чувак, мне тут до Риги доехать…

Короче, мы понимаем, что Юра не приедет. А организаторы концерта говорят: вам, мужики, деваться некуда. Все равно придется выступать. Короче, если бы мы отказались, они бы точно попали на все бабки, а у нас не было денег даже на обратную дорогу. В результате решили играть…

Алексей Ушаков — музыкант первого состава группы «Сектор Газа»

Концерт срывать было нельзя. Но как без Хоя петь-то?! Ребята мне говорят: петь будешь ты.

— Ну, мужики! Почему я-то?

— Ты текст знаешь. Ты ведь пел с Юрой, так?

— Петь-то я, конечно пел. Но пел, подпевая. Я ведь могу текст-то и забыть!

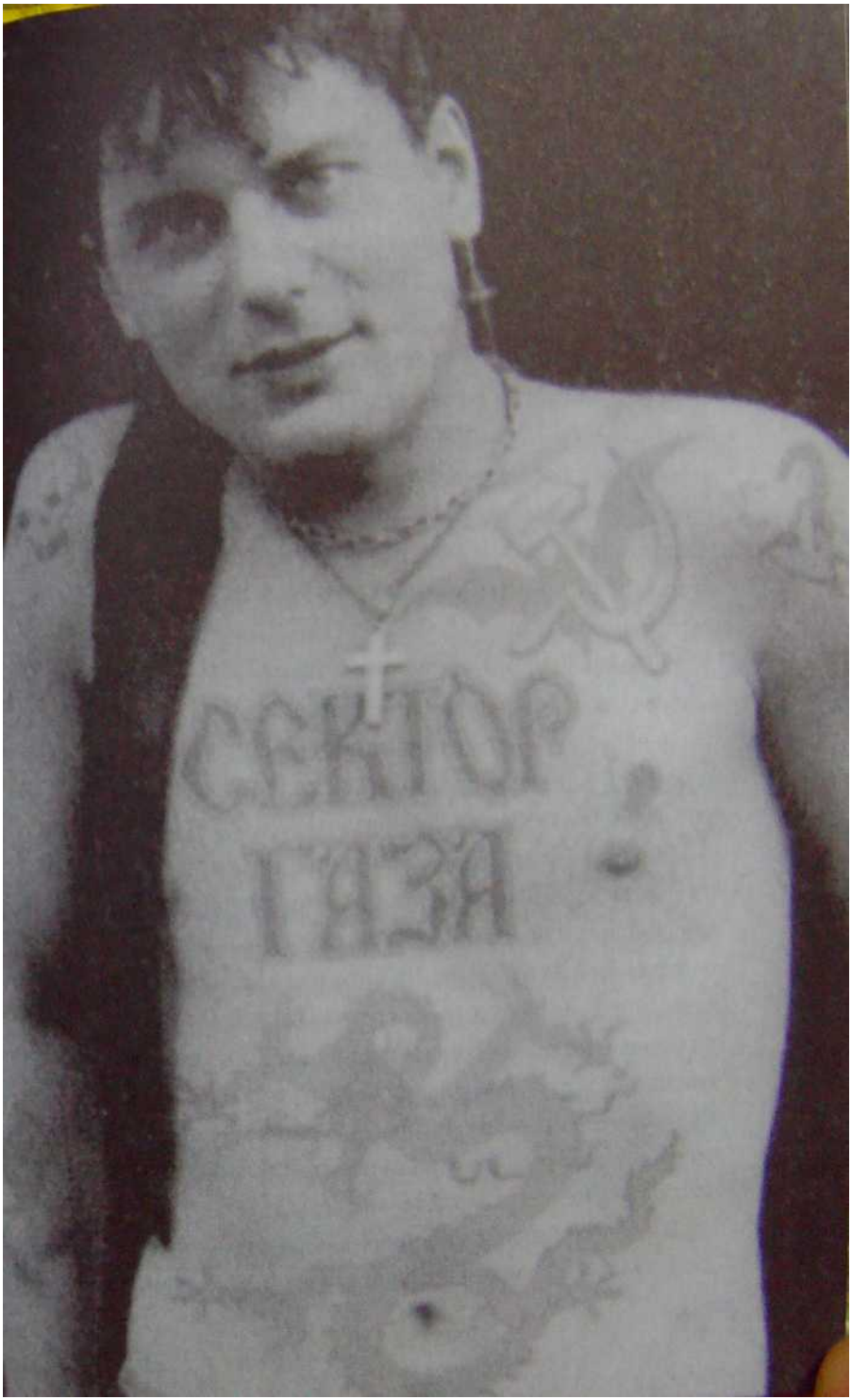
Короче, перед концертом мы с Вадькой сели писать тексты и вроде бы вспомнили все. Вадик ведь когда-то давно ездил в составе липового «Сектора»: они давали левые концерты по Воронежской области. Он слова мне написал и говорит:

— Я подпеваю, а ты в качестве солиста. Погнали?

В основном-то программу я знал — все эти хоевские шутки-прибаутки, разные анекдоты. Клавиши мы выдвинули вперед — ну и начали программу.

Народ, естественно, врубился: а где Хой? Но мы прогнали, что Юру задержали советские таможенники.

Все орут:



— Гады-таможенники!

А мы говорим:

— Юра обязательно будет! Приедет ко второму отделению! Давайте ждать Юру!

Ну а ко второму отделению о нем все уже забыли…

Андрей Дельцов — звукорежиссер группы «Сектор Газа»

Перед концертом договорились, что в меру сил петь будем вместе — по нотам. Люди с пюпитрами и нотными листами на рок-концерте — это красиво… Да только дымооператоры поставили вентиляторы прямо у музыкантов за спиной. И если Вася Черных хоть догадался прикрепить листы прищепками, то у Ушакова все листы сдуло сразу…

Это было шоу. Это нужно было показывать в кино: человек с радиомикрофоном на четвереньках ползает по сцене и ищет листы с нотами. Причем он понимает: есть такая неизбежная штука как секвенсор. Музыкальная программа туда уже загружена и будет играть независимо от того, найдет он свои листы или нет…

Ушаков вообще не умел петь, но в тот раз он пел. Перед концертом он выпил 400 граммов водки, а это для него равносильно смерти. Но в тот раз адреналин был такой, что он не умер, а, наоборот, начал петь. Он ползал по сцене, находил очередной лист и пел. Когда он наконец нашел следующий куплет какой-то песни, то эта сука — секвенсор — отключилась. И он проорал куплет в полной тишине… Я рыдал за пультом! Я не мог на это смотреть, у меня от хохота текли слезы…

Мы еле уковыляли со стадиона, и тут отличился Вася. В ту ночь он сломал целки сразу двум девушкам. Те пришли к нам в гостиницу и сказали, что хотят лишиться невинности. Недавно они ходили к поп-группе «На-На», а до этого еще куда-то, но целки им никто не сломал… Теперь они пришли к «Сектору Газа» — это была их последняя надежда. Ну и почетную миссию лишения девушек невинности взял на себя Вася.

Кровью он перепачкал абсолютно все белье в номере. Но справился-таки. А потом за сорок долларов отправил этих баб на такси домой — куда-то в Каунас или в Юрмалу, не помню уже… Ну и наутро ему с прибалтийской вежливостью предъявили счет… Администраторы засчитали и то, что в одноместном номере ночевали три человека, и перепачканное белье, и многое другое… Так что, когда Вася увидел счет, то понял: все деньги, которые заработал в Риге, он в буквальном смысле проебал.

Алексей Ушаков — музыкант первого состава группы «Сектор Газа»

В общем, перенервничал я — кошмар. А что в результате? Так

как солиста не было, естественно, гонорар нам отдали не полностью.

Нам заплатили в два раза меньше, чем договаривались. Ради этого концерта мы приехали из Воронежа в Москву, там переночевали, потом из Москвы доехали до Риги, там тоже переночевали, а теперь нам заплатили столько, что это не покрыло никакие расходы. За свой счет, выходит, прокатились.

Мы приезжаем обратно в Москву, а Хой говорит:

— Где мои деньги?

— За что тебе-то деньги? За то, что ты два дня пил и опоздал на все самолеты?

Ну и началось. А-а-а! Вы воспользовались моим именем! Отыграли под вывеской «Сектора» и не хотите отдавать деньги! Короче, после этого я с «Сектором Газа» не работал.

Сейчас на сцену уже не тянет. Пройденный этап! Все это интересно до поры до времени. С одной стороны, много было увидено, много было пережито — и хорошего, и плохого. А с другой стороны… Жалко упущенного времени. Если бы я занимался не музыкой, а чем-то другим, то мог бы потратить время более толково. Я бы не увидел всей этой концертной суеты, всей этой эстрадной подноготной и, наверное, не пообщался бы с интересными людьми. Но зато каких успехов я мог бы добиться!

Сергей Савин — первый директор «Сектора Газа»

Был у нас одно время такой музыкант — Володя Родионов. И вот едем мы с гастролями по Уралу. Едем на «рафике» по тайге. В дороге, естественно, квасим. И остановились где-то посреди леса отлить по малой.

Все вылезли, сделали свое дело, залезаем обратно.

— Все на месте?

— Все!

— Тогда поехали.

Едем дальше, а где-то часа через полтора ребята вдруг вспомнили, что забыли Володьку. Ебтваюмать! Разворачиваемся и гоним назад. А вокруг — ни души. Мороз минус двадцать. И до того места километров сто! И вот мы едем, а навстречу нам бежит Володька. Спокойно так бежит, трусцой, в легкой курточке.

На гастролях «Сектора» ведь всякое бывало. И пили по нескольку дней подряд, и курили… Большая проблема была с девками, которых часто в гостиницу не пускали. Ребята им и инструменты давали — мол, это технический персонал группы, и по веревкам в окна затаскивали.

Я следил только за тем, чтобы перед концертом все были в рабочей форме. И надо сказать, первое время Хой держался. Деньгами распоряжался по-хозяйски. Выпивал, конечно, но и домой отсылал, и инструменты покупал. Себе синтезатор купил

— Roland D20, если не ошибаюсь… Деньгами он, короче, не сорил особо. А вот потом у него пошли кутежи…

Татьяна Фатеева — бэк-вокалистка группы «Сектор Газа»

Вообще-то я раньше пела у Куща — Игорька Кущева. А до этого окончила в Воронеже музыкальное училище. Однажды к Кущу на репетицию пришел Хой.

— О! У тебя девчонка в группе? Может, она со мной «Лавочку» споет? А то я уже многих подруг спрашивал — от текста все краснеют.

Дело в том, что в «Лавочке» все начинается поцелуями, а заканчивается — непосредственно интимом. Кущ на меня кивает — у нее спроси. Тут мы с Юрком и договорились. Репетировать он ни за что не хотел — сразу в студию, к микрофону. Когда я текст увидела, отступать было некуда. Так что спела и не моргнула.

В общем, так я и оказалась в составе «Сектора». Было, конечно, очень весело. Юрка с концерта придет: у него джинсы и жилетка потные насквозь. Он, усталый, снимет все, бросит, выпьет и с ног валился. Уставал он ужасно. А наутро весь его костюм колом стоит — вот-вот треснет! Когда он его на себя напяливал, все отворачивались. На такую муку смотреть было страшно.

У них ходила поговорка «Все вокруг — телки, а это — Танька!». За женщину меня там не признавали. Девчонок после концертов я им сама выбирала. Они вечно спрашивали — одобряю я их выбор или нет? А уж как девчонок в гостиницы протаскивали — это особый разговор. То ребята их гримершами назначат, то костюмерами, а иногда внаглую мной представляли: это, мол, и есть наша Таня Фатеева.

Самым большим плейбоем был Якушев — ударник во всех отношениях. Он в гостинице каждый раз сумку со всей дури на кровать швырнет и скажет:

— Здесь я буду жить и размножаться!

После концерта постоянно ко мне приставал: какую мне, Тань, сегодня отыметь — вон ту или эту? Я говорю:

— Бери любую, а лучше обеих сразу!

Он все просил: ну подойди к ней, спроси, пойдет со мной или как? Я сперва подходила, а потом сказала, чтоб сам шел. Надоело уже. Он подходит к девчонке, пристально смотрит в глаза и говорит:

— Давай я тебя сделаю!

Мы от смеха чуть не попадали. А ко мне после концертов парни с цветами и комплиментами подходили. И мужики солидные — замуж звать. Все это очень приятно вспоминать.

Игорь Аникеев (Кот) — бывший клавишник группы «Сектор Газа»

Но самые запоминающиеся гастроли у нас были на Дальнем Востоке. Юра заехал в Благовещенск — он в этом городе в армии служил. Заглянули и в его родную часть. Там, конечно, старых офицеров уже не осталось, а его казарма вообще была заколочена. Встретили его так, что даже майоры с полковниками выправку держали — им по кайфу было, что когда-то у них сам Хой служил.

Мы, короче, концерт дали, а потом зависли в этом Благовещенске на целую неделю. То ли погода нелетная была, то ли вообще самолетов не было. Короче, мы там прожили целую неделю и все это время провели в китайском ресторане. На крыше гостиницы был китайский ресторан, хозяин которого был преданным фанатом «Газа». Он, когда увидел живого Хоя, чуть не умер от радости.

Каждый день он таскал нас в этот ресторан и чуть ли не насильно кормил. На халяву, разумеется. Вот представляешь: девять утра, мы с перепою просыпаемся, а хозяин нас уже в ресторан тащит — завтракать. И понеслось гулянье — до самого вечера. Когда мы уезжали, мне, блин, эти креветки с водорослями уже поперек горла стояли…

Николай Митрофанович Клинских — отец Юры Хоя

Служил он на Дальнем Востоке. В танковой части. Водителем. Писал нам кратко: мол, служу, жив-здоров, все как всегда. Просил выслать печенья или конфет. Только потом мы узнали, что в армии его били азербайджанцы. А нам с матерью он не говорил, что его бьют. Мы это только случайно узнали, когда он демобилизовался.

Как-то к нам в гости двоюродный брат зашел. Ну, они сели, выпили. Потом пошли на улицу, а бабка их провожать пошла. Юрка к одному мужику подошел и спрашивает:

— Ты азик?

Тот говорит: «Да, а что?»

— Ух, сука! — И как саданул ему по физиономии! Бабка

кинулась разнимать, а Юрка кричит: — Как вы меня, суки поганые, били в армии!

Сергей Тупикин — экс-музыкант группы «Сектор Газа»

Ну, а что ты хочешь узнать? Вообще? Ты знаешь, я ведь темный алкаш. Тебе рассказывали?..

Каким я запомнил Юрика?.. Ну, я запомнил, как он менял, менял, менял музыкантов… Он все искал бас-гитариста, такого же, как Сергей Тупикин. Тупикин! Понимаешь? И не мог, бля, найти никого… В смысле, без выебонов этих… Слушай, налей выпить…

Помню, короче, отдыхали мы в какой-то гостинице. Люксовой. Уже не помню, бля, в какой… Ну, мы сели в номере Юрки, сидим, выпиваем. И я пошел в туалет. Возвращаюсь, а на моем месте уже сидит проститутка какая-то. Ну, не проститутка, а из этих — девки… Бляди из какой-то парикмахерской-хуяхерской или горничные — хуй их поймешь.

Ну, я этой проститутке говорю: «Блин, ты на моем месте сидишь!» А она: «Да пошел ты!» Я и говорю: «Пошла вон отсюда! Ты мне тут на хуй не нужна!» А она взяла меня и ударила по лицу. Тогда я взял стакан водки и вылил ей в рыло.

Беру второй стакан… Тут Юра взорвался и говорит:

— Охуел, что ли?

А я ему — да пошел ты со своими блядями! И он мне хотел в пятак дать. Но не стал… Хотя думаю, что если бы Юра хотел врезать, то, наверное, врезал бы… Короче, я обиделся и ушел в свой номер. А наутро Юра пришел мириться и поставил мне два ящика — пива там, водки…

Я ему:

— Юра, блин, что ты делаешь? Это ж проститутки! Бляди! Которые мне не хотели место уступать!

А он:

— Ну, извини, братан! Пьяный был…

Юрка — он вообще моим другом был, понял? Он добрым был, душевным человеком. Просто я хочу сказать, что тогда мы допивались до полной отключки мозгов. Блин, целыми днями в жопу пьяные ходили. И как только выступали?

Потом Юра искал такого же басиста, как я, и найти не мог. Никто, бля, не сможет сыграть, как я ему играл. И я этим горжусь… Но я все равно ушел из «Сектора». Просто потому что — семья… Семейные проблемы разнообразные. Жена, блядь, от меня ушла. Дочь мою фамилию не хочет носить. Понял?

А сейчас я работаю в Доме детского творчества. Радистом. Зарабатываю, бля, гроши. Бухаю… Тебя, бля, не смущает, что я

темный алкаш? Так про меня все говорят. Ну, налей еще, на хуй…

Сергей Савин — первый директор «Сектора Газа»

Расстались мы в 1994 году. По банальной причине — Юру перестали устраивать финансовые условия. Я забирал себе пятьдесят процентов от общей прибыли. Но при этом деньги я ведь не только себе в карман клал. Я делал рекламу, платил за кассеты, печатал афиши, договаривался с телевидением, — короче, вкладывал деньги в раскрутку. И если поначалу это всех устраивает, то потом обязательно наступит момент, когда артист уже не захочет делиться. Такое проявление звездной болезни.

У артиста, добившегося популярности, сразу становится много советчиков. Ему со всех сторон будут говорить, что менеджер его обкрадывает.

Подходит такой советчик:

— Юрок, а ты сколько стоишь?

— Две тысячи долларов за концерт.

— Да ты что?! Сейчас меньше чем за три тысячи никто уже не работает!

И артист верит этим случайным знакомым. А мне, который с ним работает уже пять лет, он не верит! И выставляет новую цену — пять тысяч долларов за концерт. А есть гастрольный график, есть договоренности… Все, короче, ломается. И потом, за две тысячи мы можем дать, допустим, 20–25 концертов в месяц, а за пять тысяч — только три-четыре концерта. Как следствие начинает снижаться популярность. Но звезде на это плевать.

Понимаешь, популярность артиста можно изобразить в виде графика. Сначала идет резкий подъем, но за ним — неизбежный спад. Если с этим не бороться, то популярность постепенно сползет вообще до нуля. И тогда раскрутить никому не известного артиста бывает проще, чем вернуть погасшей звезде былую популярность. Именно поэтому умные люди начинают вкладывать деньги в самих себя сразу, как только замечают спад. Тут ведь главное не допустить ошибок и удержаться на плаву. А на поддержание статуса необходимы деньги.

Посмотри на «Rolling Stones». Или на наших — Пугачеву и Леонтьева. Сколько лет на сцене, а ведь все еще популярны! За таким успехом стоит ежедневная работа по поддержанию своей звездности. А Хой на тот момент стал просто неуправляем. Он поверил, что при любых условиях способен собрать зал в триста человек.

Ну и все! Больше и не надо!

Я в тот момент работал еще и с певицей Анжеликой Варум. Продюсировал ее первые шаги. А Юра относился к этому очень

негативно. Хотя у «Сектора» и Варум слушатели совершенно разные, Хой меня к ней просто ревновал. Он считал, что деньги, заработанные на «Секторе», я вкладываю в раскрутку Варум. Ну и что с того? Ну, вкладываю… Это же мои деньги!

В общем, Юра потребовал пересмотра наших финансовых отношений. А меня к тому моменту работа с «Сектором» уже тоже не устраивала. Мне не нравилось, что у Хоя нет никакого прогресса. К середине 1990-х группа по сути превратилась в средство зарабатывания бабла. Ну и мы расстались.

Я же говорю — банальная история, которая случается с каждым продюсером и каждым артистом.

Часть 4
ДОРОГА У КАЖДОГО ВЫШЛА СВОЯ… (1995–2001)

12
«Пейте с нами!» (Альбом группы «Автоматические Удовлетворители". 1995 год)

Андрей Чернов — гитарист группы «Автоматические Удовлетворители»

Концерт в Киеве. Занавес открывается — на сцене группа «Автоматические Удовлетворители» в полном составе. Все сидят за накрытым столом. Публика сперва притихла, а потом начала шуметь. Товарищи музыканты не обращают внимания — ужинают. Пьют. Там же за столом — пара-тройка микрофонов. На народ в зале никто даже не смотрит. Пять минут все орут… десять… пятнадцать… Когда начинается совсем уж бурное недовольство, встаю я. Гитару типа включил, что-то сыграл и, как только они успокоились, сажусь назад… Прошло минут сорок, всем уже невтерпеж, понемногу начинаем играть. Но от стола стараемся далеко не отходить. Часть товарищей все равно сидит за столом, пьет и время от времени что-то подпевает в стоящие на столе микрофоны. Время от времени кто-то из нас уставал прыгать и просто возвращался за стол. На зал мы вообще не обращали внимания. Так концерт и отыграли. Мы мечтали, чтобы каждое наше выступление проходило бы именно так.

Игорь Сидоров (Котик) — гитарист «АУ»

Люди любят разбиваться на стаи и придумывать самим себе границы. Наклеим каждому на лоб ярлык, и всегда будет понятно, чего от этого человека ждать. Вот рабочий, он работает. Вот кинозвезда, он нравится телкам. Изначально панк был придуман для того, чтобы сорвать все ярлыки. Чтобы увидеть живых людей, разных и непохожих. Но очень быстро панк сам стал ярлыком. Все нарядились в униформу, выстригли себе ирокезы и стали просто еще одной стаей.

В «АУ» не было жестких рамок типа «Давайте играть, как „Sex Pistols"!». Если панк-рок — это просто полная свобода, то у нас эта свобода была. У тебя есть идеи? Тащи на сцену! Как одеться, как раздеться, любое шоу, полный отвяз и естественность, все, что присуще человеку, — все это мы могли вынести на сцену. Это было круглосуточное шоу. Мы не работали панками, а были ими.

И внутри группы тоже была свобода. Свинья никого никогда не напрягал, типа «А ты почему на репетицию не приехал?». Он

предлагал свои идеи, но никогда на них не настаивал. И если ему что-то не нравилось (например, одно время все вдруг начали тянуть в сторону «тяжелого металла»), то он не говорил: «Я это петь не буду!»

Он ни на кого не давил. Он просто пассивно избегал того, что ему не нравилось. Напивался или мог сорвать репетицию. У него были какие-то свои ходы.

Вообще Свинью интересовало только творчество, а административной деятельностью занимались другие — Чернов или Дубов. Ему звонили из клубов и предлагали сыграть. Он говорил — «Да!» или «Нет!» — и больше никакие организационные моменты его не касались. Чтобы разговаривать с клубами, нужна жесткость, а он не был жестким. И беспределов он никогда не устраивал — не ломал инструментов, не дрался, никакого разрушения. Он всегда говорил, что умеет только получать: после каждой драки нос у него сворачивался то влево, то вправо. Он просто делал то, что естественно человеку, а если человек в чем-то естественен, то это не беспредел.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

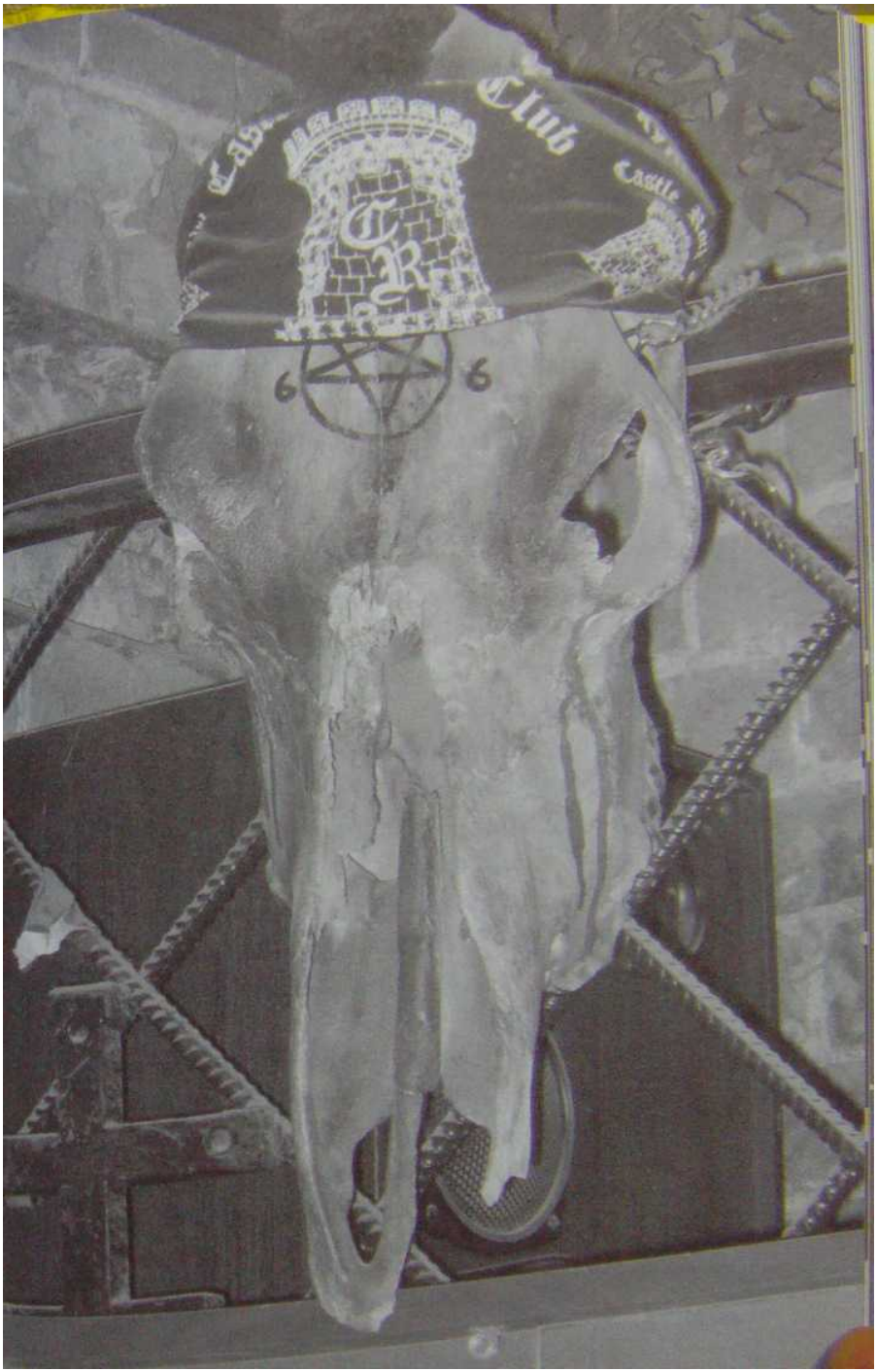
Со Свиньей я познакомился, когда он работал в Выставочном зале «Манеж», а с ним вместе работали Морозов и Титя. Думаю, им просто не хотелось далеко уходить от репетиционной точки. Располагалась их точка тогда ровно напротив «Манежа». Там

стоит такой огромный офис городской прокуратуры, а в прокурорском подвале «АУ» как раз и репетировали. Изначально это был какой-то склад, но в нем уже давно ничего не хранили.

Я тогда тоже болтался в этом районе. И несколько раз заскакивал к ним на точку, чтобы глянуть: вдруг пьют? То есть с Андреем мы уже тогда были знакомы. Потом я как-то болтался по Рок-клубу и искал, с кем бы скинуться, а Свинья тоже искал, и мы тогда выпили, поболтали. Так происходило несколько раз. Я стал заезжать к нему в гости, мы выпивали и общались. А потом он как-то попросил меня подыграть.

То есть в группу я попал случайно, но в то же время и закономерно. Ну, так все и покатилось. Ковыряться с аппаратом мне всегда нравилось. Тогда мы были молодые, энергичные, и ничто не было влом, как сейчас. С первого дня я стал добиваться приличного звука. Даже на репетициях: если плохой звук, я сразу отключал гитару, потому что лучше уж на невключенной играть. Ну и концерты тоже пытался организовывать.

Первые гастроли, которые я устроил, были в Выборге — это на севере Ленинградской области. Причем Свиньи там даже не было. Он даже до вокзала не доехал. Пели тогда я, Дубов и Ослик — втроем, оттопывая ножками. Со стороны, наверное, это выглядело как «Beatles»: по куплету — хором, по куплету — хором.



При этом слава «АУ» бежала впереди нас. Куда бы мы ни приехали, на нас уже заранее смотрели как на отморозков. Народ был готов увидеть реальных монстров. О нас рассказывали такие вещи, которых и в природе-то не было. Непонятно даже, кто и

зачем все это придумал. Где-то что-то разик вытворили (например, голышом попрыгали по сцене) — ну и все! После этого во всех городах администрация залов нас заранее предупреждала:

— Ребята! Мы слышали, что вы каждый концерт догола раздеваетесь и всем, чем можно, трясете. Так вот у нас этого, пожалуйста, не надо!

А в Волгограде нам просто выставили ультиматум, чтобы мы не раздевались. Никто и не собирался этого делать, но когда выставили ультиматум, разумеется мы начали раздеваться прямо на первой песне!

Из Волгограда мы ехали — жара ужасная. Я достал билет в депутатский вагон, а нас оттуда высадили! Причем ни за что по большому счету. Мы в тот раз даже не пили. Конечно, чемодан у меня был полностью забит портвейном. Но мы очень устали накануне, легли в поезде и сразу заснули. Единственное, все были голые. Кто-то, видать, выходил, стопор в купе не включил — дверь и открылась…

Проводница была в шоке. Тут депутатский вагон, в туалете — три вида зубной пасты, кофе с коньяком, вагон непроходной. Проводница сказала, что мы пьяные и устроили дебош. Пришли менты, стали всех выводить. Если бы они могли меня разбудить, может, ничего бы и не было. Но они меня за ногу дергают, а я им: «Иди на хуй!» — и р-р-раз ногой!

Меня начинают стаскивать. Я: «Не понял?[1].» Вскакиваю, но тут смотрю, вокруг все в форме.

— Собирайте вещи и на выход.

— С какого хуя? Никуда не пойду!

Довольно проблематично было бы меня высадить. Но я смотрю: все остальные уже на платформе. Оказывается, менты уже полчаса поезд держали — меня будили. Когда нас в отделение отвели, я там понес:

— На каком основании нас задержали? Я сейчас всех вас посажу!

В итоге нам сделали бесплатные билеты, посадили нас на плацкарт какой-то… Вообще, нас частенько ссаживали с поездов…

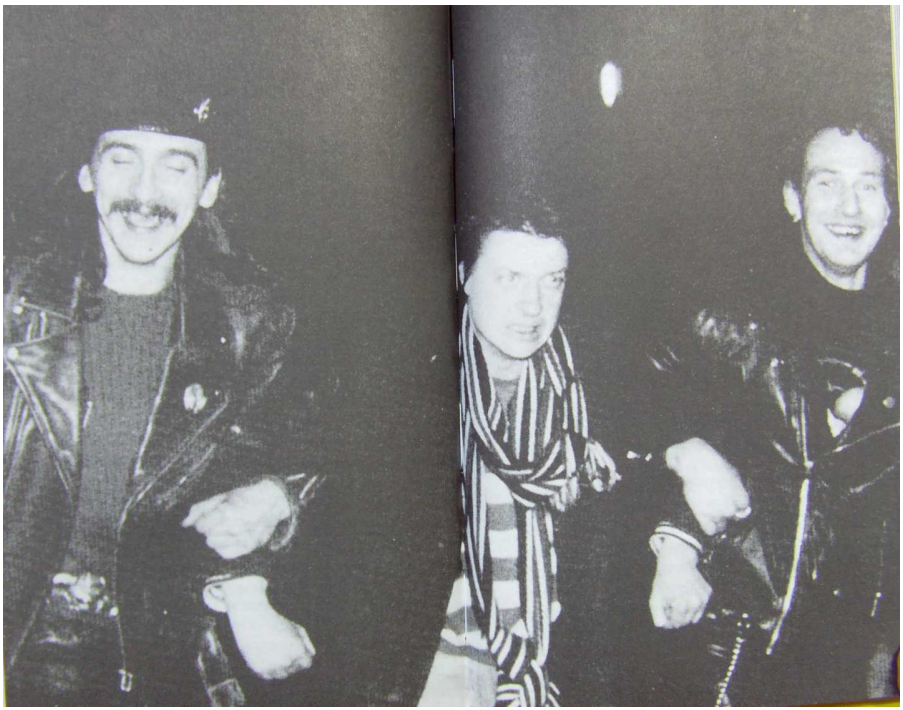
Андрей Васильев (Партизан) — музыкант «АУ»

В России смешно говорить про панк-рок. У нас все люди от рождения панки. Но если была у русского панк-рока своя легенда, то это как раз «АУ». Они первыми все это дело начали и вели себя так, что их до сих пор переплюнуть никто не может. Сколько директоров поснимали за выступления «АУ»!.. Как ни пытались

сделать из Свиньи конфетку — ничего не получилось. У него изначально все было честно и искренне. Хотя очень сложно устоять, когда суют деньги, предлагают действительно большие площадки и со всех сторон говорят, что вы — звезды континентов.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

Как-то мы поехали на концерт в Москву. В составе были я, наша басистка Мява и еще кое-кто. Всего насчиталось человек восемь.



Приехали в клуб «Бункер». Нажрались там со страшной силой еще до концерта. Когда после выступления стали собирать группу, чтобы увезти хотя бы на такси, — не получалось. С каким-то неимоверным трудом то одного, то другого выводили, но пока вытащат одного, другой ползком назад: в клубе бар был очень хороший. С горем пополам приехали к своему общежитию, а там закрыто. Все. Второй час ночи.

Как всегда, стали ломиться и все крушить. Я пытался выбить дверь, но она оказалась очень крепкая — не получилось. Тогда мы начали стучать по подоконникам палками. Товарищ один по водосточной трубе полез — чуть шею не свернул. А Андрей лег в кусты и сказал:

— Я и здесь могу жить!

С нами тогда была девушка Настя, которая до этого вообще

не пила. А в этот раз, после приезда в Питер, подружки спросили ее: «Что было?», и она ответила: «Не знаю». Мы напоили ее в первый же день пути, еще в поезде, и потом так и не давали прийти в себя. Так вот. Она порвала пачку «Беломора» и думает: «Чего мужики шумят? Проще поджечь». И подкладывает ее под деревянную дверь, поджигает.

Самое главное, что дверь начала гореть. А в это время кто-то пошел в кусты и обнаружил другой вход, который открыт. Ну, мы все туда и пошли. Только один, более или менее трезвый, обернулся и смотрит — дверь-то уже серьезно взялась. Вроде как спать в гостинице, которая горит, не с руки. У меня с собой еще бутылка вермута была. Вина у нас было — ну, немерено. Оно уже просто текло у нас изо всех ушей. И я стал поливать дверь вермутом, пока не потушил.

Вошли мы туда — уже был третий час ночи. Разбудили тетку на вахте — давай записываться. Вместо своих данных я написал — Изя Шварцман. Она порвала визитку, я снова пишу то же самое. Она порвала и опять мне дает.

Я стал возмущаться: что ж это такое?! Она говорит:

— Ну какой ты еврей?

Я показываю загранпаспорт, а там на латинском: «Chernov». Я ей говорю:

— По-русски — Чернов, а по-нормальному — Шварцман. Это моя девичья фамилия.

Она все уговаривала:

— Ну, посмотри на себя! Ну какой ты еврей!

Пришлось расстегнуть штаны и доказывать:

— Смотри, тетя! У меня даже обрезание есть!

Дежурная реально грохнулась со стула и стала быстро всех оформлять. Среди нас нашелся всего один человек, который еще хоть как-то соображал и мог держать ручку в руках. Поэтому нас записали всех единой строкой: гражданин Самусик и с ним группа из восьми человек.

Андрей Васильев (Партизан) — музыкант «АУ»

В то время я как раз начал играть в группе «ДДТ». Но мне позвонил Миша Дубов и сказал:

— Кончай херней заниматься! Давай дело делать!

И я вместе с «АУ» поехал в Москву на фестиваль

«СыРок». Андрей играл на гитаре. Весь концерт он проиграл на ноте «ре» и получил грамоту «За верность жанру».

Он был пьян в ноль. Ему говорят:

— Иди! Пой! Пора!

А он говорит:

— Пошли в жопу! Сначала напоят человека, а потом петь заставляют!

С обывательской точки зрения — никто никогда в этой стране хуже не играл. Но Андрюха был вот таким… Из него хотели слепить отрывного негодяя, хулигана, пьяницу, алкоголика, но света и радости в нем было больше, чем чернухи. Он вообще был очень светлый человек. Живет как хочет, играет как хочет… Панк как стиль музыки и панк как стиль жизни — для него это было одно и то же.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

Состав группы менялся постоянно. Как-то Свинья сказал мне:

— «АУ» это мы с тобой. Все остальные — просто проходные люди.

Мы никому не отказывали. Брали в группу всех. Разик репетнули и поехали. В Волгоград, помню, отправились вообще без единой репетиции. Тогда мы и думали-то только о том, где бы выпить и на что. С нами отправились два человека, которые до этого и вообще о группе не слышали. Это Костик, бывший барабанщик «Скорой Помощи», и Саша «Блэкмор».

Оба они были волосатые. Как только поезд тронулся, я им предложил:

— Давайте подстригу!

Они:

— Не! Ни фига!

Я говорю:

— Сейчас заснете, я все равно вас обкорнаю! Все равно лысые сделаетесь!

И они долго-долго не спали. На каждой остановке

вскакивали. Соответственно, днем они заснули прямо вниз мордами. А лица у них были опухшими от чая, потому что выпить не было — с утра до ночи пили чай. Ну, и когда пришла милиция, то меня они даже не трогали. Я выглядел так, что было ясно: лучше не лезь. А на их опухшие рожи посмотрели и давай тащить все вещи, осматривать все…

В провинции к пьяным вообще плохо относятся. В Минске, например, очень строго — сразу забирают. Мы шли с Андреем изрядно пьяные на концерт… Там все дешево: здесь бутылка гадкости стоила тысячу, а там за 900 рублей можно купить трехлитровую банку отличного молдавского вина[8]. Мы баночку взяли… Еще с утра бутылок десять пропустили на двоих… Идем с банкой, как сок попиваем… Подходят милиционеры. Я сразу спьяну стал орать, что иностранный гражданин, сую им весь изрисованный и измятый загранпаспорт:

— Вы не имеете права! Без консула я с вами даже разговаривать не буду!

А Андрей опустился на колени и давай им за ноги цепляться:

— Ну, заберите меня! Ну, заберите меня!

Эти бедные белорусские менты прокляли все на свете. Они потом бежали от нас по улице и не знали, как отвязаться от двух пьяных русских идиотов. Сразу после концерта группу мы отправили домой, а сами остались пьянствовать еще недели на две… или даже на три.

Олег Коврига — московский независимый промоутер

У него была басистка, Мява, к которой он относился очень

хорошо и часто про нее вспоминал:

— Дней за десять до того, как она померла, я ей говорю: «Слушай, если ты будешь так продолжать и дальше, то скоро помрешь». Она со своим мужчиной постоянно употребляла. Точно не помню, но, по-моему, речь шла о сочетании каких-то сильных наркотиков со всем остальным вместе взятым. Ну и потом как-то просыпаюсь, смотрю: Лия Петровна подходит, садится ко мне с таким видом… Я ей говорю: «Мява, что ли, померла? Так и скажи».

Если помер, значит, сдох —
И нельзя придумать лучше
Отвратительный кобсдох
В развеселой нашей куче…

Валера Морозов — барабанщик «АУ»

— Как ты думаешь, почему Свинья нашел воплощение своего таланта именно в панк-роке?

— Это, в общем-то, юродство. Свинья — очень трогательный, очень хороший человек. Но это самый настоящий наш, русский юродивый. Такое словами не передашь. Я вот — профессионал. Могу сыграть что угодно. А Свинья — это такая жизнь…

— Что тебе запомнилось из того периода, когда ты играл в «АУ»?

— Когда мы первый раз выступали в Рок-клубе, все обоссались просто от одного вида. Когда мы сыграли, Гриня Сологуб из группы «Странные игры» сказал: «Вы ребята серьезные!» Они все перессали. Для них это было ужасно. Это было очень круто. Все опухли. И в Москве было так же. Так было всегда. Где бы мы ни были — хоть в Тюмени, — нас всегда принимали «на ура». Потому что группа была настоящая. Мы себе не врали никогда. Это главное. И толпа визжала, само собой. Главное, чтобы самих себя удовлетворить. Так и назывались — «Автоматические Удовлетворители».

— Какие-нибудь интересные моменты можешь рассказать?

— Водка. Похмелье. Водка. Опять похмелье.

13
«Претензии не принимаем, тел. 1975195» (Альбом группы «Автоматические Удовлетворители». 1995 год)

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Однажды я провожал Свинью на вокзал. Он ехал из Москвы домой в Ленинград и был в состоянии выхода из очень жесткого запоя. Чувствовал он себя очень плохо. Пил совсем по чуть-чуть, только чтобы хоть как-то передвигаться. Мы шли так медленно, что он сел в поезд уже в последнюю минуту. Зачем-то сказал проводнику, что не пьяный, хотя никто его в этом и не подозревал.

С собой я на всякий случай дал ему бутылку сухого вина. В поезде он ее выпил и заснул. А во сне эта бутылка из него и вышла. Потом Свинья рассказывал:

— Там были какие-то мужчины военной национальности, которые заставили меня все за собой убрать. И они были безусловно правы.

…

В 1980-х Свинья стал первым панком страны. И почти десять лет он был самым главным панком страны. А потом наступили совсем другие времена… Страна изменилась, всех стали интересовать совсем другие вещи. И то, что раньше казалось важным, теперь не стоило ничего.

Может показаться, что в 1990-е жизнь у Андрея состояла из сплошных обломов. Как автор и как артист он ведь остался совершенно нереализованным.

Он мог бы сниматься в кино. И выступать на больших площадках. Мог, в конце концов, просто играть концерты с нормальным звуком, которые можно было бы нормально снять на видео. Но ничего этого не случилось, а ведь он очень хотел! Он мог записать еще десять или двадцать альбомов, которые были бы намного лучше, чем те, что уже вышли. И мы собирались это делать! Он хотел играть концерты, записывать альбомы, но совершенно не собирался жертвовать ради этого своим образом жизни. И остался самим собой до конца.

В мае 1997 года он выступал на «Горбушке» перед «The Toy

Dolls». Это был большой панк-фестиваль, на который специально приехали «Stranglers». Я рассчитывал, что этот концерт станет для Свиньи трамплином. Что он отыграет так, как умеет это делать, а ведь на сцене равных ему не было. Однако в тот день Свинья умудрился так нажраться, что за полчаса до концерта лежал трупом. Его еле подняли с помощью нашатырного спирта. Естественно, ни о какой энергии речь уже не шла. Я злился ужасно. Хотя парень, в общем-то, остался верен себе.

Может, из-за того, что Лия Петровна так оберегала его, Свинья долго оставался ребенком — и не всегда в лучшем смысле этого слова. Он не видел никакой трагедии в том, что время идет, а ему по-прежнему ничего не светит.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

Андрей был маленький потерявшийся мальчик. А все остальное, всякие шутки и приколы — это чтобы отгородиться, чтобы его оставили в покое. Когда он учился в школе, то был толстым, а его друг Кирилл «Хуа Гофэн» был на девочку похож. И их обоих постоянно били. Поэтому он и стал таким Свиньей.

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Вообще-то он хорошо относился к людям. Специально гадостей никому не делал. Другое дело, что если уж ты с ним связывался, то дальше приходилось постоянно расхлебывать: следить, чтобы его не забрали, чтобы он не писал в клумбы, не нажрался до начала концерта, и все такое.

С мамой, Лией Петровной, у него были отношения самые дружеские и теплые. Если бы не она, он бы давно отправился в «небесную биллиардную». Насколько я понимаю, она совершенно не давила на него, не пыталась перевоспитать, а просто как могла берегла. Бежала встречать его на вокзал к шести утра, чтобы он не попал в менты, если приедет пьяный. Аккуратно выводила из запоев и всегда нормально кормила. Для моих ленинградских знакомых это редкое явление. Там, в основном, любят вместо обеда пить чай — иногда совсем пустой.

…

В свое время Задерий[9] под запись своего нового альбома выманил у меня 300 долларов, полученные из Фонда Сороса, и благополучно их пропил. Когда Свинья об этом услышал, то воскликнул:

— Ну вот! Где же я-то был?!

Он сам в этом смысле был весьма щепетилен. Если он требовал «оказать морально-материальную» поддержку, то

означало это всего лишь купить бутылку. В этом отказать ему было сложно. Но реальные деньги он брал у товарищей только в самых экстремальных случаях и относился к ним бережно.

— Если можешь, пришли триста рублей…

— А тебе они очень нужны?

— Ты же знаешь, что если бы не очень, то я бы не просил.

И я действительно знал, что если он просит, то дома у них сейчас есть нечего, а эти триста рублей он должен в магазин, который давал им с Лией Петровной еду в кредит.

Лия Петровна Панова — мама Свина

Как-то друзья пригласили его и Панкера в ресторан. Уже поздний вечер, а Андрея все нет. Я звоню Панкеру:

— Где Андрей?

— Не знаю. Он сидел с нами, а потом вдруг исчез. То ли в туалет пошел, то ли еще куда, но исчез.

А уже часа два ночи.

Звонит моя подруга:

— Андрей у нас. Он весь избит. Мы его хотим оставить, а он ни в какую. Хочет идти домой.

Я открыла дверь квартиры. Ну, приоткрыла чуть-чуть, думаю, вдруг, пока его били, ключи у него выпали. Или отобрали их… И пошла к подруге забирать сына. А дверь оставила открытой, потому что не знала, с какой стороны дома он пойдет. Мы могли разминуться.

Но мы не разминулись. Я обежала дом и увидела Андрея на той стороне дороги. Встретила его, перевела через дорогу. Избит он был страшно. Поднялись на наш этаж. Он подошел к двери, остановился.

Я говорю:

— Не бойся! Это я открыла дверь.

Он думал, что те, кто его бил, пришли к нам домой. А все было так: он вышел из ресторана, и тут на него на- бросились какие-то жлобы. Наверное, специально поджидали. Без всякого повода начали избивать.

— Я лежу, — говорил Андрей, — и чувствую, что все уже, хватит. Так они могут меня и до смерти забить…

А он был в кедах. Он давно в кедах ходил, чтобы легко было бегать. Он поднялся и побежал. А те жлобы были пьяные, отстали. Он бежал через парк Победы, спрятался в кустах, и они его потеряли.

Леша Старых — владелец рок-н-ролльного магазина «Дохлая Рыба»

Однажды он пришел зимой, в феврале, абсолютно голый, свататься к моей жене. Бабушек на улице едва до инфаркта не довел. Но в мою квартиру не попал — промазал. Поднялся двумя этажами выше и оказался у Васи из «Рок-н-ролл — Сити». Тоже было весело. С ним вообще всегда было весело.

Я не очень хорошо его знал: панк-роком я не интересовался. Слышал, что есть такая группа «АУ» и что стоит она довольно крепко, но это, пожалуй, все. В основном он приходил ко мне со своими дисками, чтобы продать их подешевле и поиметь каких-то денег — на еду, выпивку и вообще. Да только диски его шли очень плохо. У меня в магазине публика немного другая. Но я все равно их покупал. А потом поинтересовался — почему такой известный парень не может найти себе продюсера и раскрутиться по-хорошему? Заработать хоть немного денег?

Его последний альбом получился тяжелый, хард-роковый. Он открыл совершенно новый пласт: модная, чисто западная музыка с отмороженным панковским текстом. Мне кажется, что если бы он закатал еще один такой же альбомчик, то им бы наверняка заинтересовались «большие» продюсеры. Но записать он больше ничего не успел.

Олег Коврига — московский независимый промоутер

В студии «Мизантроп» окно в аппаратной выходило на

пожарную лестницу. В хорошую погоду мы перелезали по этой лестнице на крышу соседнего дома и загорали.

Однажды мы с Элей лежали на этой крыше и смотрели, как Свинья мается и бродит по студии. Делать было нечего, накладывать голос было еще рано, но ему вдруг захотелось спеть. Он подошел к открытому окну и начал петь под уже записанный инструментал. И пел с полной отдачей, а мы смотрели в полном восторге, и я помню, подумал: «Неужели сейчас все это кончится и уже никогда не повторится?»

…

Как-то мы сидели на кухне — и Тропилло долго, упорно и с большим энтузиазмом учил меня жить. Настаивал, что я все делаю неправильно. А я по мере сил отбивался.

Свинья наконец не вытерпел:

— Слушай, он хочет, чтобы ты сказал: «Да, я — мудак!» Скажи — и он успокоится. Я вот могу свободно сказать про себя: «Да, я — мудак!» Что тут такого?

Он очень иронично к себе относился. В этом Свинья был настоящий панк. Только думали так, похоже, не все.

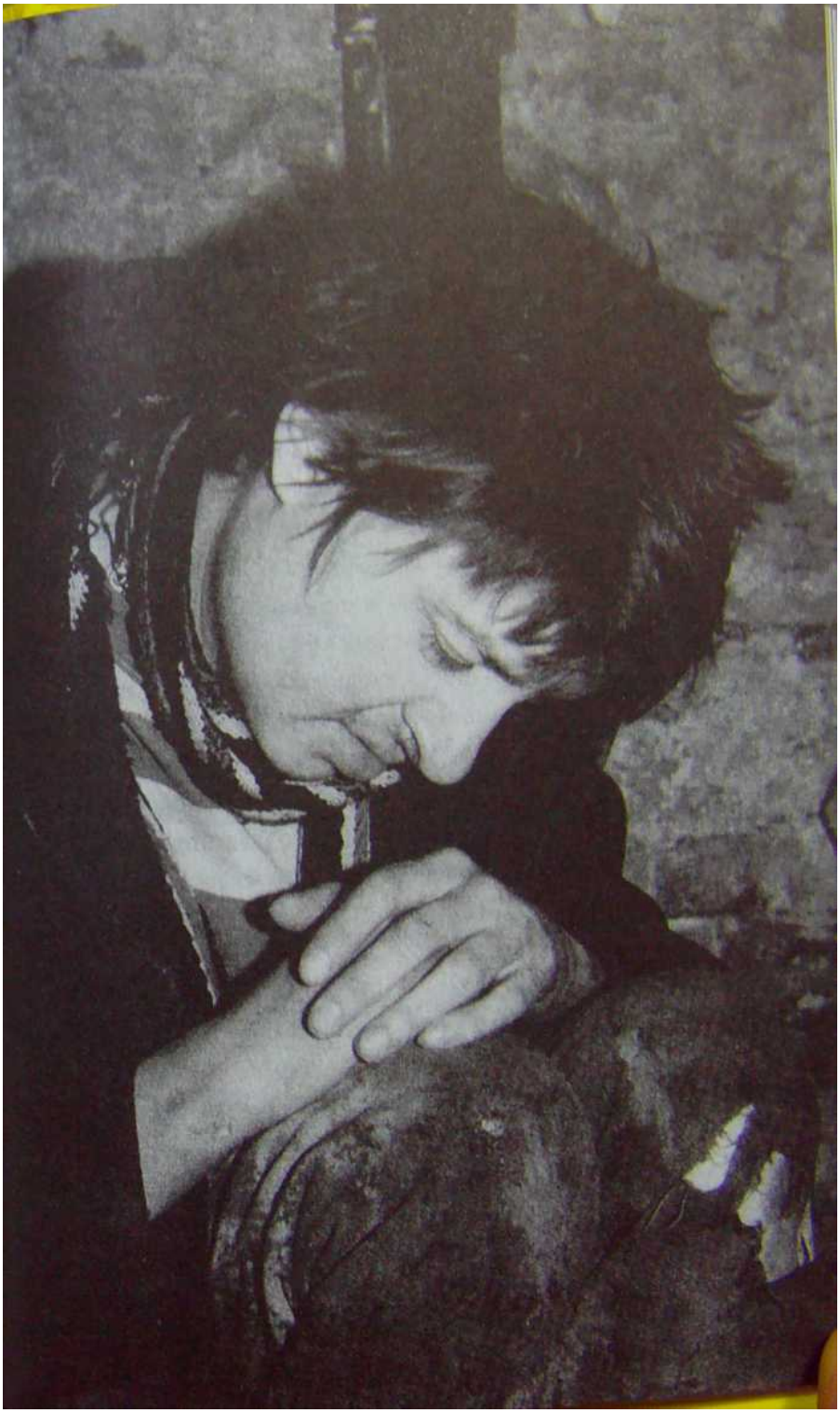
Его хоронили в крематории. Тетя, которая вела процедуру

прощания, стала скорбным голосом завывать, что от нас ушел примерный сын и заботливый отец… что наступают самые скорбные минуты… и все такое. Я абсолютно не собирался ничего говорить, но тут стало ясно: если сейчас промолчать, то с этими словами нашего парня и увезут. Как будто это не он, а какой-нибудь член профсоюза. И я раскрыл свой рот и сказал что-то типа:

— Да что мы тут устроили?! Что мы тут стоим и жопы криво морщим? Ведь все-таки это не кто-нибудь, а главный Петрушка Советского Союза!

Тут подбегает кто-то из фанатов «АУ» и бьет меня прямо по рылу. Его, конечно, тут же оттащили, а Тропилло отвел в сторону меня. Потом, когда мы уже вышли на улицу, я вдруг начал рыдать у Тропилло на широкой груди, говорить, как я его люблю и что в Петербурге живут очень хорошие люди, только при этом часто они оказываются полными мудаками, которые сидят на жопе и ничего не делают, но вот он, Тропилло, — исключение и к мудакам не относится. А он меня утешал. Говорил, что про главного Петрушку я был абсолютно прав и кто-то все равно должен был это сказать.

Оно, конечно, со Славой Жеревчуком и Лией Петровной мы в тот день выпили уже с утра. Да и сформулировал я, может быть, не очень удачно. Потому что если бы я сказал не «Петрушка», а «главный панк Советского Союза», то, думаю, морду бить мне бы никто не стал.



...

У Славы Жеревчука Свинья последние годы жил в Москве. После совершенно безумной записи «Праздника Непослушания» нервы у Славы не выдержали, и он стал орать:

— Все! Заебали! Кроме Свиньи и Джонни, больше никого не пущу!

— Но ведь со Свиньей у тебя сложностей никак не меньше, чем со всеми остальными?

— Так ведь это совсем другие сложности!

И я со Славой совершенно согласен. Свинья мог спалить чайник или описаться в кровати — у него были больные почки. Да и вообще, ожидать можно было чего угодно. Но это действительно были совсем другие сложности. И по большому счету по отношению к нам со Славой он совершил только один действительно нетоварищеский поступок — это то, что он помер.

А на похоронах в продолжение моей клоунады Слава выдал свою. Когда все пошли прощаться, он подошел к гробу, взял парня за плечи, потряс его (так, что народ испугался, что гробешник сейчас свалится) и сказал:

— Андрюха, вставай!

…

Свинья говорил: больше всего он боится, что не сможет делать двух вещей: пить и петь. Так что можно считать, самого страшного с ним не случилось. Но поскольку для меня он, прежде всего, был не автором и не артистом, а товарищем, то мне его не хватает. Скучаю я без него.

На самом деле я как-то не чувствую, что парень действительно помер. То, что умерли Майк Науменко и Саша Башлачев, мне понятно. То, что умерла моя мама, мои бабушки и еще множество людей, я тоже понимаю. Вернее, не понимаю, а ощущаю. А здесь почему-то нет никаких ощущений. Недавно он мне в очередной раз приснился. Будто мы с ним сидим за столом — и он вдруг говорит:

— Слушай, говорят, я тебе снюсь часто?

— Ну, да. Снился раз пять.

— Да-а… Странно.

И без особой грусти. Просто с чувством легкого удивления.

14
«Наркологический университет миллионов» (Альбом группы "Сектор Газа") 1997 год)

Сергей Кузнецов — директор отдела артистов и репертуара компании GALA-Records

В 1997 году Юра Хой выпустил альбом «Наркологический университет миллионов». После этого все как раз и началось…

Прежде никаких проблем с наркотиками у Юры не было. А после «Университета» — появились. Свою тогдашнюю подругу Олю он устроил работать официанткой в ночной клуб. Там Оля первая попробовала героин и потом уговорила Юру тоже попробовать. Когда я приезжал в Воронеж на похороны, то говорили все только об этом: об Оле и о том, что это она посадила Юру на наркотики.

Андрей Дельцов — звукорежиссер группы «Сектор Газа»

После записи альбома «Наркологический университет миллионов» у Хоя начался творческий кризис. С компанией GALA-Records у него был контракт на выпуск десяти альбомов. Этот был седьмым, и дальше Хою совсем не писалось.

Вот представь, что ты женщина и платят тебе только в том случае, если ты родишь. Раз в год тебе надо кого-то родить, а тебя никто не трахает! И как тут зачать, если нет секса? Но при этом ты знаешь: никого не родишь, останешься совсем без денег. И вот ты сидишь и ждешь, когда ж тебя наконец кто-нибудь поимеет? Кто-то, понимаешь, должен эту женщину трахнуть. Вот все это вместе и называется вдохновением.

Хой сидел и ждал вдохновения. А его не было. Ничем другим он заниматься не желал, а заниматься музыкой больше не мог. Вот туг в его жизни и появились наркотики.

Понимаешь, когда делать нечего, подсесть можно на что угодно. Ничего не делать — но ведь очень трудно. Раньше Хой мечтал, чтобы ничего не делать, а ему бы за эго еще и деньги платили. Такая русская национальная мечта. Он во всех интервью повторял: именно к этому он всю жизнь стремился. Но, когда мечта исполнилась, для Хоя это стало кошмаром.

Он говорил мне:

— Андрей! Как здорово, что ты каждый день куда-то ездишь! У тебя есть работа на радио, что-то еще…

Я отмахивался: «На воронежских радиостанциях тогда и денег-то не платили». А он все повторял: «Да какая разница? Есть деньги, нет денег — главное, чем-то заниматься! Не сидеть просто так, а делать дело!»

— А я вот, — повторял Юра, — вообще ни хера не делаю. Нигде не работаю…

Конечно, были еще и гастроли. Но после 1993 года у «Сектора» уже никогда не было много концертов. Особых доходов Хою это не приносило, но его эти деньги устраивали. На жизнь хватало, и ладно… По-моему, он понял, что достиг потолка, и рваться куда-то вверх ему больше не хотелось…

Кончилось тем, что Юра родил альбом «Наркологический университет» и сразу после этого ушел к наркотикам. Теперь у него была подруга Оля и друг героин. Больше Юру ничего не интересовало.

Если бы он жрал ЛСД, его бы, наверное, глючило и в гости к нему приходили бы вампиры или любимые мертвяки. Но Юра стал употреблять героин, а это ведь смерть. Сперва «герыч» он нюхал. Потом такой способ устраивать его перестал, и они с Олей начали колоть друг друга внутримышечно — в задницу. Ну, а от задницы недалеко и до вены.

Наркоманами становятся для того, чтобы умереть… Хотя рождаются-то для чего-то совсем другого. Время от времени Юра ложился подлечиться. Но я еще не встречал ни одного наркомана, который бы на самом деле желал избавиться от своей зависимости. В больницу наркоманы ложатся не для того, чтобы вылечиться, а чтобы сбить дозу. Когда он понимает, что даже десять кубов его уже не берут, становится ясно, что пора чистить кровь. Но только для того, чтобы потом начать по новой.

Времена сменились. И прежние герои начали понемногу исчезать. 1990-е стали очень сложным временем. Помнишь, я говорил про свое первое впечатление от Юры? Тогда мне показалось, что он человек не от мира сего. В творческом плане он был очень сильный и делал то, что мало кому удавалось. Но перед обыкновенными человеческими проблемами, в которых любой Шариков соображает, он оказался невероятно слаб… Такой вот был парень.

Николай Митрофанович Клинских — отец Юры Хоя

А потом у него пошли неприятности еще и с этими бабами. Запутался он в них. А они его все окручивали, жизнь ему портили! Ох уж эти женщины!..

Сегодня процентов семьдесят — нехорошие женщины. А хороших-то где же взять? Трудно таких найти… Короче, нелегко

ему было…

Ольга Самарина — последняя подруга Юры Хоя

С Юрой я познакомилась на большом концерте в Лужниках. Я тогда только-только в училище поступила. Училась на кондитера, а у одной одногруппницы мама в Лужниках работала. Вот она нас бесплатно и провела.

Юра Хой с женой Галиной

На концерт мы пошли втроем: я и две мои подружки из ПТУ. Стоим, музыку слушаем. А тут подходит парень:

— Девчонки, хотите познакомиться с «Сектором Газа»?

Я тогда ничего про «Сектор» и не знала. Это был 1991 год. Юрка в Москве только начал появляться… Мы с подружками переглянулись: а чего? Делать-то все равно нечего… В общем, пошли с этим парнем, познакомились с группой, остались у них.

Это было где-то в начале апреля. И через день была Пасха. Юра мне сказал:

— В Воронеже я на Пасху всегда хожу на кладбище, к деду с бабкой. А в Москве у меня и нет никого. Давай встретимся, хотя бы в церковь сходим…

Мы встретились, сходили в церковь, погуляли по Арбату. Потом заехали к нему в гостиницу «Орленок» — там у них была студия. А у меня 13 апреля был день рождения. И я всю группу, всех, кто там сидел, пригласила к себе. На день рождения пришло очень много народу, но в основном какие-то левые ребята. Юра прийти не смог. Только вечером мне сказали, что он заболел и уехал в Воронеж. Мне его так жалко стало: все бухают, а он…

Потом он выздоровел, снова приехал в Москву, позвонил… Мы начали встречаться. Разницы в возрасте я вообще не чувствовала. Зато чувствовалось, насколько он избалован женщинами. У него в Москве уже была квартира, и туда постоянно кто-то звонил. Первый месяц там девок была — целая куча!.. Однажды я прихожу к нему в гости, а там — бардак: бутылки пустые валяются, все разбросано… И сидит какой-то парень.

— Блин, — говорит, — совсем замучили! Вчера Савин приехал, девок притащили. Всю ночь бухали и трахались…

Я в шоке! Вечером опять приезжаю к Юрке. Мы с ним сходили погуляли, потом сели поужинать, выпили немножко. И у меня все вскипело:

— Значит так, Юра! Я больше не могу! Ты тут баб водишь! Трахаешь их! Не могу так! И ты мне больше не звони!

Повернулась и стала уходить… А он меня догнал, обнял, не пускает.

— Оля! — шепчет. — Я ж просто не знал, что у нас с тобой все так серьезно! Даже и не думал…

В общем, уговорил он меня остаться. И мы стали жить вместе. Родители мои спрашивали: как же ты с артистом связалась? Они, мол, все такие… А потом, когда мама Юрку поближе узнала, то сказала — ладно, живите…

Юрка — он ведь всем нравился. Очень простой и добрый. Совсем не такой, как москвичи. Было время, когда я эту столицу и москвичей сраных просто ненавидела! Особенно ребят — за все их пальцы растопыренные, за все их понты бандюковские… А Юрка был простой. Его все знакомые так и звали — Юрец. Ему бы

нос задирать — звезда, туда-сюда… А он так и не изменился.

Его директора машины и квартиры себе покупали, а он никогда даже не спрашивал: почему я-то копейки получаю? Да что там деньги… Он и своим внешним видом-то не особо занимался. За Юрой никто никогда не следил: что он носит, как одовается? Одет, и ладно. Но когда мы начали жить вместе, я его сразу на рынок в «Измайлово» свозила. А там — шелковые рубашки, штанишки легкие…

Я уговорила его примерить. *Он* надел и говорит: «Как легко! Мне нравится!» И с тех пор летом только в них и ходил. Потом он стал и жилеточки носить, и джемперочки… На концертах он после этого даже не переодевался. Говорил, что «Сектор» слушают из-за песен, а не из-за внешности…

Николай Митрофанович Клинских — отец Юры Хоя

А потом еще напасть приключилась. Он привел эту свою любовницу московскую — Олю, век бы ее не видеть! Мы ее встретили с любовью — все-таки сын привел. Но она мне сразу не понравилась. Не успела зайти, сразу же — «мамулечка», «папулечка»…

Ну, как это? Первый раз человека увидел, и так сразу называть?! Я ее осадил: «Ты меня „папулечкой" не называй! Зови дядей Колей. Ты меня видишь в первый раз — какой я тебе „папуля"?!»

Я так думаю: для *нее* сказать «мамуля»-«папуля» — это как два пальца об асфальт, прости Господи…

Ольга Самарина — последняя подруга Юры Хоя

Да, я знала, что он женат. Но на тот момент они с Галей почти разошлись. Она уехала к себе в Воронеж и сказала:

— Юра, у тебя гастрольная жизнь. Ты постоянно уезжаешь, а мне такое на фиг не надо…

В общем, дело шло к разводу. Все знали, что у них — конец. Они не жили вместе уже больше полугода. И Юра мне говорил:

Юра с последней подругой Ольгой Самариной

— В жизни у меня была одна ошибка. Но теперь — все! Больше я таких ошибок повторять не буду…

Галина Клинских — первая жена Юры Хоя

Про любовницу его я узнала за три года до того, как Юра умер. Он тогда из Германии приехал и сам все рассказал. Хотя я и раньше догадывалась.

Он стал меньше бывать дома… Раньше приезжал с гастролей — и сразу домой. А теперь стал задерживаться в Москве, все дольше и дольше. Пить стал очень сильно. А потом приехал и все сказал. Когда я узнала об Оле, то сама сказала:

— Давай разведемся. Она молодая, она тебе ребенка родит.

Юра отказался. Он говорил, что дело даже не в ней, а в ее квартире. Просто надо же ему где-то в Москве останавливаться. Не может же он у друзей постоянно жить… Вот и ночует у этой девушки.

Он мне говорил:

— Это временно! Скоро пройдет. Ты, Галя, меня подожди чуть-чуть…

Он постоянно повторял:

— Вы моя семья. Как вас бросить? Я без вас жить не смогу.

Я ему отвечала, что после развода дети-то никуда не денутся. Он с ними видеться сможет. А он все равно отказывался разводиться. Однажды вернулся с концертов и заявил, что хочет еще одного ребенка. В январе 1995 года у нас появилась Лиля — младшая дочка.

Юра стал чаще дома жить. Все хорошо было. Он меня поддерживал, любил…

Ольга Самарина — последняя подруга Юры Хоя

Ну, да. Юра помирился с женой, а я даже не знала об этом.

Он решил порвать со мной, вернуться к Гале и начать новую жизнь.

Они стали опять жить вместе, Лильку зачали… Юра скрывал, но через полтора года я все равно узнала. Точнее, через год и четыре месяца.

Он говорил, что пройдет время, и мне нужно будет замуж выходить… Семью заводить… То есть сам он жениться на мне не собирался. Я понимала, что свою семью он все равно не оставит. Но и меня вроде как не бросал…

Знаешь, он часто говорил:

— Жена для меня как сестра. Я ее люблю, как мать моих детей. Но как женщину я ее давно не воспринимаю. А тебя я люблю именно как женщину.

Я отвечала:

— Юр, ну разберись ты с нами, бабами, что ли! Нельзя же так жить! И родители тоже против…

И вот он пропал месяца на три. Не звонил, не заходил, вестей от него не было… То есть он как бы дал понять, что мы разошлись и все кончено. Ну, что ж? Разошлись и разошлись. У меня вскоре друг появился, мы вместе жить начали. Прожили несколько месяцев, а тут Юрка объявляется. Ну, этот парень мне сразу как-то побоку…

Но заново ничего в тот раз не началось. Мы просто посидели, поулыбались, и все. Проходит год, а у Юры день рождения был. И я послала ему поздравительную открытку. А он на следующий день позвонил. Привет, туда-сюда, через два дня буду в Москве, давай созвонимся.

Мы поговорили, как он теперь живет. Юрка рассказал, что с

Галей они часто ссорятся. Для родителей ему пришлось купить квартиру, потому что жить всем вместе становилось невыносимо: бесконечные ссоры. А как родители ушли, он понял, что никакой семьи в Воронеже у него и нет. Только дети его и держали. Он и альбомов тогда не писал. Говорил: «Прямо опустились руки, и все…»

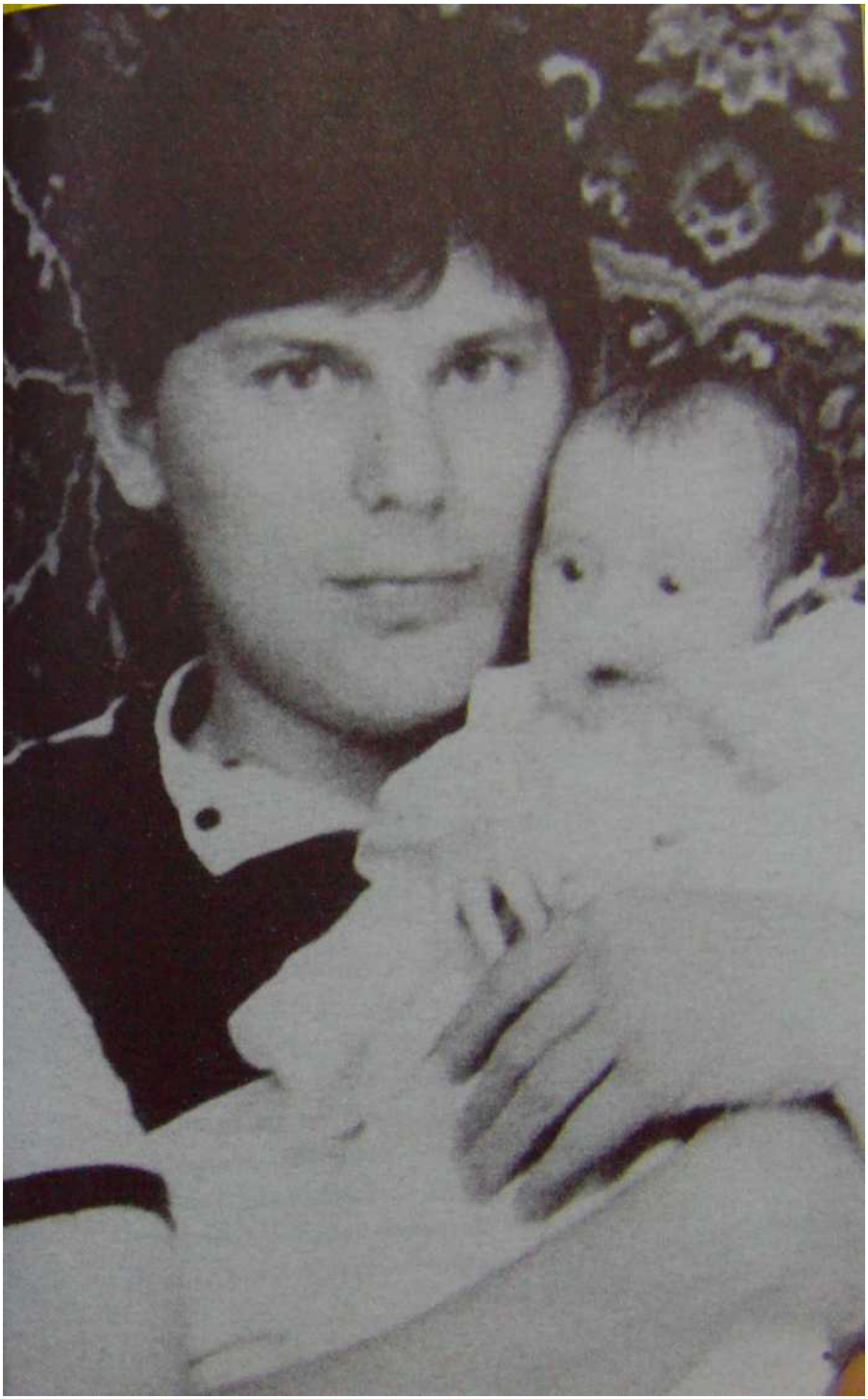
Галя очень быстро узнала, что мы опять вместе живем. Теперь, когда он приезжал домой, она ему все выговаривала. Кричала, что, мол, я его приворожила. В общем, из-за меня у Юры было очень много ругани и проблем… В основном он жил у меня, но где-то раз в месяц ездил в Воронеж к детям или чтобы помочь родителям. Оттуда он каждый раз возвращался разбитый и опустошенный.

Из-за семейных неурядиц у него и альбом не получался. Несколько раз он за него садился, но все бесполезно. Единственным утешением были концерты. Как-то мы с ним в Германию съездили, отдохнули… Хотя, какой там отдых? Скукотища! Гулять особо негде, заниматься нечем. Мы три дня из гостиницы вообще не вылезали. Все три дня бухали…

Вадим Глухов — музыкант группы «Сектор Газа»

Честно скажу: мне не нравился его стиль жизни. Не нравилось, что он спит до четырех часов дня, а потом всю ночь гуляет по клубам и бухает.

Юрец постоянно повторял, что хочет ни хуя не делать и получать за это бабки. Звучит вроде заманчиво, а на самом деле — фигня. Человек не может вообще ничем не заниматься. Иначе у него съедет крыша. Да, можно расслабиться, но это нужно делать редко и умеючи. Потому что полное безделье просто взрывает тебя изнутри. А Юра своим свободным временем пользоваться не умел.



Так что нет ничего странного в том, что Юрец докатился до наркотиков. Но думать, будто он сидел на действительно сильных дозах, тоже неправильно. Для любого наркомана его дозы были

бы просто смешны. Он два года употреблял это говно и сумел почти совсем не разогнаться.

Я вот знаю людей, которые за два года из людей в ходячие трупы превращаются. У меня был знакомый, который по утрам, просто чтобы снять ломку, загонял в себя стакан маковой соломы! Целиком! А ведь это пятнадцать кубов! А Юра плыл уже от «двушки» — в смысле от двух кубиков.

И что б там ни говорили, Юра последнее время вообще не кололся. Он прошел курс лечения, его стащили с иглы, поставили блокиратор… Хотя, конечно, зависимость от этого говна осталась, но колоться Юра все-таки перестал.

Ольга Самарина — последняя подруга Юры Хоя

Он постоянно говорил, что мы подходим друг другу, потому что оба раздолбай… Это правда: я — раздолбайка, а уж он-то раздолбаем был еще каким!

Мы с ним вели ночной образ жизни. Спать ложились утром, вставали вечером, ночи проводили по клубам и дискотекам. Как-то знакомый пригласил нас в гей-клуб. Мы съездили, но место не понравилось — слишком пафосно… И потом, Юра терпеть не мог гомиков. Просто на дух их не выносил…

Юра любил травку покурить, часто косяки забивал… А как-то раз трава кончилась, достать было негде. Мы тогда сидели в клубе, и знакомый бармен дал нам героина. Так мы первый раз и попробовали.

Юра несколько раз пытался соскочить. Делал промывание крови, все дела… Меня он тоже лечил. Как-то раз привез в Воронеж — подальше от знакомых, и положил в психушку. Я думаю, с наркотиков Юра слез бы обязательно… если бы не заболел…

Мария Кузьминична Клинских — мама Юры Хоя

Неужели он мог так любить?! Неужели она так его заколдовала?! Мы ему и не говорили ничего. Боялись, что из-за этой Оли он к нам совсем перестанет приходить…

В прошлом году он лежал в областной больнице, промывал кровь от наркоты. Старался вылечиться. А Оля его не кормила. Я прихожу к нему в палату, смотрю — батюшки! Он под капельницей лежит. Глаза как у мертвого, ноги холодные, согнулся весь… Тощий как палка, не ел несколько дней! Оля говорит:

— Ему нельзя кушать.

Я к доктору:

— Доктор, ему можно кушать? Я вот ему горяченького

принесла…

Доктор и говорит:

— Конечно можно. Все, что захочет, ему можно.

Я его и накормила… Помню, говорила ему:

— Юра, у тебя две дороги: пойдешь по белой — будешь жить; по черной пойдешь — не будет тебя.

А он отвечал:

— Я, мама, как раз по белой дороге сейчас и пошел… Скоро совсем выберусь!

Но не выбрался. Оля эта… вниз его толкала… Он просто физически устал от терзаний всех этих. Что он с первой женой пережил, то и с этой. От бесконечных нервов, думаю, у него и сердце не выдержало…

Сергей Кузнецов — директор отдела артистов и репертуара компании GALA-Records

А ты не знаешь, что ему нагадали? Никто не рассказывал? На похоронах все только об этом и говорили. Летом ему какая-то бабка нагадала, что если он не расстанется со своей Олей, то через год умрет. И ведь ровно год прошел… Странная история, правда?

Галина Клинских — первая жена Юры Хоя

Когда я узнала, что Оля его посадила на наркотики, то стала уговаривать его лечиться. Но как ты бросишь, если подруга уговаривает: давай уколемся, нам полегчает, ну последний разочек! Все было бесполезно…

Ничего больше не хочу говорить! Вот только одно помню: в день похорон я пришла домой, смотрю, а на крыше соседнего дома вращается такой шарик… Серебристый воздушный шарик… Лучики пускает. Ну, я пригляделась — раньше-то его не было, и взяться ему неоткуда. Шарик повисел, повисел и пропал…

Я думаю, так Юра с нами попрощался…

Ольга Самарина — последняя подруга Юры Хоя

Он приехал с гастролей и заболел гепатитом «С»*

Я еще у него спросила:

— Что это ты такой желтый? Печень-то не болит.

Он пошел ко врачу, сдал анализы — точно! Гепатит «С», который передается через кровь. Он сразу стал спрашивать врачей, можно ли ему встречаться с детьми?..

Детей он любил, а вот по отношению к себе… Его лечили от гепатита, делали уколы, прописали строгую диету… А он очень любил сладкое — шоколад. Горький без орехов. И врачей не

слушал, ел этот шоколад плитками…

Вадим Глухов — музыкант группы «Сектор Газа»

Накануне смерти Юра вечером заскочил ко мне домой (они с Олей снимали квартиру в соседнем доме). По дороге он купил четыре шоколадки и все съел. А у него — гепатит. И он забил себе печень. Утром у него было отравление желчью. Он кричал, что кровь жжет его изнутри… Ему нужно сразу было бы в больницу под капельницу, а он к товарищу поперся… Ну и все.

Ольга Самарина — последняя подруга Юры Хоя

Мы приехали в Воронеж снимать клип. 4 июля Юра должен был встречаться с оператором, потому что на вечер была назначена съемка. Мы договорились встретиться часов в двенадцать или в начале первого и боялись проспать. Утром я открываю глаза, а он бегает по квартире.

— Что с тобой?

— Сам не пойму… Кровь кипятком по венам бежит. Чувствую, как она бежит и не просто бежит — обжигает вены…

Я посмотрела, а у него испарина, как при температуре. У меня была мысль «скорую» вызвать. А он говорит:

— Не надо! Я сейчас аспиринчику выпью. Аспирин он вроде как кровь разжижает.

Ну, выпил, сели в машину, поехали. Он очень бледный был. Сказал:

— Блин! Я как мертвец… перед съемкой даже гримировать не понадобится…

Мы отъехали от дома. Он остановился и говорит:

— Знаешь, у меня тут знакомый живет. Давай к нему заедем.

Это было на Левом берегу где-то в частных домах. Приезжаем к этому парню, заходим в дом… Юрка сразу лег на кровать. Свернулся калачиком и стал качаться из стороны в сторону.

— Оль, так больно! — говорит. — Все огнем жжет!

Все говорят, что у него печень отказала. Не знаю… Если бы печень, то все по-другому бы было… Я не знаю, что это такое. До сих пор не знаю… Он просто лежал и качался, а я его успокаивала. Потом встала за сигаретами, пошла в другую комнату. И тут — грохот!

Смотрю, а Юра с кровати упал. Я этому парню кричу:

— Андрей! Помогай!

Мы перепугались, бросились к нему, посадили на пол, облокотили о кровать. Он так дышит тяжело. Руки трясутся, глаза закатились… Мы его положили, рубашку расстегиваем. Я еще со школы помнила про искусственное дыхание. Ну, стали делать.

Сначала рот в рот, потом массировали грудную клетку. Юра сознание потерял, а Андрей говорит:

— Слушай сердце!

Я слушаю, и мне кажется, что оно где-то далеко-далеко. Но пока бьется.

Андрей бросился «скорую» вызывать. Там три раза отказывались адрес записывать. Я звоню и уже во весь голос кричу:

— Что вы делаете? Он же не доживет, пока ваши врачи приедут!

Наконец адрес записали. Я выбежала встречать их на улицу, чтоб врачи не заблудились в домах… А Юра уже задыхается, лицо бордовое… В общем, как он лежал, так и умер…

Чем я сейчас займусь? Не знаю. Наверное, на работу буду устраиваться. Официанткой в ночной клуб. Платят прилично, да и чаевые там нормальные.

15
«Поганая молодежь»
(Альбом Егора Летова. 1985 год)

Егор Летов дает интервью журналу «МК-бульвар» (1999 год)

— Говорят, до 1991 года ты вообще не пил, не курил, не употреблял наркотики. Потом что-то случилось, и ты сорвался. Ходили слухи, что это было связано со смертью твоей подруги Янки. Это так?

— Да нет, я и до этого пил и употреблял. Дело-то не в этом. Это просто форма эпатажа, когда на людях появляешься в таком состоянии, что непонятно, как вообще на ногах-то держишься. Это тоже определенное разрушение канонов. Мы отнюдь не очкарики-интеллигенты, которые сидят дома, читают умные книжки и слушают умную музыку.

— Но многие Янкины друзья напрямую обвиняли тебя в ее смерти…

— Ну, это глупости! Мы с ней вообще долго не виделись… несколько лет. Редко переписывались и редко созванивались. Она жила совершенно своей жизнью. У нее была своя команда, она писала свои песни. У нее была своя семья. И она совсем даже не собиралась с собой кончать. Человек-то веселейший был, ужасно любящий жизнь. Что там произошло на самом деле, я не знаю и комментировать не буду.

— Помимо Янки, и другие твои друзья — Башлачев, Селиванов — покончили жизнь самоубийством. Да и ты не раз говорил, что в самоубийстве для тебя нет греха. Как, по-твоему, это рок-н-ролл неминуемо приводит к трагической развязке?

— Не знаю. Это слишком буквальное понимание слов. Суицид в моем понятии — это, прежде всего, убийство эго. Да, для меня нет греха в суициде. Но если это делается не от слабости, а от силы. Как у самураев в Японии. Или когда не остается другого выхода. Суицид для меня, наоборот, воспевание жизни в высшей форме. Человек только на пороге смерти начинает понимать, кто он такой. Где он находится, что такое жизнь, что такое любовь. Я сам был очень часто в таких состояниях. А без этого получается одна болтовня.

— Действительно часто?

— Даже в тот раз, когда Янка умерла… Я тогда, в принципе, понял, что — всё… Это не из области любви или чего-то там… Просто когда такие люди, как она, умирают… блядь, ни за что!., просто так умирают!., то ведь жить-то и незачем. Смысла нет! По большому счету я так считаю до сих пор. А тогда я взял и распорол себе руку до кости. Так, что у меня в ране кость блеснула. Больно не было, и крови почти не пошло. Я взял, края раны слепил и завязал. Покурил и просто пошел домой.

— То есть сам ты тоже предпочтешь неестественный конец?

— Не дождетесь.

Из самиздатовской музыкальной прессы (1993 год)

С момента последнего опубликованного интервью Егора прошло ровно три года. Но сказать, будто все эти три года мы жили без «Обороны», нельзя.

Во-первых, постоянные слухи: Летов продает свои записи, а на вырученные деньги купил дачу… Летов вот-вот выступает в Москве… Летов повесился (дважды)… и так далее. Во-вторых, начали выходить его пластинки. Это было достаточно странно в свете предыдущих заявлений Егора о его нежелании хоть что-то продавать, но это было скорее хорошо. Все-таки качество его магнитофонных записей было столь ужасающим, что хотелось наконец послушать «Оборону» в более или менее приличном звуке. Не смущали даже запредельные цены. Говорили: «А чего вы хотели? Любите кататься — платите бабки!» И платили. Исправно. Самый первый вышедший диск сразу стоил 13 600. Треть месячной зарплаты.

А главное — все ждали нового альбома. 0 том, что называться он будет «Сто Лет Одиночества», известно было давно. В ожидании прошел весь 1992-й. Говорили, что кто-то где-то, мол, его уже слышал. Иногда в Москву приезжал Кузя Уо, который приносил кассету, ставил… потом спрашивал: «Клево?!»… и уносил, никому не давая переписать… Ходили слухи, что уж к весне-то альбом выйдет… вернее, летом… может быть, в августе… в крайнем случае — к Новому году. Часть материала появилась на магнитофонных кассетах только осенью 1993-го. А пластинки нет и до сих пор.

Все эти годы Егора как бы не было, но истерия все равно продолжала нарастать. Есть люди, которые никогда «Оборону» не любили. Но куда больше таких, для которых Летов давно уже живое божество. Журналисты даже запустили термин «Гр. Об.-wave» — «Волна Обороны». Надо же хоть как-то обозначить шеренги апологетов, эпигонов, учеников, последователей и

мемуаристов.

Миф окончательно вышел из-под контроля. Потерял связь с конкретным человеком Игорем «Егором» «Джа» «Дохлым» Летовым.

Первое большое интервью Егора Летова после трехлетнего перерыва (2 декабря 1993 года)

— Как часто «ГО» дает концерты?

— Последний прошел в Таллине в апреле 1990 года.

— С чем же связан этот почти трехлетний перерыв?

— Обстановка вокруг концертов стала носить истерически-маниакальный характер. В Воронеже мы выступали на стадионе. После первой же песни началась массовая драка. Люди становятся похожими на гальванических зомби. Они не умеют либо не способны использовать энергию, которую получают в позитивном, творческом ключе.

— Чего же ты хочешь от публики?! Неужели желаешь видеть свою аудиторию чинно рассевшейся, как на концерте классической музыки?

— Я хочу видеть на концертах таких же людей, как мы сами. Пусть с помощью той энергии, которая к ним приходит, люди по-другому посмотрят на мир. Пусть они почувствуют себя вечно живыми, огненно-живыми. Смогут контролировать себя и постараются трансформировать эту энергию в творчество.

— На какие деньги ты сейчас живешь?

— Только на доходы от пластинок. Пишу стихи, думаю, сочиняю. Есть идея снять полнометражный художественный фильм.

— Егор, но ты же сегодня один из немногих рок-музыкантов, если уже не единственный, который может без проблем собрать полный дворец спорта в Москве или любом другом городе. Не хочешь использовать благоприятный момент для повышения своего материального положения?

— Предложения такие были. Причем речь шла об огромных гонорарных суммах. Но деньги мне не нужны. Живу я скромно, на жизнь пока хватает. Все деньги трачу на пластинки и компакт-диски.

— А вот скажи, как ты относишься, извини за дурацкий вопрос, к наркотикам?

— Хорошо отношусь! ОЧЕНЬ хорошо и трогательно отношусь.

— А сам?

— И сам! С некоторых пор вообще ни от чего не отказываюсь. И трава — хорошо, и водка — отлично, и… Все, что помогает крушить и взрывать все эти картонные трехмерные декорации, — все хорошо! Я вот сам последние несколько месяцев как минимум раз в два дня психостимуляторов нажираюсь. И хорошее, я скажу тебе, это дело! Я вот мечтаю ЛСД достать, да не дается он мне в руки. До смешного.

— Сколько тебе лет?

— В следующем году будет тридцать.

— Ты уже видишь впереди непреодолимый барьер или еще остались запасы для творческого роста?

— Мы недавно записали альбом «Сто Лет Одиночества». Писали его целых два года — рекордно долгий для нас срок. Раньше работали над альбомом от месяца до полугода. А когда мне было семнадцать, я вообще однажды записал пять альбомов за месяц. То есть шаги вперед даются все трудней. Каждый раз, когда заканчиваю работу над новой песней, кажется, что она последняя и дальше идти невозможно. Но потом впереди все равно обнаруживается просвет.

— А как бы ты охарактеризовал отечественное панк-движение? Конечно, если оно еще существует?

— Удивительная картина! На Западе лучшие представители панк-рока смыкаются с ультраправыми (Как «Ramones») или с коммунистами (как «Clash»). Там панк — это прежде всего борьба с Системой. А у нас установление мафиозной диктатуры панки встретили чуть ли не с ликованием. На смену одному тоталитаризму (как сейчас выяснилось — вполне себе человечному) пришел новый — чудовищный, хищный и беспощадный. А наши бунтари неожиданно успокоились и сочли, что все нормально! Я так не могу. Я верю, что панк — это всегда протест, вечная война. А кто считает иначе, тот либо неизлечимый дегенерат, либо трусливый предатель и переодетый агент правящей Системы.

Газета «Комсомольская правда»
(декабрь 1993 года)

Концерт панк-группы «Гражданская Оборона», который должен был пройти в московском ДК имени Горького, закончился массовыми беспорядками.

Заявленное выступление сибирских панков должно было стать первым концертом из серии выступлений «Русский прорыв». После трехлетнего молчания Егор Летов вернулся в столицу под знаменами борьбы с нынешним режимом. Объявив себя ультра

коммунистом и советским националистом, Летов возглавил новый музыкальный фронт, получивший название «Русский прорыв».

В пятницу в ДК имени Горького должна была состояться большая пресс-конференция с участием деятелей оппозиции: Эдуарда Лимонова, Александра Дугина, Александра Проханова и нескольких сибирских музыкантов. После пресс-конференции планировался первый за три года концерт «Гражданской Обороны» в Москве. На организацию концертов лидер партии ЛДПР дал «Прорыву» миллион рублей из партийной кассы. Однако ни пресс-конференции, ни концерта так и не получилось.

Позже говорили, будто организаторы концерта продали в зал вместимостью 800 человек почти десять тысяч билетов. И, прихватив кассу, скрылись. Толпа панков, пришедших посмотреть на кумира, перекрыла все движение на прилегающих улицах. Кто-то из фанатов «Обороны» начал жечь костры. Кто-то — сразу перешел к битью стекол. Милиционеры утверждают, что, сняв трамвай с рельсов, панки пытались как тараном пробить им запертые двери ДК.

Так это или нет — неизвестно. Но на происходящее власти среагировали так, будто речь идет об опасной политической манифестации. К зданию ДК были стянуты силы московского ОМОНа, и в результате разгона толпы девять человек оказались в реанимации.

Очевидно, предчувствуя такой исход мероприятия, большинство заявленных в пресс-конференции деятелей оппозиции возле здания ДК так и не появилось.

Из белорусской самиздатовской музыкальной газеты

Ехали в Москву — у всех ни копейки… Начало концерта в пять. Я говорю, мол, если мы хотим туда прорваться, надо подходить раньше… Подъезжаем к часу. Подходим к парадному входу, рулим напрямую. Мы с Фрэнком успеваем пройти, сразу за нами закрывают дверь…

Приходит охрана, начинает чистить зал. Со служебного входа сидят девочки, без аккредитации никого не пускают. Узнаем, сколько стоит билет: двадцать тысяч! То есть почти в три раза больше, чем минимальная зарплата! У меня с собой был бельгийский пропуск в лагерь беженцев: прозрачный пластик с фотографией. Я булавкой прицепил его на балахон. Выглядит как аккредитация. Мы тусуемся, мозолим глаза. К нам начинают привыкать, принимая нас за своих… Народ уже начинает наплывать…

Интерьер: посреди зала возвышается ракета, защитные сетки,

пивные банки… На стенах картины Вегелянского, разные свастики… Буфет, икорка… На сцене баррикады из мешков с песком. Опять же защитные сетки, на заднике — транспарант «Русский прорыв. Руководство к действию»… Слышим: «Сейчас начнется пресс-конференция!» Кричу Фрэнку:

— Доставай свой диктофон, пошли!

Сама пресс-конференция прошла скомканно. На сцене сидели Летов, Дугин, Рома Неумоев из группы «Инструкция по выживанию» и еще несколько чуваков. Какая-то истеричная тетка все орала Летову: «Егор, я не понимаю, чего ты хочешь!»

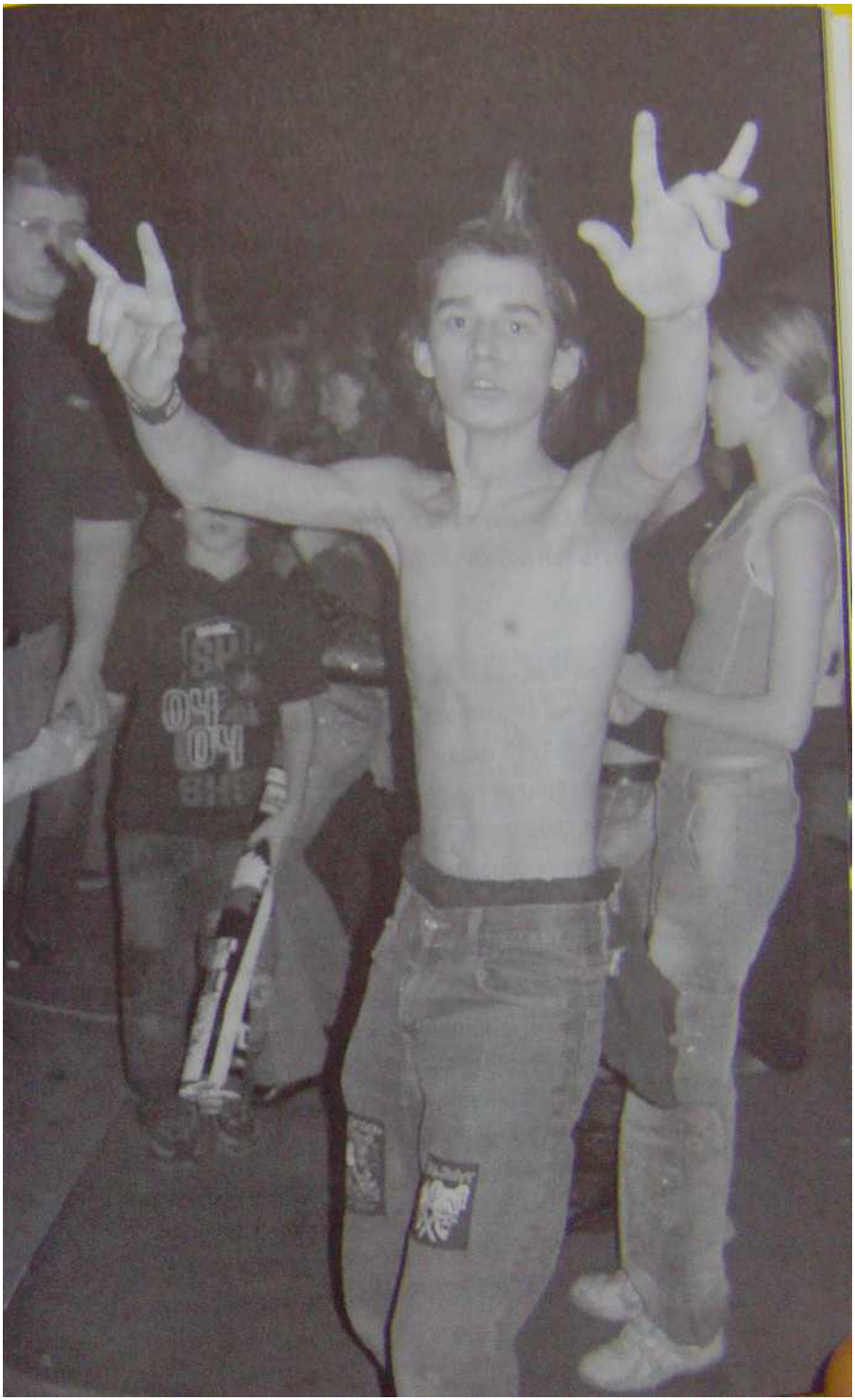
После пресс-конференции я спросил у Неумоева:

— Ромыч, там снаружи несколько тысяч человек, которые не могут попасть внутрь. Что им делать?

Неумоев пожал плечами:

— Я не считаю, что билеты — это так дорого. На наркотики люди тратят гораздо большие деньги. Я считаю, что те, кто понимает, зачем все это, должны скопить или отдать последнее… тем более что сумма не такая уж и огромная…

— Двадцать тысяч не огромная? Это где-то семнадцать баксов. У нас в Беларуси больше средней зарплаты хорошего рабочего…



— В России люди зарабатывают и по сто тысяч. По всем вопросам надо обращаться к правительству. Почему мы должны

существовать в таких условиях?!

Мимо проходит Летов. Я хватаю его за рукав:

— Егор, тебе не кажется, что все эти люди просто используют тебя? Что они хотят за твой счет привлечь к себе внимание?

— Я с ними уже год. Я собираюсь сотрудничать с ними и дальше. Я счастлив, что оказался в такой компании!

— А люди? Они стоят под дверью и не могут войти!

— Им по карману купить себе бутылку водки?! Так вот две бутылки водки — это как раз и есть стоимость билета!

Из панк-газеты «Сибирская язва»

В программе «МузОбоз» и по радио было объявлено: 19 декабря 1993 года в Москве в ДК имени Горького состоится концерт группы «Гражданская Оборона». «Гробоманы» собрались со всей России: кто-то ехал по трассе, кто-то «на собаках». Собрались все, кто последние несколько лет только и мечтал: увидеть ЕГО!

Билеты были распроданы через два часа после поступления в кассы и кончились еще месяц назад. В день концерта перед ДК собралась толпа из нескольких тысяч человек, которые не смогли купить билеты, но желали попасть внутрь. Однако в здание так никого и не пустили. Ни с билетами, ни без. Даже тех, кто за десять или за двадцать тысяч рублей купил билеты, менты вытолкали дубинками, а билеты порвали.

Сперва там проходила пресс-конференция, и вход был только для журналистов. Но мы не расходились, чего-то ждали. Да и некуда нам было идти: москвичей среди нас было мало. Мы орали:

— Егор! Хой!

И он к нам вышел! Он сказал:

— Концерт будет, стекла не бить!

Везде горели костры. Вообще-то стояла зима, было холодно, а концерт задерживали уже на четыре часа. В толпе ходили какие-то нацики, которые спрашивали: «Че, на концерт пришел? Вот тебе концерт!» И били нас. И стекла били тоже они. И из-за этих стекол в результате кто-то вызвал ментов. ОМОНу сказали, что возле ДК начинается что-то вроде фашистского восстания. И конечно, менты горели желанием показать, как они умеют давить восстания.

Из белорусской самиздатовской музыкальной газеты

После пресс-конференции должен был начаться сам концерт. Мы сунулись в зал… Пока шли до него, вокруг стоял громкий

звон бьющихся стекол. Окна били уже больше чем полчаса. На улице — тысячи полторы…

Начала настраиваться «Инструкция по выживанию». Мы с Фрэнком сидим. Вдруг вваливает ОМОН:

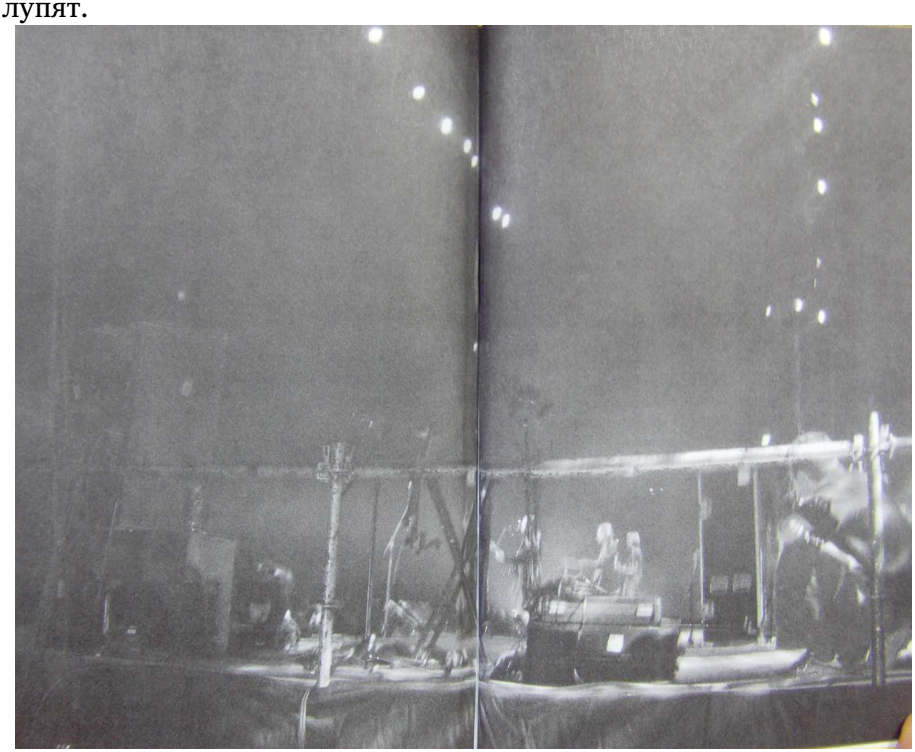
— Встать! Всем из зала вон!

Пытаемся не вставать. Подходят со списками аккредитованных лиц. Спрашивают фамилию:

— Эти с вами? Нет? Во-о-он!!

И дубинкой по спине… Всех выводят, но на улицу не выйти. Там творится вообще сумасшедший дом. Нас организованно загоняют в гардероб, а в это время через разбитое окно с улицы в зал прорывается группа человек в пятьдесят.

Через какое-то время нашу группу выгоняют из гардероба на улицу. Толпу, которая стояла перед ДК, уже разогнали. Мы стоим, ждем. Это ведь как обычно: сперва всех выгонят, но потом все равно будут пускать… Я еще подумал: «Летов же тут определенной властью обладает. Может, он выйдет, скажет, чтобы пропустили всех?» Вдруг подъезжает автобус. Оттуда выскакивает взвод ОМОНа и в нашу сторону. Омоновцы в бронежилетах, в касках, с дубинками, с газом… Где-то уже в воздух из автоматов лупят.



Все врассыпную. Я бегу, а сам думаю: «А чего это я бегу-то? Лучше создам впечатление, будто я — обычный прохожий». Голову— в плечи и пошел. Вокруг омоновцы догоняют панков,

валят на землю и прямо тут пиздят ногами и дубинками. Мне тоже заехали пару раз…

Пытаюсь зайти назад в ДК… У входа стоят «скорые». Одна машина реанимационная, кто-то лежит уже под капельницей. Неплохо его ОМОН утихомирил!

Захожу в зал. В фойе играет музыка… Стоят люди. Заглядываю через плечо: на табуретке сидит Ромыч, играет на гитаре… Я от всей этой войны охуел просто! Вокруг всех пиздят, реальная кровь льется, а он сидит, на гитаре играет! На карачках рядом с Ромычем сидит Егор.

Все кричат:

— Егор, давай! Егор, пой!

Один пацанчик рядом сидит, обхватив лицо ручонками, и смотрит на Летова так, будто бог на землю спустился. Девчонки фотографии к груди прижимают, ждут, когда им автограф дадут… Из туалета хлопца выносят… Там режут вены, потому что не могут поверить своему счастью: они видели самого Егора!

А Малыша, который с нами ехал, отхуячили так, что он лежал совсем мертвый. Какие-то московские панки подобрали его, занесли на поезд, вписали. Билетов не было, но он как-то доехал. А как до дому добрался, сразу пошел в больницу…

Газета «Известия». Статья «С панками в кутузке» (декабрь 1993 года)

Афиши о предстоящем концерте «Обороны» не расклеивались по городу. Но в тот день у ДК все равно собралась безбрежная толпа панков и просто молодежи. В зал их не пускали, и они истошно вопили:

— Е-гор! Е-гор!

Через несколько часов, охрипнув и устав ждать, молодежь устроила дикий шабаш. Разнесла вдребезги окна и застекленные двери дворца, забрасывала камнями проходящие трамваи. И на этой стадии к ДК подъехал ОМОН.

Милиционеры оказались ребятами бравыми. Мозги хулиганам были вправлены быстро. Тех, кто пытался брыкаться, били беспощадно — дубинками, кулаками, сапогами. Затем почти в бессознательном состоянии закидывали в автобус. Толпа была взята в кольцо, и выйти из него мне не удалось. Вместе с фанатами Егора Летова я отправился в отделение.

Впрочем, ко мне отнеслись корректно — почти не били. Сидеть в камере было скучно.

— Ты знаешь, — обратился я к одному из соседей, — что сегодняшний концерт был организован оппозиционной газетой «Завтра» и праворадикальными партиями?

— Не-а. Первый раз слышу.

— Ну а то, что в ДК, пока вы его громили, начинался фестиваль «Русский прорыв», слышал?

— Плевал я на этот фестиваль. Мы с пацанами пришли на Егора.

— И часто вас арестовывает милиция?

— Да почти после каждого концерта. Ну и что’ Мне двенадцать лет! Милиция не имеет права меня арестовывать!

Старшина по одному выволакивал подростков из камеры на проверку личности. За решеткой слышались удары, чей-то горький плач. Самых строптивых продолжали учить даже в отделении. Через несколько часов подошла и моя очередь. Проблем с выяснением личности не было, и, уходя, я спросил офицера:

— Другого способа воспитать ребят, как кулаком по физиономии, уже нет?

— Будь моя воля, — ответил тот, — я бы этих фашистов давил, как тараканов.

Из **интервью Егора Летова (1993 год)**

— Сейчас у нас в стране построена демократия. Ты веришь в демократию?

— Нет. Честно говоря, не верю.

— Ну вот, допустим, тоталитаризм сокрушен…

— О, нет! В это я точно не верю!

— Нет?

— Я — анархист. То есть я против любой власти. Но при этом я уверен, что сокрушить власть невозможно. Тоталитаризм заложен в самом сознании человека. Как ни борись, мы все равно к нему скатимся. В 1980-х мы боролись за то, чтобы сломать тогдашнюю Систему. Теперь будем бороться, чтобы сломать нынешнюю. Игра заранее проиграна, но это не значит, что бороться не нужно!

— И как тогда быть?

— У Галича есть песня про то, как зэки бегут с зоны. И их одного за другим убивают… Кончается тем, что всех до одного убили. И он просто говорит белым стихом: «Ни один из них не добежал но бежать все равно стоило. Игра заранее проиграна, я знаю, что ничего не удастся сделать, но тем не менее!..»

— А ты верующий человек?

— Я человек, свято и отчаянно верующий в чудо В чудо неизбежной победы безногого солдата, ползущего на танки с голыми руками. В чудо победы болтом угрожающе топорщащего крылышки навстречу надвигающемуся на него поезду.

Раздирающее чудо, которое может и должен сотворить каждый отчаявшийся, каждый недобитый, каждый маленький.

— *Но ведь это не победа, а поражение!*

— Знаешь, я читал про самурая, который перед тем, как сделать себе харакири, написал: «Уничтожу весь мир!» И я свято верю, что он весь этот мир и расхуярил. Сытый, существующий в липкой протяженности будней, не сотворит чуда. Не остановит мир. На это способен лишь тот, кому нечего терять. Это тот сокрушительный залп, когда уже кончились патроны. Пусть в глазах всего мира это разгромное поражение, зато для тебя это полный и окончательный триумф!

— *А что будет, когда окончится ваша война?*

— Начнется другая. И так бесконечно.

Сообщения информационных агентств:

19 февраля 2008 года у себя дома в Омске скончался музыкант и поэт Егор (Игорь Федорович) Летов. Смерть наступила во сне. Друзья Летова уверяли, что последнее время он часто жаловался на сердце. Летову еще не исполнилось и сорока двух лет. С его смертью огромная глава отечественной музыкальной истории оказалась завершена.

СТОГОФФ
PROJECT
СтогOFF Project — гибрид книжной серии и журнала.
Каждый месяц вы получаете новую книгу,
из которой узнаете о том, что происходит
ПРЯМО СЕЙЧАС!
ГРЕШНИКИ
Жизнь и смерть героев 1990-х
4ЕТВЕРТАЯ ВОЛНА
Репортаж о рождении «новой альтернативы»
НАША МУЗЫКА
Первая полная история русского рока, рассказанная им самим
МЕРТВЫЕ МОГУТ ТАНЦЕВАТЬ
ПУТЬ ХУНВЕЙБИНА
Хроники русской революции
SKINHEADS
История одной банды
РЕЙВОЛЮЦИЯ
Как это было на самом деле
БРОНЗОВЫЙ РОК
Рождение русского рока
МИЛЛИАРДЕРЫ
Как устроена Россия
POR-NO!
Исповедь порномагната
ДНЕВНИК ГОРОДСКОГО ПАРТИЗАНА
АНАРХИЯ В РФ
ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ПАНКА
WWW.AMPHORA.RU
издательство амфора
Фото на обложке
Дмитрия Конрадта
9 785367 007343
ISBN 978-5-367-00734-3

notes

Примечания

1

Игорь Гудков. Продюсировал первые альбомы группы «Алиса», а в 1990-х занимался «МультFильмами» и группой «Кукрыниксы». В советские времена папа Игоря занимал пост секретаря Ленинградского горкома КПСС по идеологии.

2

Евгений Юфит — мэтр авангардного кинематографа, создатель и главный идеолог движения некрореалистов, обладатель нескольких престижных кинонаград и любимый ученик режиссера Сокурова.

3

Родители Андрея Панова — известные артисты балета. Уехав из Советского Союза, его отец стал солистом Бостонского театра, и его популярность в Штатах вполне сопоставима со славой Барышникова или Нуреева.

4

Андрей Тропилло — звукорежиссер, на студии которого в 1980-х были записаны все первые альбомы русского рок-н-ролла.

5

Брат Егора Летова Сергей — один из самых известных в стране джазовых музыкантов.

6

Антисоветское издательство, созданное эмигрантами из СССР. Штаб-квартира находилась в Брюсселе.

7

Национальный парк в Латвии, где в советские времена существовал летний лагерь хиппи.

8

В ценах начала 1990-х годов.

9

Ленинградский музыкант, основатель группы «Алиса»,